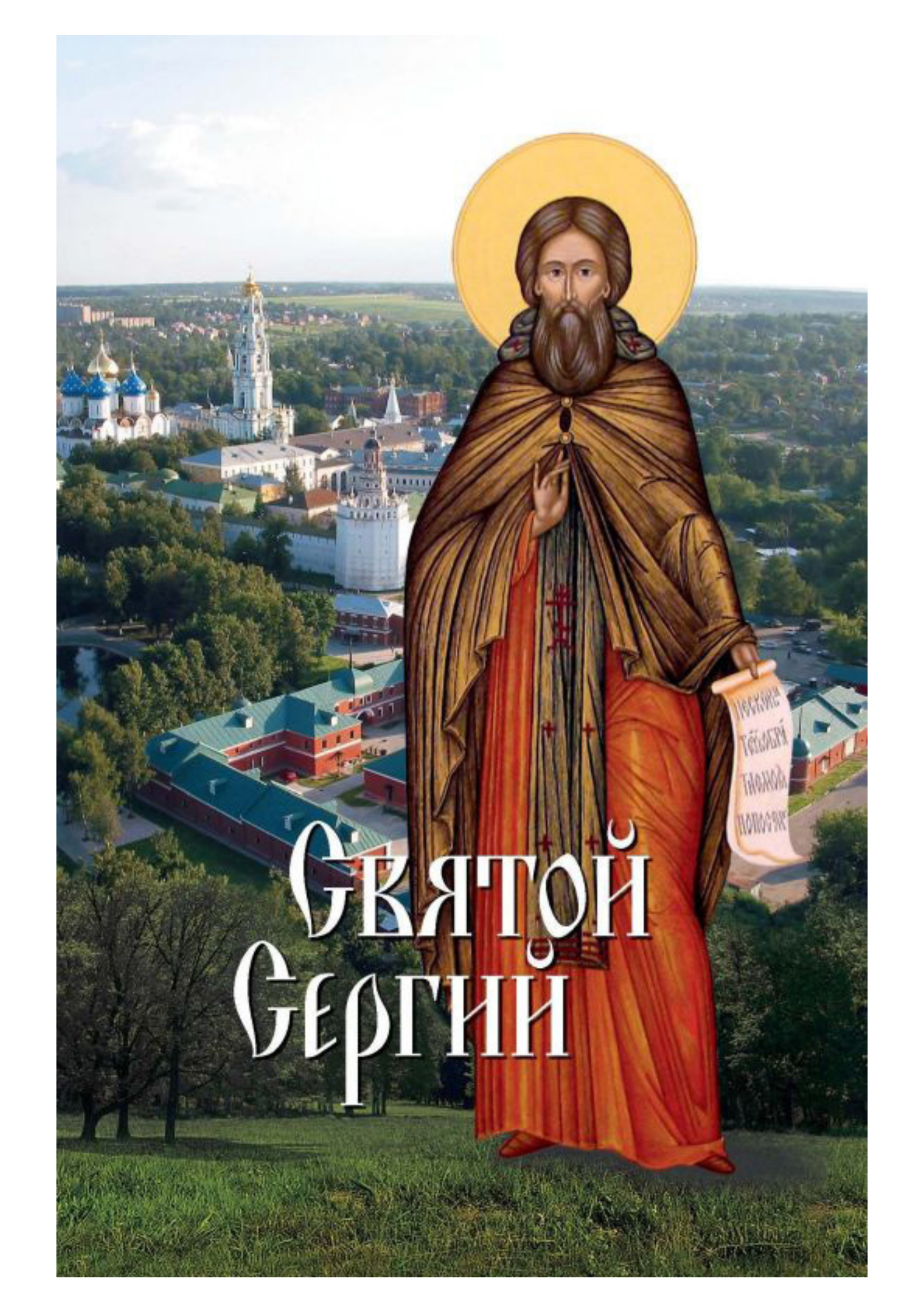

An icon of Saint Sergius of Radonezh, a prominent Russian Orthodox monk and founder of the Trinity-Sergius Monastery. He is depicted with a long brown beard and hair, wearing a golden-brown outer robe (himation) over a red inner garment. He holds a scroll in his left hand and has his right hand in a gesture of blessing. A golden halo surrounds his head. The background is a photograph of the Trinity-Sergius Monastery in Zvenigorod, Russia, featuring its iconic white walls, towers, and blue-roofed churches with golden domes, set against a backdrop of green trees and a clear sky.

СВЯТОЙ СЕРГИЙ

Святой Сергей

«Сибирская Благовонница»

2013

Святой Сергей / «Сибирская Благовонница», 2013

«Есть имена, которые носили исторические люди, жившие в известное время, делавшие исторически известное жизненное дело, но имена, которые уже утратили хронологическое значение, выступили из границ времени, когда жили их носители. Это потому, что дело, сделанное таким человеком, по своему значению так далеко выходило за пределы своего века, своим благотворным действием так глубоко захватило жизнь дальнейших поколений, что с лица, его сделавшего, в сознании этих поколений постепенно спадало все временное и местное, и оно из исторического деятеля превратилось в народную идею... Такие люди становятся для грядущих поколений вечными их спутниками, даже путеводителями, и целые века благоговейно твердят их дорогие имена не столько для того, чтобы благодарно почтить их память, сколько для того, чтобы самим не забыть правила, ими завещанного. Таково имя преподобного Сергия; это не только назидательная, отрадная страница нашей истории, но и светлая черта нашего нравственного народного содержания» – это слова историка В. О. Ключевского из книги о Сергии Радонежском «Значение преподобного Сергия для русского народа и государства». В сборнике рассказано и о других святых угодниках Божиих Сергиях. За именем каждого из них – особый духовный подвиг, своя вершина.

, 2013

© Сибирская Благовонница, 2013

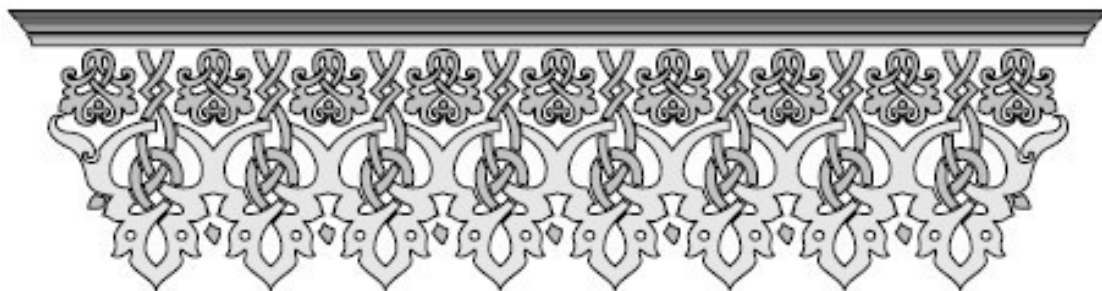
Содержание

Святые угодники Божии Сергии	6
Сергий Радонежский светильник Земли Русской	7
Светильник Земли Русской	8
Ставший пастухом людям	8
Храм над мирской суетой	9
Главное событие русского Средневековья	10
Димитриевская суббота	11
Светильник Земли Русской	12
Акафист святому преподобному Сергию Радонежскому	14
Кондак 1	14
Икос 1	14
Кондак 2	14
Икос 2	15
Кондак 3	15
Икос 3	15
Кондак 4	16
Икос 4	16
Кондак 5	16
Икос 5	16
Кондак 6	17
Икос 6	17
Кондак 7	17
Икос 7	17
Кондак 8	18
Икос 8	18
Кондак 9	18
Икос 9	18
Кондак 10	19
Икос 10	19
Кондак 11	19
Икос 11	20
Кондак 12	20
Икос 12	20
Кондак 13	21
Молитвы преподобному Сергию Радонежскому	22
Молитва первая	23
Молитва вторая	24
Молитва третья	25
Молитва четвертая	26
Святые раннехристианских времен	27
Житие святых мучеников Сергия и Вакха	28
Святые Древней Руси	33
Преподобный Сергей Валаамский	33
Преподобномученик инок Сергей	35
Преподобный Сергей Обнорский, Нуромский, чудотворец	36
Вологодский	

Преподобный Сергей Шудтомский (Шудтовский)	40
Святые Сергии, новомученики Российские	41
Архимандрит Сергей (Шеин)	41
Священномученик иерей Сергей Мечев	43
Священномученик Сергей (Зверев), архиепископ Елецкий, Мелитопольский	47
Преподобноисповедник архимандрит Сергей (Сребрянский)	50
Священноисповедник Сергей (Правдолюбов)	57
Священномученик Сергей (Махаев)	64
Священномученик Сергей (Лебедев)	68
Священномученик Сергей (Кедров)	73
На ниве Христовой	76
Митрополит Московский и Коломенский Сергей (Ляпидевский)	76
Святейший Патриарх Сергей (Страгородский)	78
Митрополит Виленский и Литовский Сергей (Воскресенский)	83
Епископ Можайский Стефан (Сергей Никитин)	86
Архиепископ Старорусский и Новгородский Сергей (Голубцов)	94
Епископ Новосибирский и Бердский Сергей	97
Митрополит Токийский Сергей (Тихомиров)	101
Архиепископ Пражский Сергей (Королев)	106
Игуменья Сергия (Мансурова)	113
Великий князь Сергей Александрович	117
Литература	127

Святые угодники Божии. Святой Сергей Составитель Л. В. Филимонова

Святые угодники Божии Сергии

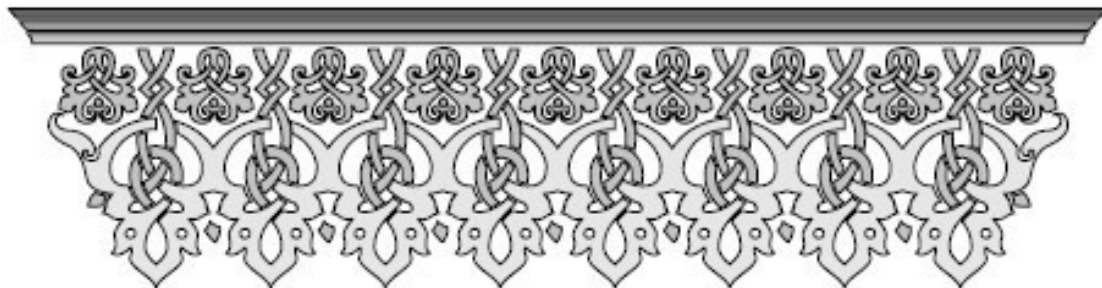
Преподобный Сергей Радонежский в монашеском постриге был наречен в честь мученика Сергия – римского святого первохристианских времен. В нашей книге приводится житие святого мученика Сергия и его соподвижника Вакха. Отдельная глава посвящена святым Сергиям Древней Руси. XX век дал самое большое за всю историю Русской Православной Церкви число святых, чье стояние в вере лежит в основании возрождения России и нашего сегодняшнего возвращения в Церковь. Список открыт, продолжается сбор документов, некоторым из новомучеников и исповедников еще только предстоит канонизация. Ничей подвиг стояния в вере не должен быть забыт, поэтому необходимы и эти маленькие рассказы.

Но в книгу вошли рассказы не только о святых. Есть немало людей с именем Сергей, потрудившихся на церковной ниве, о которых вспоминают сегодня с благодарностью. Среди них богословы, духовные писатели, историки Церкви, миссионеры, самоотверженные пастыри, неутомимо служившие Богу и миру, во многом определившие течение духовной жизни в России. Их жизнеописания помогают современному человеку понять подлинную жизнь Церкви.

От редакции

Сергий Радонежский светильник Земли Русской

Память его совершается 5 (18) июля и 25 сентября (8 октября)

Светильник Земли Русской

Чтобы представить себе, что такое святость, молитвенность, вера православная, надо обязательно приехать в лавру преподобного Сергия – в Сергиев Посад. Она отдалена от Москвы на 65 километров – ныне это направление Ярославской железной дороги, час с небольшим на электричке. Но если путник оказался здесь однажды, то его всегда будет тянуть в эти места. Среди тревог жизни, среди повседневной суеты как защежит вдруг сердце, как потянет к преподобному! К нему, к великому печальнику за нас, за землю Русскую, к нему хочется принести свои горести, сомнения, беды, ему излить свое сердце, укрепить свою душу и вернуться к своим делам, зная, что есть в России спасительное место, благодаря которому живет наша Отчизна.

В лавре бывают счастливые минуты, когда остаешься один, и в вековой тишине, созданной монастырскими стенами, кажется: не шум машин на шоссе слышен, а гудение старинного бора. Чудится, что вот-вот прошел из своей келлии в Божий храм игумен монастыря и начал службу.

«Ангел земли Русской», «заступник за землю Русскую перед престолом Божиим» – так называют преподобного Сергия.

Кто он, преподобный Сергей? Почему он так знаменит в России, как никто из земных царей, военачальников, любых знаменитостей? Он же никогда не был никаким повелителем людей, бежал от любых знаков отличия. Одевался он скромно – однажды приехавший к нему вельможа принял его за нищего. Митрополит Московский Киприан пытался возложить на Сергия золотой крест, но преподобный отказался, ему предлагали стать митрополитом, он ушел в келью и закрылся. Так что же он такого сделал, свершил за свою жизнь?

Он спас Россию. И спасает ее. Как? Своими молитвами. Но разве он один молится за Россию? Нет, но его молитвы доходят до престола, до Царя Небесного, а наши, по грехам нашим, поднимаются невысоко.

Он из простой семьи. Родился в селе Варницы, недалеко от Ростова Великого. Родители хотя и считались боярами, но жили своими трудами. Их сын Варфоломей пастушил. Именно ему было суждено прославить Россию своим монашеским именем Сергий.

То, что родится необыкновенный ребенок, его матери было дано знать еще до его рождения. Во время церковной службы, когда мать носила мальчика еще под сердцем, он трижды вскрикнул, да так громко, что слышали все молящиеся. А после рождения сразу же явилось другое чудо – младенец отказывался пить молочко из материнской груди в постные дни, в среду и пятницу. Рос Варфоломей ласковым, послушным, ничем не выделялся среди сверстников. Но вот только грамота и чтение давались ему с трудом, и мальчик сильно переживал.

Ставший пастухом людям

И однажды Божественное провидение изменило судьбу мальчика. В его жизни произошел замечательный случай. В один из дней мальчик пас коров, но они разбежались, и пастушок не знал, что делать. К нему подошел старец. Заговорил с отроком, угостил кусочком просфоры. Мальчик пожаловался дедушке, что плохо понимает письменную грамоту. Многим из нас эта сцена встречи Варфоломея и старца знакома по картине М.В. Нестерова «Видение отроку Варфоломею» (1889–1890).

Старик утешил мальчика, благословил, проводил до дома. Погостив у родителей Варфоломея, старец покинул гостеприимный кров. К изумлению домочадцев, Варфоломей, взявший в руки Псалтырь, стал ясно и громко его читать. По всем описаниям выходило, что старцем был святитель Николай – любимый святой в русских семьях.

Чем была Русь XIV столетия? Она изнывала под ордынским игом. Но Господь спас Северную Русь – край озер и болотных топей, рек и непроходимых лесов. Туда не дошла татарская конница. Ведь и былины так называемого киевского цикла сохранились именно на Севере. Народное творчество, соединенное со святостью богослужения, было живительным, искрящимся ключом: русские дети вырастали в чистоте и целомудрии. Никаких светских книг не было. Дети учились по книгам Священного Писания, по житиям святых, увлеченно слушали былины, песни, сказания.

Варфоломей сторонился забав, игр. От него редко можно было услышать шутку или смех. Первый описатель его жизни блаженный Епифаний Премудрый говорил, что еще в детстве преподобный полюбил ночные молитвы. Он взывал к Господу: «Дай мне полюбить Тебя всем сердцем моим, всею душой».

Но конечно же он продолжал помогать по хозяйству, рос крепким, сильным, много умеющим, любящим плотничать, выращивать овощи, растить хлеб. Все это пригодилось ему впоследствии.

Совсем молодым он высказал родителям свое желание посвятить всю жизнь Господу, уйти в монастырь. Родители, любящие его, просили об одном: «Мы уже немолоды, становимся немощными, нам тяжело жить без сыновней помощи. Подожди нашей кончины и тогда иди».

Семья ростовского боярина Кирилла из-за княжеских усобиц и притеснений татарских тиунов (сборщиков дани) переехала в маленькое селыцо Московского княжества Радонеж, расположенное в 12 верстах от будущей лавры. Ныне это городище в селе Городок Сергиево-Посадского района Московской области.

Но тогда никакой лавры не было: вокруг шумел глухой и плотный лес, на редкие его поляны и перелески лишь иногда падали лучи нежного среднерусского солнца. А недалеко от Радонежа, верстах в трех, уже был в ту пору Хотьковский Покровский монастырь. Там родители Варфоломея приняли ангельский образ и скончались. Теперь мы их поминаем как схимника Кирилла и схимонахиню Марию. Они покоятся в правом притворе монастырской церкви, в одной раке. И всегда, отправляясь в Сергиев Посад, мы должны помнить завет преподобного о том, что он просил навещать его родителей.

Варфоломей справил богатые поминки по родителям. А какие богатые? Можно подумать, что было роскошное застолье с едой и выпивкой. Нет, все богатство заключалось в том, что Варфоломей раздал нищим все, что к тому времени было накоплено в семье. И это очень по-православному: чем больше раздает человек, тем богаче он становится. Такие поминки одобрил и брат Варфоломея Стефан.

Храм над мирской суетой

Еще при жизни родителей Варфоломей бывал к северу от Радонежа, на Маковце – пологой, невысокой горе, омываемой с двух сторон речками.

На Маковце братья в два топора поставили церковь, которую по благословению тогдашнего митрополита Феогноста освятили во имя Живоначальной Троицы. Это было в 1340 году. Этот год можно считать годом основания Троице-Сергиевой лавры.

Вскоре молодой монах остается один: брат его Стефан уходит в Москву, в Богоявленский монастырь.

Приходили к преподобному звери лесные, и птицы небесные прилетали к нему. И однажды было такое видение преподобному: все небо над лаврой заполнили голуби, и был к нему глас с небес: «Как много птиц в небе над монастырем, так много будет твоих учеников».

Всего 23 года было Варфоломею, когда игумен Митрофан постриг его в монашество с именем Сергий. А сколько ему пришлось вынести трудностей, выдержать борьбу с отчаянием, опасениями, наветами нечистых духов! Жил он один среди темного леса. Выли метели, гре-

мели грозы, рядом бродили дикие звери, рыскали свирепые хищники. К отшельнику приближались волки, обнюхивали его и удалялись прочь. Говорили, что Сергей долгое время помогал медведю: преподобный отдавал ему свой хлеб, сам оставаясь голодным. Когда же еды не было, зверь жалобно выл и Сергей начинал ласково уговаривать его. Первый жизнеописатель Сергия – Епифаний – рассказывал о чудовищах и гадах, врывающихся в его келью. Какое у него было оружие против них? Слово Божие, молитва, держание поста, причащение Христовых тайн. И выдержал, победил нашествие сатанинской силы. Конечно, она не успокоилась, продолжала нападать, но уже понимала, что здесь, в этой земле Русской, уже не иметь ей воли над людьми, ибо воцарился здесь человек, наделенный по своим молитвам такой силой, какой не бывало от века на Руси.

«Люты скорби, но сладок рай, тяжелы труды, но велика награда», – такие слова произносил преподобный, утешая братию монастыря. А утешать было нужно: голод и холод приходили в монастырь. Не хватало муки для выпечки не только хлеба, но даже просфор – преподобный молился, и приходил вдруг обоз от неведомого купца с хлебом, еще теплым от свежей выпечки. Не было воды – преподобный шел к месту, одному ему известному по его молитвам, и из земли начинал течь источник сладкой воды. Монахи и вместе с ними Сергей сами возводили кельи, готовили пищу и пекли хлеб, шили одежду и благоустраивали обитель, носили воду, заготавливали дрова и хворост. Трудно жилось монахам. Посуда была деревянная, книги писались на бересте, службы проходили при свете лучины. Но крепкая вера и благочестие побеждали трудности такого быта. Преподобный утешал братию: «Воззрите на птицы небесные, яко не сеют, не жнут, не собирают в житницы, и Отец Небесный питает их». Новым было для России монашеское общежитие. Радонежская братия стала выражать недовольство руководством Сергия. Возмущался и брат его Стефан, когда-то вернувшийся к Сергию. Тогда преподобный ушел из лавры и основал на реке Киржач новую обитель. Но согласие не восстановилось в Радонеже. Некоторые из монахов стали уходить к Сергию. И тут оставшиеся через митрополита Алексия просили Сергия вернуться в Радонеж. Преподобный возвратился, и с тех пор мир в обители более не нарушался.

Главное событие русского Средневековья

Что это – главное событие Средних веков? А это Куликовская битва. И сейчас горделивая Европа не понимает, что такое Россия, остановившая нашествие кочевых диких племен. Что было бы с Европой, если бы в 1380 году на поле Куликовом, меж Непрядвой и Доном, русские войска не остановили полчища Мамай?

Россия была спасена сражением в сентябре этого года, в день Рождества Пресвятой Богородицы. И преподобный Сергей вдохновил русских воинов и благословил эту битву.

Молодой князь Московский Димитрий Донской рвался на битву с татарами. Просил благословения у преподобного Сергия. Сергей удерживал горячность князя, говоря: «Нет ничего дороже крови русской. Откупайся золотом, мехами, камнями драгоценными, береги русских людей».

Но вот настало такое время, когда стало невыносимым ордынское иго. Великий князь Московский собрал войско. Кликнул лучшие русские силы по Святой Руси. Собрались под знамена московские войска князей новгородских, суздальских, костромских, брянских, вятских, курских, вологодских, ростовских, владимирских... Все бывало до тех пор в их отношениях – и вражда, и ссоры, но общая великая беда сплотила русских людей. Сплотило слово преподобного Сергия. Именно к нему, созвав войско, поехал Димитрий Московский за благословением.

Преподобный не только благословил князя, но, призвав к себе лучших монахов, бывших воинов Александра Пересвета и Родиона Ослябю, повелел им идти на битву. Решение это было

судьбоносное. Ведь монахи не берут в руки оружия. Преподобный Сергей говорил: «Господь осеняет русское воинство и одушевляет его присутствием в войске священников».

Именно Пересвет начал Куликовскую битву. В одной монашеской рясе, с крестом на груди, он выехал навстречу гиганту ордынского войска Челубею. Они сшиблись и упали замертво. В первых рядах бился великий князь Димитрий, надевший на себя доспехи простого ратника. После битвы его, всего израненного, но живого, нашли под деревом.

В это время в лавре преподобного шла непрерывная молитва о победе русского оружия. Шло поминовение погибших. Преподобный Сергей видел весь ход битвы своими духовными очами и называл имена тех, кто погиб в эту самую минуту.

Димитриевская суббота

Уменьшенное, обескровленное русское войско возвращалось в Москву, но не сразу. Вначале к преподобному. В лавре был отслужен благодарственный молебен и свершена панихида – поминовение погибших. Обычно мы молимся об ушедших в иной мир в субботу, день поминовения, а тут как раз сошлась и суббота, и день памяти великомученика Димитрия Солунского, небесного покровителя князя Димитрия Донского. Московский князь и преподобный Сергей установили обычай молиться в Димитриевскую субботу об убиенных в Куликовскую битву. Этот обычай сохраняется и по сей день. В Димитриевскую субботу мы молимся уже не только о погибших на поле Куликовом, но и вообще о всех воинах, «на поле брани душу положивших» во все войны, которые вела Россия за свою историю. Вспоминаем и поле Куликово, и лед Чудского озера, и Полтавскую битву, и поле Бородина, и Прохоровское поле Великой Отечественной. И более близкие по времени к нам жертвы афганской войны, среднеазиатских конфликтов, борцов с преступниками в Чечне и других.

И еще один памятник, уже архитектурный, напоминает нам о Димитрии Донском – это церковь Всех Святых на Славянской площади в Москве, около станции метро «Китай-город». Ее заложил лично сам князь Димитрий.

Это только со стороны кажется, что в монастыре, в этой Божией обители, тишь, да гладь, да Божия благодать. Нет, враг рода человеческого все делает, чтобы ссорить людей, он ненавидит любовь, дружбу и старается внести разлад в отношения даже между монахами. Такие случаи нестроения были и в Троицкой обители. Сергей глубоко скорбел в такие дни. Однажды он даже тайно ушел из монастыря, жил вдали от него, в северных лесах, и молился о вразумлении братии. И бесы были посрамлены, воцарился дух братолюбия, преподобный вернулся в свой любимый предел, в лавру.

Сергей однажды воскресил умершего мальчика. Отцу же его сказал: «Отрок от сильной нужды изнемог, ты же подумал, что он умер. Теперь в теплой келье он воскрес!» Сердце наполняется радостью при известии о таких свершениях преподобного. Ведь это было на нашей земле, рядом с нами. Значит, и мы должны жить так, чтобы стать достойными сынами Отца Небесного.

Так и случилось. Ученики преподобного по его благословию уходили в людные и глухие места тогдашней Руси, создавали монастыри. Монастыри были тогда центрами просвещения – местом, где люди учатся жить и поступать по совести, по-божески. Там детей учили грамоте, благословляли на совместную жизнь полюбивших друг друга юношей и девушек, крестили, отпевали, провожая в жизнь вечную. Это было место, где спасалась человеческая душа – самое дорогое, что у нас есть. Все эти монастыри жили по уставу обители преподобного Сергия.

Светильник Земли Русской

Сергий, вступая в преклонные годы, продолжал служить, помогать братии точно так же, как и в начале монашества, стараясь всем помочь и угодить. Но не укроется, говорит Писание, светильник, стоящий на верху горы. В данном случае на верху горы человеческих добродетелей. А с такой горы ближе до неба. Не раз и не два монахи видели, как огненные ангелы помогали преподобному служить. Более того, во время литургии небесный огонь входил в чашу для причастия, которую преподобный выносил из алтаря к молящимся.

Вот уже более шестисот лет нет с нами преподобного Сергия. Но нет его только физически – телесно, но он всегда с нами, всегда можно чувствовать его молитвенную помощь. И думаешь: простой земной человек смог достичь при жизни такой святости, что воочию видел ангелов, Царицу Небесную, совершал чудеса исцелений.

Мы вспоминаем христианскую кончину старца Сергия. За полгода до нее Господь открыл ему время ухода с земли. Преподобный собрал братию, говорил им о любви друг к другу, об умеренности в пище, о соблюдении постов, о хранении в чистоте души и тела. Он назначил своим преемником игумена Никона, а сам ушел в безмолвие. В день кончины он причастился Христовых Божественных Таин и впервые после долгого молчания сказал: «В руце Твои предаю дух мой, Господи» – и умер, как уснул. Лицо его просияло неведомым нам светом. Благоухание дивных райских цветов разлилось по келье и по обители.

Это было 25 сентября 1392 года. Через тридцать лет мощи его были открыты нетленными и по-прежнему благоуханными. Чудеса, происходящие все эти годы, и донныне подобны, как писали раньше, многоводной реке, то есть неиссякаемы. Никакой самой толстой книги не хватит, чтобы рассказать о них. Но о двух случаях спасения преподобным Русской земли хочется поведать.

В Смутное время начала XVII века польско-литовские войска, вдохновляемые Ватиканом, захватили Москву, многие русские города. Дворяне и бояре бежали в стан врага, присягали польскому королю. Казалось, конец России. Но держалась лавра. Понимая ее значение, интервенты решили ее взять и сжечь. Отборные войска полководцев Сапеги и Лисовского окружили лавру и осаждали ее... полтора года и ушли ни с чем. А казалось бы, кто им противостоял? Монахи, ополченцы. Стены тогда были не нынешние. Обстрелы были непрерывными, но выстояла лавра. И выдержала только по силе заступничества преподобного Сергия. Его видели на монастырских стенах, его присутствие сказывалось в том, что припасы еды и воды не уменьшались, а главное – духом не падали защитники.

Сапега и Лисовский поехали в Ростов Великий, к преподобному Иринарху, в его обитель – Борисоглебский монастырь. Как известно, место указал Иринарху сам преподобный Сергий. Так вот, преподобный Иринарх сразу сказал захватчикам: «Уходите из России. Все равно вы потерпите поражение и уйдете с позором». Они не поверили. «Как это так? У нас такое войско, как это мы уйдем? Кто нас может победить?» «Преподобный Сергий», – отвечал старец Иринарх.

Именно преподобный Сергий явился новгородскому купцу Козьме Минину и повелел собирать народное ополчение.

Другой случай явного заступничества святого Сергия за Россию был в 1812 году, когда новые захватчики, теперь уже французы, вошли в Россию, хозяйничали в Кремле. Москва, подожженная самими москвичами, горела. «Что это за победа, – растерянно говорил Наполеон, – если нет побежденных?»

Он вышел на площадь перед Успенским собором и вздрогнул: со стороны Воробьевых гор шли три несметных войска. Они как будто шли по воздуху. «Я вижу их вождя! – в страхе

закричал Наполеон. – Он весь в черном. Он монах, он с крестом. Седые волосы, седая борода. Кто он?»

Привели к императору пойманного русского старика. Старик, услышав о небесном войске, сразу сказал: «Это преподобный Сергей». – «А можно видеть его изображение?» – «Да. В каждой русской церкви».

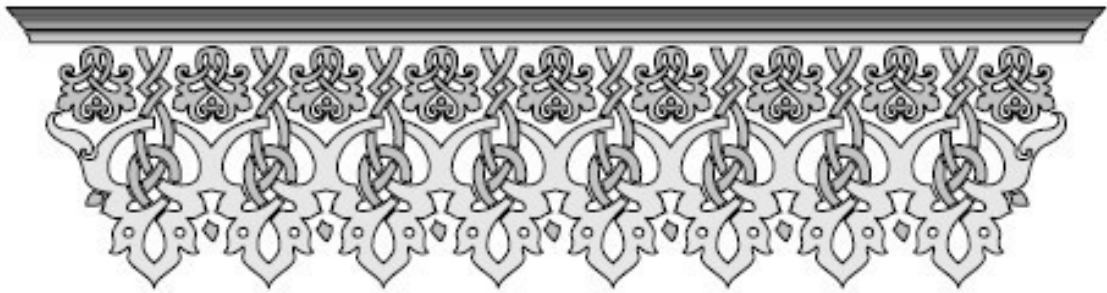
Наполеон тут же пошел в Благовещенский собор. Ему указали на икону преподобного. «Да, это он! – в страхе закричал император. – Что же это за народ, если их армию водят святые! Коня мне, коня!»

Привели коня. Император вскочил и в страхе бежал из Москвы. И из России. К своему бесславному концу.

«Дивен Бог во Святых Своих! – восклицаем мы. – Дивен в преподобном Сергии». Какое счастье, что у нас такой небесный заступник, ангел Русской земли, нашей любимой России.

Владимир Крупин

Акафист святому преподобному Сергию Радонежскому

Кондак 1

Возбранный от Царя сил, Господа Иисуса, данный России воеводо и чудотворче предивный, преподобне отче Сергие! Прославляюще мы прославльшаго тя славы Господа, благодарственное пение воспеваем ти, ибо молитвами твоими от нашествия иноплемени и скорбных обстояний нас присно избавляеши, яко имея дерзновение ко Господу, от всяких нас бед свободи, да зовем ти:

Радуйся, Сергие, скорый помощниче и преславный чудотворче.

Икос 1

Ангелов Творец, предуведевый, по самовластному чистаго сердца твоего изволению, всеусердствующее Его воли исполнение, еще во чреве матери трикратным возглашением, показав ты миру истиннаго служителя быти Святыя Троицы и научи всех вопити тебе сие:

Радуйся, прежде век, яко имаши верный раб Христов быти, предусмотренный; радуйся, во оноже время во блаженное и небесное жилище представленный.

Радуйся, от чрева материя на службу Небеснаго Царя, яко воин, хотящий верен Ему быти, призванный; радуйся, яко благодатию Божиею оправданный.

Радуйся, не тобою России, но и всей вселенней прославленный; радуйся, трикратным твоим во чреве возглашением родителей и всех слышащих удививый.

Радуйся, по рождении своем постное иноческое житие показавый; радуйся, от сосца материя воздержание чудное явивый.

Радуйся, яко в среду и пяток млека никакоже вкусивый; радуйся, родителей благих добрый и избранный плод.

Радуйся, радости скорбящим и милости с верою у тебе просящим подателю; радуйся, печалей злых во всяких приключениях отгонителю.

Радуйся, Сергие, скорый помощниче и преславный чудотворче.

Кондак 2

Видящи вся Россия и инья страны данною тебе, Преподобне отче Сергие, благодатию Божиею с верою к святым твоим мощем приходящим и скорое вспоможение, и присное преславное чудес творение, удивляются. И мы вси, веселящися, яко имеем такового милостиваго помощника, Прославльшаго тя прославляюще и ты, благого раба и вернаго слугу Господня, восхваляюще, вопием Ему: Аллилуиа.

Икос 2

Разум, ещё сущу ти во чреве матери, Святыю Троицу прославити Иисус Христос даровавый, и веру крепкую, надежду несомненную, любовь истинную к Нему имети утвердивый, сподоби тя во Имя Святыя Троицы преславный храм и обитель чудную устройте, и во оную множество иноков собрати. Сего ради вернии научишася воспевати тебе тако:

Радуйся, честное Пресвятыя Троицы носило и похваление; радуйся, добре стадо, тобою собранное, во спасение наставляяй.

Радуйся, честный образе агнцем и пастырем; радуйся, правило веры и образе кротости духовных.

Радуйся, святыням чистое и непорочное жилище; радуйся, ещё в жизни сподобивыйся видети Пресвятую Богородицу со двумя апостолами.

Радуйся, удостоивыйся во время совершения литургии сослужения ангельского; радуйся, во святую литургию в благодати Божией весь аки во огни стоящий.

Радуйся, оным Божественным огнем, в потир вшедый, причастивыйся; радуйся, достоин бывший ангельского собеседования.

Радуйся, преисполненный всякия благостыни; радуйся, чистоты душевныя и телесныя усердный хранителю.

Радуйся, Сергие, скорый помощниче и преславный чудотворче.

Кондак 3

Силою, данною ти свыше, будущая яко настоящая созерцая, возвещал еси и великому князю Димитрию о победе многочисленных прегордых агарян, хотящих Россию огнем и мечем опустошити, прорекл еси, и от своего иноческаго лика двух монахов на противных в помощь дал еси, и молитвою твоею святою к Богу выну вопия, на агаряны победу сотворил еси. За еже ты прославляюще, и о таковой же твоей на сопротивных православному воинству помощи просяще, Богу вопием: Аллилуиа.

Икос 3

Имуще помышление родители твои и людие о трикратном твоём во чреве матернем в церкви глашении и удивльшеся, разумеша нечто преславное и чудное быти: и по сих уведевше твоё радостное рождение, радовахуся и радостная тебе приношаху, глаголюще:

Радуйся, отроча добродушевное и благонадежное; радуйся, детище, всякия благодати Божия исполненное.

Радуйся, пречудное в младенчестве постничество нам являяй; радуйся, оным многих приводяй во удивление и увеселяяй.

Радуйся, яко с тобою всегда бе благодать Господня; радуйся, от юности твоея всем сердцем и мыслию Бога возлюбивый.

Радуйся, кротость, смирение и бдение имевый; радуйся, вся мира сего красная, яко скоро исчезающая, презревший.

Радуйся, вся плотския похоти Бога ради умертвивый; радуйся, многообразныя козни лукаваго силою Божиею победивый.

Радуйся, многая люди от греховнаго пути ко Господу обративый и спасый; радуйся, яко тобою сладостей духовных исполняемся.

Радуйся, Сергие, скорый помощниче и преславный чудотворче.

Кондак 4

Бўри житія міра сего, прісно внўтренними и внєшними злострадāнии волнўющагося, Преподобне отче Сєргіе, избāвився, пришєл еси во пристāнище немятєжное небєсное, на местā злāчна и прохлāдна, идєже потόцы слāдости неисповєдїмые, пїща слāвы Божия нетлєнная, пєнія и глāсы прāзднующих. Тāмо почивāеши и веселишися, со всеми āнгельскими силами поя Богу: Аллилуа.

Икос 4

Слышаша, Преподобне отче Сєргіе, ближнии и дāльнии ангелоподобное твоє житіє, и благодāти чудєс струю вїну текўщую, яко молитвою твоєю прокажєннии очищāются, слєпїи прозирают, хромїи ходят и разнообразных недўг с вєрою притекающии здравіе улучāют, сих избāвьшєся вопияху к тебє таковāя:

Рāдуйся, мировāрнице, на вся недўги врачєвāние подавāющая; рāдуйся, безмєздно пāче естєствā врачу скоромїлостивый.

Рāдуйся, мїлости превєлїкия и скόбным сострадāния сокровище; рāдуйся, всеусєрдного о лўбдєх промышлєния прїятєлище.

Рāдуйся, дўшу свою за чєловєки положити готовый; рāдуйся, увесєление и отрāда к тебє прибєгающим.

Рāдуйся, мертвєцā прєслāвно молитвою твоєю ожививый; рāдуйся, оскудєние монастырское в пїщи исполнивый.

Рāдуйся, на сўсе мєсте потόк вѳдный тєщи у Бога испросивый; рāдуйся, яко тāяжде вода, молитвою твоєю исцєляющии недўги, чудодєйствует.

Рāдуйся, чудєс пучїно, Богом излиянная; рāдуйся, желāемых благ пришєдшим к тебє подāтелю.

Рāдуйся, Сєргіе, скόрый помѳщниче и прєслāвный чудотвѳрче.

Кондак 5

Боготєчная прєсвєтлая звезда явился еси, Преподобне отче Сєргіе, нєбо церкѳвное украшāяя из всех блудящих по морю стрāстного житія сєго дāнною тебє от Сѳлнца Правды Христа Иисуса, истинного Бога, благодāтию озаряяя, мрак печāлей и мглу всяких недўг и скорбєй прогоняяя, наставляєши всех к тебє с вєрою притекающих на путь спасєнный, к вєчному Небєсному Отєчеству ведущий, поющих Богу: Аллилуа.

Икос 5

Видєв Преподобный Сєргий, яко в мїре сем всячєская суетā и тлєнию причāстна, потщāся всєдўшно Превєчному Богу благоугѳдити, и воистинну не вотщє потрудися: премєнї бо тлєнная на нетлєнная, наипāче же прєдстояннїя спѳдѳбися у стрāшнаго Прєстѳла Владычнā в слāве вєчнєй. Тємжє вопиєм єму:

Рāдуйся, яко идєже Христѳс в телєси, тāмождє и ты пребывāеши; рāдуйся, тāмо, яко в зєрцālє, в Бѳзє вся Емў лўбєзная созєрцāеши.

Рāдуйся, яко созєрцāя в Нем молящихся ти о пѳмѳщи, молитвою твоєю им полєзное ходāтайствєуєши; рāдуйся, скόрый помѳщниче призывāющим тя во брāнєх правослāвным.

Рāдуйся, молитвою твоєю Россїйстєй странє побєды на прѳтивныя подавāяя; рāдуйся, скорбāщим скорѳпредстāтєльный утєшитєлю.

Рáдуйся, нéмошей телéсных и душéвных немздопрíемный исцелíтелю; рáдуйся, мнóгая чудесá благодáтию Дúха Святáго содевáяй.

Рáдуйся, хромы́м хождéние и слéпы́м прозрéние подавáяй; рáдуйся, грозд вíнный, питáющий нас и веселя́щий.

Рáдуйся, розгó Христá лозы́ истинныя, многó плод в посóбие правослáвным творя́щая; рáдуйся, благóй рáбе и вёрный, и добрый, делáтелю виногрáда Христóва.

Рáдуйся, Сёргие, скóрый помóщниче и преслáвный чудотвóрче.

Кондак 6

Проповéдует держáва Россíйская, богомúдре Сёргие, труды́ тво́я и болéзни, бдéние же и сухоядéние, рáди душéвнаго тво́его спасéния подъя́тыя, егóже рáди прослáви тя Госпóдь слáвою Своёю Божéственною. Тёмже, я́ко рай насаждéнный, в Цёркви явил́ся еси́, имúщи дрéво жízни Самагó Гóспода, от Него́же вкуси́вши вся скóро гíбнущая в мíре сем презира́ют и рáдостно в прелáсный виногрáд вы́шний входят, иде́же ты, предсто́я Емú, вопи́еши: Аллилу́иа.

Икос 6

Возсия́ Цёркви и странé нáшей Россíйстей просвещéние совершéнных тво́их добродéтелей, Преподóбне óтче Сёргие, о нíхже благодаря́ще Отца́ Небéснаго, дáвшего тебе́ толи́кую благодáть вели́чия Сво́его, к тебе́, я́ко к тёплому о нас моли́твеннику, рáдостная воспева́ем тáко:

Рáдуйся, а́нгельское жити́е нам явля́яй; рáдуйся, стра́сти грехо́вныя уставля́яй.

Рáдуйся, о́бразе и́стиннаго смире́ния, рáдуйся, зерца́ло совершéннаго терпéния.

Рáдуйся, наста́вниче вели́кий спасéнию; рáдуйся, приводя́й грéшных ко исправлéнию.

Рáдуйся, извёстный исполнítелю за́поведей Христóвых; рáдуйся, душ немощны́х исцелéние.

Рáдуйся, мíлостыню твори́ти науча́яй; рáдуйся, рíзы и бра́шна немощны́м подава́ти повелева́яй.

Рáдуйся, пусты́нниче, мирску́ю честь и богáтство возненави́девый; рáдуйся, по́стниче, от ю́ности Бо́гу послужи́вый.

Рáдуйся, Сёргие, скóрый помóщниче и преслáвный чудотвóрче.

Кондак 7

Хотя́ избрáн дом Дúху Свято́му себе́ сотвори́ти, потщáлся еси́ тéсным и прискóрбным путём, веду́щим в Жíзнь Вéчную, взем на ра́мо своё́ Крест Христóв, шéствовати, е́же благодáтию Бóжиею от ю́ности твое́я непорóчно в творéниях за́поведей Госпóдних соверши́в, достíгл еси́ уготовáннаго тебе́ в небéсном всевесéлом пребывáнии воздая́ния, и тáмо благодáрственно поё́ши Бо́гу: Аллилу́иа.

Икос 7

Но́вую благодáть показá всех Творéц и Влады́ка тебе́, богомúдре Сёргие: áще бо и ўмерл еси́ на земл́и плóтию, но душéю в вы́шнем селéнии всегда́ жив сый, мнóгая и преслáвная чудесá в мíре живу́щим лю́дем действу́еши, и тёплым тво́им ходата́йством посóбству́еши, вопи́ющим к тебе́ тáковáя:

Рáдуйся, дéвственниче душéю и тéлом; рáдуйся, ино́ком наста́вниче предíвный.

Рáдуйся, душ нáших рáдование; рáдуйся, быстрое нíщим услышание.
Рáдуйся, скорбáщим приятное попечéние; рáдуйся, чистоты усérдный хранителю.
Рáдуйся, ненадéжным надéяние; рáдуйся, всея Росси́и увеселéние.
Рáдуйся, дре́во чудотóчное ра́я Иису́сова; рáдуйся, крíне ра́йского прозябéния.
Рáдуйся, миро Христо́ва благоухáния; рáдуйся, я́ко тобою прино́сится рáдование.
Рáдуйся, Серге́е, ско́рый помо́щниче и преслáвный чудотво́рче.

Кондак 8

Стра́шное и преслáвное чу́до является притека́ющим к тебе́, Богому́дре Серге́е: и́бо да́нною тебе́ с ве́рою прося́щим Бо́жиею благода́тию неме́ленно от вся́ких многообра́зных телесных и душе́вных скорбе́й исцеля́еши, от бед избавля́еши, от напа́стей охраня́еши, и всем вся́ко благопо́лезное проше́ние исполня́еши, и вопи́еши Бо́гу: Аллилу́иа.

Икос 8

Весь еси́, Преподо́бне о́тче Серге́е, в вы́шних, но и нíжних не оставля́еши: прíсно со Хри́стом Царе́м Ве́чным ца́рствуеши и нас, грéшных и недостóйных, пред Ним воспомина́еши, моля́ся о спасéнии нáшем. Те́мже от усérдия нáшего вопи́ем к тебе́ си́це:

Рáдуйся, оста́вльший имéние и возлюбíвый ни́щету́ Хри́стову; рáдуйся, дости́гший к неисто́щиму́му бога́тству.

Рáдуйся, Ду́ху Свято́му подклони́выйся со вся́ким смире́нием; рáдуйся, во́ине Хри́стов непобеди́мый я́вльшийся.

Рáдуйся, крило́ма богомы́слия се́ти вра́жия сокруши́вый; рáдуйся, смире́нием возвыша́емый, в ве́чныя кро́вы возлетéвый.

Рáдуйся, просвещéнный внут́рь благода́тию; рáдуйся, истреби́вый страсте́й м́глу душевредную́.

Рáдуйся, в по́двизех дневных и но́чных тече́ние соверши́вый; рáдуйся, в невече́рном дни Ца́рствия Бо́жия прíсно почива́яй.

Рáдуйся, та́мо снеде́ния пи́щи разу́мныя сподо́бльшийся; рáдуйся, я́ко того́ блаже́нства от Бо́га ве́чно удосто́ивыйся.

Рáдуйся, Серге́е, ско́рый помо́щниче и преслáвный чудотво́рче.

Кондак 9

Вся́кое естество́ а́нгельское удиви́ся вели́кому свы́ше тебе́ дарова́нию, я́ко на земли́ невесте́ственное жити́е показа́л еси́, и во плóти, а́ки безплóтен, яви́лся еси́. Сего́ ра́ди мно́гих чуде́с творéния от Го́спода приéм, чистóю и боголюбе́зною душе́ю твоёю́ Того́ благо́стию к Небе́сным причтён еси́ си́лам, в Небесе́х ны́не поёши́ все́сильному́ Бо́гу: Аллилу́иа.

Икос 9

Ветии́ многовещáнныя недоуме́ют досто́йно сла́вити тя, досто́йный вся́кия сла́вы, сла́вне Преподо́бне о́тче Серге́е, и́бо пачеесте́ственная мно́гая преслáвная чудодéйствия, ещё́ жив су́щ, показа́л еси́, но и по сме́рти та́я благода́тию Бо́жиею творíti не преста́еши. Мы же, любóвию понужда́еми, дерза́ем пéти тебе́ си́це:

Рáдуйся, земный а́нгеле и небе́сный челове́че; рáдуйся, во плóти живы́й духо́вно, на земли́ небе́сно.

Рáдуйся, в челове́честве пребыва́яй а́нгельски, в ми́ре премирно́; рáдуйся, душевны́ма свойма очима́ вы́ну Го́спода созерца́вый.

Рáдуйся, пред лицём Бо́жиим, я́ко раб пред Го́сподем, ходи́вый; рáдуйся, пред Оным, я́ко сын пред Отце́м, я́ко учени́к пред Учи́телем, ше́ствова́ый.

Рáдуйся, я́ко вои́н пред Воево́дою гото́в сый вся повеле́нная Им твори́ти; рáдуйся, до́брый ста́да своего́ ино́чествующих наста́вниче и прави́телю.

Рáдуйся, ше́ствова́ый от си́лы в си́лу, до́ндеже яви́ся тебе́ Бог бого́в в Сио́не; рáдуйся, Еди́наго Го́спода возлюби́вый, и к Нему́ очеса́ своя́ вы́ну име́ый.

Рáдуйся, во вся дни́ живото́а своего́ Его́ иска́вый и в Нем наме́рение полага́вый; рáдуйся, ничесого́ на Небеси́ и на земли́, ра́зве Христа́ Иису́са, ви́дети жела́вый.

Рáдуйся, Серге́е, ско́рый помо́щниче и пресла́вный чудотво́рче.

Кондак 10

Спасти́ хотя́ ду́шу твою́, в ю́ности во́зраста своего́ отрéклся еси́ во́ли свое́й и во зна́мение отсече́ния ея́ постри́гл еси́ власы́ главы́ свое́й и был еси́ мона́х, покорив́ый себе́ во́ли Бо́жией и нача́льником, от Него́ поста́вленным, ихже велéния та́ко слу́шал еси́, я́ко Самаго́ Го́спода, никогда́ же прекосло́вля, но сло́ву велéния исполне́нием де́ла отве́щава́я. Вся́ческая же приключéния благода́рно, я́ко ве́рный раб, от Го́спода приима́л еси́, Ему́же на Небесе́х предсто́яй, ны́не вопи́еши: Аллилу́иа.

Икос 10

Стена́ еси́ всем челове́ком, к заступле́нию твоему́ прибега́ющим, Преподо́бне Богому́дре Серге́е. Те́мже и нам к тебе́ приходи́ющим и милости́ваго твоего́ во вся́ких ну́ждах заступле́ния у Царя́ Небе́снаго прося́щим, бу́ди стена́ кре́пкая и огражде́ние непреодо́лимое, от вся́ких нас бед и напа́стей застéния и огражда́я, за е́же мы вопи́ем тебе́ такова́я:

Рáдуйся, вои́не Царя́ Небе́снаго, не обяза́ваясь купля́ми житéйскими, да Ему́ уго́ден бу́дeши; рáдуйся, не восхоте́вый двема́ господи́нома, Бо́гу и ми́ру, рабо́тати, но Еди́ному Бо́гу то́чию.

Рáдуйся, от ю́ности на те́ло свое́, на мир сей и диа́вола воору́живыйся; рáдуйся, постом, покло́ны, стоя́нием на моли́тве, бде́нием умертви́вый плоть свою́.

Рáдуйся, умертви́вый о́ную прéжде, не́жели она́ жива́ страсте́м бя́ше; рáдуйся, ме́ртву соде́явый горта́нь проти́ву приима́ния сласте́й.

Рáдуйся, ме́ртв сотвори́вый язы́к проти́ву глаго́лания скве́рных, клеветны́х и ло́жных; рáдуйся, ме́ртвы устрои́вый ушеса́ проти́ву слы́шания душевре́дных.

Рáдуйся, ме́ртвы соде́явый ру́це проти́ву грабле́ния и вся́ких зол творéния; рáдуйся, ме́ртво сотвори́вый чре́во проти́ву объе́дания и пья́нства.

Рáдуйся, ме́ртва соде́лавый труда́ми чре́сла своя́ проти́ву нечистоты́; рáдуйся, ме́ртвы сотвори́вый но́зе проти́ву тече́ния в путь гре́шников и на сове́т нечестивы́х.

Рáдуйся, Серге́е, ско́рый помо́щниче и пресла́вный чудотво́рче.

Кондак 11

Пе́ние благода́рственное благотвори́телю Христу́ Иису́су, ты, Преподо́бне о́тче, прославля́юще, вси правосла́внии взыва́ют, я́ко дарова́л ти мно́гих чуде́с си́лу творéния: слeпы́я просвеща́ти, прока́женные очища́ти, больны́я врачeва́ти, бе́сныя от де́монскаго дру́чения свобо́ждати, то́лико си́льне, я́коже и не у приве́денным к тебе́ бы́вшим бесны́м, е́ще на пути́ де́мони

от них отбегáху и ктому́ не возвращáхуся, боя́щеся в тебѣ́ силы́ Божия, ю́же вы́ну в Небѣ́сахъ прославля́я, вопи́еши Бо́гу: Аллилу́иа.

Икос 11

Светозáрное свети́ло в правосла́вной Росси́йстей держа́ве и во всей вселѣ́нной благода́тию немерца́ющаго Со́лнца, Христа́ Иису́са, просвеща́ющею возсия́вшее, зрим тя, Богому́дре о́тче: с невещѣ́ственными бо в вы́шних предсто́я Престо́лу Трои́цы Пресвяты́я, радости превели́кия исполнен еси́ и Божѣ́ственными луча́ми Трисо́лнечнаго Свѣ́та осия́ваемъ, облиста́еши вѣ́рныя, вопию́щия к тебѣ́ такова́я:

Ра́дуйся, возше́дый на го́ру превысо́ку добродѣ́телей Божѣ́ственных; ра́дуйся, я́ко от то́я удо́бь возше́л еси́ на го́ру небѣ́сную.

Ра́дуйся, я́ко от оби́тели земны́я во оби́тель небѣ́сную водвори́лся еси́; ра́дуйся, я́ко восхо́дя та́мо душе́ю, нам мо́щи тво́я святы́я оста́вил еси́.

Ра́дуйся, я́ко мо́щи тво́я исцелева́ют вся́кия ско́рби и боле́зни; ра́дуйся, я́ко моще́й твои́х де́мони трепещу́т.

Ра́дуйся, я́ко тво́я мо́щи кому́ждо в приключи́шихся печа́лех быва́ют увеселе́ние; ра́дуйся, душе́ю востекий в Сио́н Го́рний к Царю́ Небѣ́сному.

Ра́дуйся, я́ко та́мо предсто́я, о всех нас к Нему́ те́пле ходата́йствуеши; ра́дуйся, я́ко благоутро́бие Его́ о всех чту́щих па́мать твою́ умило́стивляеши.

Ра́дуйся, стране́ на́шей на проти́вных побѣ́ду моли́твою тво́ею содева́ющий; ра́дуйся, я́ко всем вѣ́рным вся́кое проше́ние во их по́льзу исполня́еши.

Ра́дуйся, Сѣ́ргие, ско́рый помо́щниче и пресла́вный чудотво́рче.

Кондак 12

Благода́ть, да́нную ти от Бо́га, све́душе, тебѣ́, присна́го на́шего милостиваго о́тца, приле́жно про́сим: проле́й ны́не те́плую твою́ моли́тву о нас, грѣ́шных, ко Го́споду, я́ко да презре́в вся на́ша согреше́ния, да́рует побѣ́ды на враги́, я́ко царю́ Константину́ на Макси́мѣ, я́ко Давиду́ на Го́лиафа; держа́ву Росси́йскую да укрепи́т, Це́рковь Сво́ю Святу́ю от распрей и раско́лов незы́блему да сохрани́т, оби́лие вся́ких пло́дов земли́ да да́рует и вся правосла́вныя христиа́ны да спасе́т и поми́луе, чего́ от Него́ твои́ми моли́твами улучи́ти ожида́юще, вопи́ем Ему́: Аллилу́иа.

Икос 12

Пою́ще дивна́го во святы́х Свои́х Царя́ Небѣ́снаго, просла́вляшаго тя, вѣ́рнаго Сво́его раба́, Преподо́бнаго о́тца Сѣ́ргия, милостиво́е твоѣ́, ско́рое нам во вся́ких ну́ждах и печа́лех помо́жение прославля́ем, и́бо в тебѣ́ в Трои́це прославля́емый Бог наш пресла́вным мно́гим чудодо́йстви́ем дивно́ просла́вился, о чесо́м удивля́ющеся вопи́ем к тебѣ́ си́це:

Ра́дуйся, великосла́вный Росси́йский наш засту́пниче, о́тче Сѣ́ргие; ра́дуйся, соверше́нный в добродѣ́телях челове́че.

Ра́дуйся, дивный подража́телю соверше́нства О́тца на́шего Небѣ́снаго; ра́дуйся, пребла́гий и добрый наста́вниче иноков.

Ра́дуйся, образу́ пустынножи́телей и устройте́лю о́бщаго жити́я; ра́дуйся, всех правосла́вных ско́рый помо́щниче и засту́пниче.

Ра́дуйся, Царя́ Небѣ́снаго и Бо́га извѣ́стный умило́стивите́лю; ра́дуйся, мно́гажды заступле́нием твои́м проше́ния предва́рйяй.

Рáдуйся, покрóве, Бóгом здáнный, имже покрывáются мнози; рáдуйся, лени́вых подви́гнуvый твоими хриstopодражáтельными нрáвы.

Рáдуйся, доброзрáчное свéта еváнгельскаго всесвётлое сияние; рáдуйся, Трисóлнечнаго Святыя Трóицы Свéта вы́ну просвещáющее озарéние.

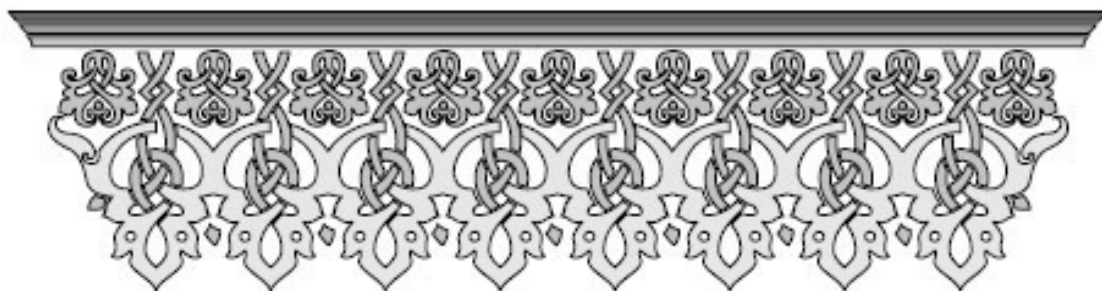
Рáдуйся, Сéргие, скóрый помóщниче и преслáвный чудотвóрче.

Кондак 13

О Чудотвóрче преслáвный и застúпниче всем нам во всяких бедáх и скóрбех скóрый и пречúдный, Богомúдре óтче Сéргие! Нýнешнее нáше приими́ приношéние и Богоприятным твоим ходáтайством умоли́ Гóспода сил, сýлу свýше правослáвному нáшему во́инству на сопротивныя подáти, и нам всем, Тогó благодáтию очýстившимся, от геéнны избáвитися и грядúщая в Небесéх благáя улóчитьи вопиющим Емý: Аллилу́иа.

Этот кондак читается трижды, затем Икос 1 и Кондак 1.

Молитвы преподобному Сергию Радонежскому

Молитва первая

О священная главѣ, Преподобне и Богоносне отче наш Сергие, молитвою твоєю, и верою, и любовию, яже к Богу, и чистотою сердца, еще на земли во обитель Пресвятыя Троицы душу твою устроивый, и ангельскаго общения и Пресвятыя Богородицы посещения сподобивыйся, и дар чудодѣйственныхъ благодати приемыи, по отшествии же твоёмъ отъ земныхъ наипаче к Богу приближивыйся, и Небесныя Силы приобщивыйся, но и от насъ духомъ любви своея не отступивый и честныя твоя мощи, яко сосудъ благодати полный и преизливающийся, намъ оставивый! Велие имея дерзновение ко Всемилостивому Владыце, моли спасти рабы Его, сущей в тебе благодати Его верующия и к тебе с любовію притекающия. Испроси намъ отъ великодаровитаго Бога нашего всякий дар, всемъ и коемуждо благопотребен, веры непорочны соблюденіе, градусъ нашихъ утверждение, мира умирение, а отъ глада и пагубы избавление, отъ нашествия иноплемennыхъ сохранение, скорбящимъ утешение, недугующимъ исцеление, падшимъ возставление, заблуждающимъ на путь истины и спасения возвращение, подвизающимся укрепление, благоделающимъ в делахъ благихъ преуспеяние и благословение, младенцамъ воспитание, юнымъ наставление, невѣдущимъ вразумление, сиротамъ и вдовицамъ заступление, отходящимъ отъ сего временнаго житія къ вѣчному благу уготовление и напутствие, отшедшимъ блаженное упокоение, и вся ны споспешествующими твоими молитвами сподоби в день Страшнаго Суда шуия части избавитися, десныя же страны общники быти и блаженный оный глас Владыки Христа услышати: приидите, благословеннии Отца Моего, наследуйте уготованное вамъ Царствие отъ сложения мира. *Аминь.*

Молитва вторая

О священная главо, Преподобне отче, преблаженне Авво Сергие великий! Не забуди убогих своих до конца, но поминай нас во святых твоих и благоприятных молитвах к Богу. Помяни стадо твое, еже сам упасл еси, и не забуди посещати чад твоих. Моли за ны, отче священный, и за дети твоя духовныя, яко имея дерзновение к Небесному Царю, не премолчи за ны ко Господу и не презри нас, верою и любовью чтущих тя. Поминай нас, недостойных у Престола Вседержителя и не престай моляся о нас ко Христу Богу, ибо дана тебе бысть благодать за ны молиться. Не мним бо тя суща мертва, аще бо и телом преставился еси от нас, но и по смерти жив сый пребываеши. Не отступай от нас духом, сохраняя нас от стрел вражиих, и всякия прелести бесовския, и козней диавольских, пастырю наш добрый; аще бо и мощей твоих рака пред очами нашими видима есть всегда, но святая твоя душа со ангельскими воинствы, со бесплотными лики, с Небесными Силами, у Престола Вседержителя предстоящи, достойно веселится. Ведуще бо тя воистинну и по смерти жива суща, тебе припадаем и тебе молимся, еже молиться о нас Всесильному Богу о пользе душ наших, и испросити время на покаяние, и о невозбранном преитии от земли на Небо, мытарств же горьких, бесов, воздушных князей и вечныя муки избавитися, и Небесному Царствию наследником быти со всеми праведными, от века угодившими Господу нашему Иисусу Христу. Ему же подобает всякая слава, честь и поклонение со Безначальным Его Отцем, и с Пресвятым, и Благим, и Животворящим Его Духом ныне, и присно, и во веки веков. *Аминь.*

Молитва третья

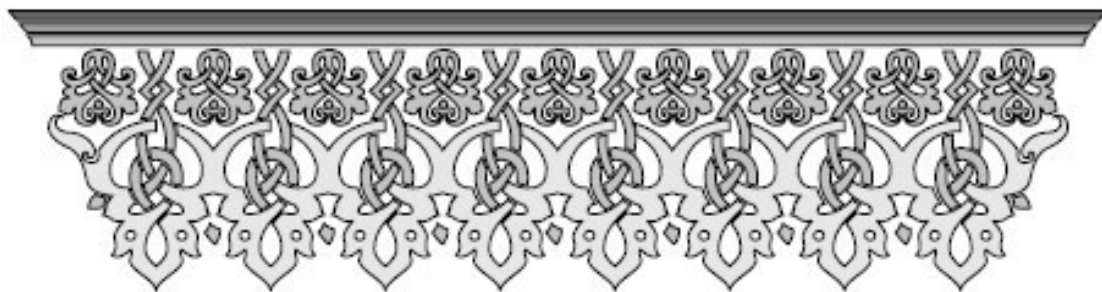
О небеснаго гражданине Иерусалима, преподобне отче Сергие! Воззри на нас милостиво и к земли приверженных возведи к высоте Небесней. Ты горё, на Небеси; мы, на земли низу, удалены от тебе не только местом, елико грехами своими и беззакониями; но к тебе, яко нам сродному, прибегаем и взываем: настави нас ходити путём твоим, вразуми и руководствуй. Свойственно есть тебе, отче наш, благоутробие и человеколюбие на земли живушу, не о своём токмо спасении бысть тебе попечение, но и о всех к тебе притекающих. Наставления твоя быша трбостию книжника скорописца, на сердце каждаго глаголы жизни начертавающаго. Не телесныя токмо врачевал еси болезни, но паче душевных врач изыщный явился еси; и вся твоя святая жизнь бысть зеркалом всякия добродетели. Аще толик был еси, святче Божий, на земли, колик ныне еси, на Небеси! Ты днесь предстоиши Престолу Света Неприступнаго и в нем, яко в зеркале, зриши вся наша нужды и прошения; ты водворяешься вкупе со Ангелы, о едином грешнице кающемся радующимися. И человеколюбие Божие есть неистощимо, и твоё к Нему дерзновение много, не престани о нас вопия ко Господу.

Испроси предстательством своим у Всемилостиваго Бога нашего мир Церкви Его, под знамением креста воинствующей, согласие в вере и единомудрие, суемудрия же и расколов истребление, утверждение во благих делах, больным исцеление, печальным утешение, обиженным заступление, бедствующим помощь. Не посрами нас, к тебе с верою притекающих. Аще бо и недостойни есмы толикаго отца и ходатая, но ты, подражатель человеколюбия Божия, сотвори нас достойны чрез обращение от злых дел к благому житию. Вся богопросвещенная Россия, твоими чудесы исполненная и милостями облагодетельствованная, исповедает тя быти своего покровителя и заступника. Яви древния милости твоя и ихже отцем спомоществовал еси, не отрини и нас, чад их, стопами их к тебе шествующих. Веруем, яко духом нам соприствуеши. Идеже бо есть Господь, якоже слово Его учит нас, тамо и слуга Его будет. Ты верный еси раб Господень, и Богу везде сущу, ты в Нем еси, и Он в тебе есть, паче же и телом с нами еси. Се нетленные и живоносныя твоя мощи, яко сокровище безценное, вручи нам чудес Бог. Предстояще им, яко тебе живу сущу, припадаем и молимся: приими моления наша и вознеси их на жертвенник благоутробия Божия, да примем тобою благодать и благовременну в нуждах наших помощь. Укрепи наше малодушие и утверди нас в вере, да несомненно уповаем получитьи вся благая от благосердия Владыки молитвами твоими. Паству же твою духовную, тобою собранную, не престани управляти жезлом духовных мудросте: подвижающимся помози, расслабленных возстави, споспешши иго Христова нести во благодушии и терпении и всех нас управи в мире и покаянии скончати живот наш и преселитися со упованием в блаженная недра Авраамова, идеже ты радостно по трудах и подвизах ныне почиваеши, прославляя со всеми святыми Бога, в Троице славимаго, Отца, и Сына, и Святаго Духа. *Аминь.*

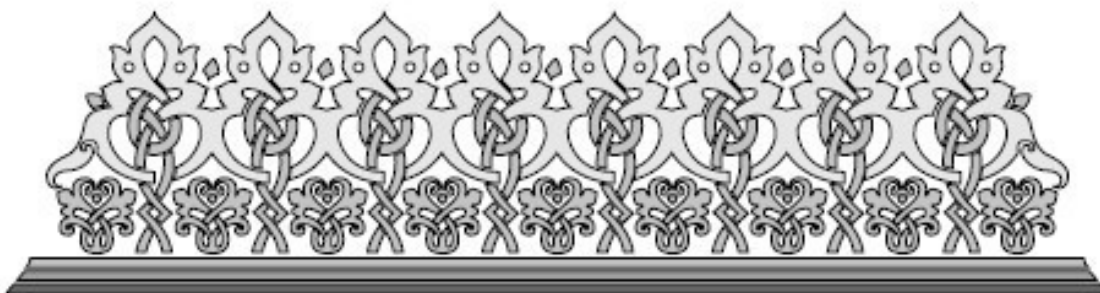
Молитва четвертая

О преподобне и богоносне отче наш Сергие! Воззри на нас (имя рек) милостивно и, к земли приверженных, возведи к высоте Небесней. Укрепи наше малодушие и утверди нас в вере, да несомненно уповаем получитьи вся благая от благосердия Владыки Бога молитвами твоими. Испроси предстательством твоим всякий дар всем и коемуждо благопотребен и вся ны споспешествующими твоими молитвами сподоби в день Страшного суда шуия части избавитися, десныя же страны общники быти и блаженный оный глас Владыки Христа услышати: приидите, благословеннии Отца Моего, наследуйте уготованное вам Царствие от сложения мира. *Аминь.*

Святые раннехристианских времен

Житие святых мучеников Сергея и Вакха

Святые мученики Сергей и Вакх, римляне по происхождению, были знатными сановниками и первыми из вельмож при дворе царя Максимиана (ок. 300 г.). Царь очень любил и уважал их за благоразумные советы на собраниях, за их храбрость на войне и за их верность в службе. И редко кто мог обратиться к царю с просьбой иначе, как только чрез этих его вернейших советников: они были в такой милости у него, как никто иной. Однако Сергей и Вакх искали милости не столько у царя земного, сколько у Царя Небесного: потому что они веровали в Господа нашего Иисуса Христа, старались угодить Ему своею жизнью и усердно служили Ему. Но из-за страха пред царем они до времени скрывали свою веру во Христа, ибо Максимиан относился к христианам с безмерною ненавистью и неукротимою яростью. Недолго свет веры Христовой, однако, сокрыт в них был под спудом, и скоро для всех открылся явно.

Некоторые, завидуя их высокому положению и царской к ним любви и желая навлечь на них ненависть и гнев царя, донесли ему, что Сергей и Вакх – христиане и что они отказываются от поклонения идолам. Максимиан не хотел верить, чтобы люди, пользовавшиеся таким его расположением, не согласны были с ним в почитании богов, и стыдился спросить их об этом или обличить, не зная еще того достоверно. Однако он решил испытать их следующим образом.

Однажды он назначил в честь своих богов празднество и отправился со всеми князьями и сановниками, с воинами и слугами, окруженный всем своим царским величием, в храм главного бога Зевса, чтобы принести ему там торжественную жертву. При этом он внимательно наблюдал: войдут ли с ним в идольский храм его любимые вельможи, Сергей и Вакх. Но когда царь вошел в храм, рабы Христовы остались вне его и не вошли с царем в мерзкое капище; остановившись вдалеке, они молились истинному Богу, прося Его: да просветит Он слепоту омраченных очей нечестивого того народа и да прославит чрез них пресвятое Имя Свое. Царь же, видя, что Сергей и Вакх не вошли с ним на торжество, послал слуг взять их и силою привести в храм.

Когда святые были введены на это богопротивное собрание, Максимиан приказал, чтобы они вместе с ним поклонились идолам, принесли жертву и вкусили бы от идоложертвенных приношений.

Но Сергей и Вакх не хотели исполнить сего царского приказания.

– Мы имеем, – говорили они, – Бога на небе, Бога не ложного и не бесчувственного, как бесчувственны ваши идолы, но истинного и живого, содержащего в Своей власти весь мир, и Ему поклоняемся.

И они начали обличать царя за его зловерие, что он честь, подобающую Единому Богу, воздает идолам – слепым, глухим и немым.

Тогда царь, разгневавшись, велел снять с них все отличия их высокого сана: и воинские пояса, и золотые гривны, и перстни, и все одежды – и для поругания одеть их в женскую нижнюю одежду и возложить на шеи их железные обручи. Так святых стали водить по городу,

чтобы таким образом столь славные и знатные вельможи римские всем народом были поруганы и осмеяны за почитание Единого истинного Бога и поношение ложных языческих богов, или, лучше сказать – самих бесов, которым не захотели принести жертвы сии рабы Божии, уже принесшие себя в жертву Христу.

По окончании богопротивных жертвоприношений Максимиан возвратился в свои палаты и, сжалившись над Сергием и Вакхом, так как очень их любил, призвал их к себе и сказал:

– Любезные и верные мои друзья! Зачем вы задумали обесчестить наших богов и опечалить царя своего, который столь милостив и благосклонен к вам? Зачем и на себя навлекли такое бесчестие? Хотя я вас и очень люблю, однако не могу терпеть поругания над моими богами и должен буду предать вас мукам, даже вопреки своему желанию. Посему прошу вас, друзья мои, оставьте вы этого Сына плотника, Которого евреи как злодея повесили на кресте со злодеями, и не увлекайтесь христианскими баснями и волхованиями. Обратитесь снова к нашим великим богам, и я вам окажу еще большую честь, и будете вы пользоваться моею любовью и нераздельно со мною наслаждаться всеми благами моего царства.

Но Сергей и Вакх, не желая ради царской любви отпасть от любви Божией и ради временных благ лишиться благ вечных, не послушались царя. Исполненные благодати Духа Святого, они дерзновенно и убедительно стали доказывать царю все бессилие его ложных богов, смело исповедовали пред ним могущество и Божество Иисуса Христа и советовали царю самому познать сию небесную истину. Нечестивый царь, сердце коего было ожесточено, разум же ослеплен, не принял их доброго совета и, напротив, воспламенился еще большим гневом и яростью. По любви своей к ним, не желая сам предать их мукам, он отослал их к игемону Антиоху – правителю восточных провинций Римской империи. Этот человек был жестоким гонителем и мучителем христиан; игемонского сана он достиг благодаря ходатайству Сергия и Вакха пред царем и после того был отправлен на Восток. К этому игемону теперь и были отправлены святые.

Царь думал, что они устроятся его лютости, молва о которой разнеслась по всей империи, и в то же время постыдятся быть во власти того, кто прежде был почти рабом их, и таким образом, из-за страха и стыда отрекутся от Христа. Но если бы даже этого и не произошло, то царю во всяком случае более было желательно, чтобы они были замучены в дальней местности, чем у него на глазах.

И вот святых в оковах повели из Рима. По прошествии целого дня пути воины, сопровождавшие их, остановились на ночлег в гостинице. Здесь, в полночь, когда воины, которые их вели, крепко спали, Сергей и Вакх встали на молитву и начали просить у Бога силы – мужественно претерпеть все предстоявшие им страдания.

Когда они молились, им явился Ангел Господень, осветив их небесным светом и укрепляя следующими словами:

– Держайте, рабы Христовы, и как добрые воины вооружитесь на диавола: вы его скоро победите.

После этих слов Ангел стал невидим.

Сергий и Вакх, исполнившись неизреченной радости, стали воссылать хвалу Господу, благоволившему посетить рабов Своих таким ангельским явлением.

В продолжение всего своего далекого пути на Восток святые мученики проводили время в молитве и псалмопении и таким образом вооружались еще более на невидимых духов злобы. Пройдя многие города и селения, они наконец дошли до восточного города Варвалиссо, где в то время находился игемон Антиох, которому воины и отдали приведенных узников – вместе с царской грамотой следующего содержания:

«Максимиан, вечный царь, Антиоху, игемону страны Восточной. – Радуйся! Боги наши не допускают ни одному человеку, а особенно поборникам и слугам царства нашего быть людьми злочестивыми и не участвующими в жертвоприношениях им; посему мы осудили Сер-

гия и Вакха и как последователей злочестивой христианской веры сочли их заслуживающими смертной казни. Но так как они недостойны принять наказание от самого царя, то мы при-
слали их к тебе. Если они, раскаявшись, послушают нас и принесут жертву богам, то окажи им
снисходительность и освободи от назначенных мук; при этом обещай, что и мы будем к ним
милостивы, и что каждому из них вернут прежнее его положение, и что он заслужит от нас
благосклонность, большую прежней. Если же они не будут повиноваться и останутся в преж-
ней злочестивой вере, то предай их заслуженным мукам и осуди на смерть чрез усекновение
мечом. В надежде долгой жизни – будь здоров».

Прочтя царскую грамоту, Антиох приказал заключить Сергия и Вакха до утра под
стражу. Утром же, войдя в судебное заседание, он сел на судейском месте и, поставив пред
собою святых мучеников, стал так говорить им:

– Отцы и благодетели мои, исходатайствовавшие мне сей сан, виновники настоящей моей
славы, – как изменилось ваше положение! Ныне я сижу пред вами как судья, вы же, связанные
узники, стоите предо мною, – вы, которым я прежде предстоял как слуга. Молю вас, не при-
чиняйте себе такого зла, послушайте царя и принесите жертву богам – и вы снова получите
ваш прежний сан и снова будете покрыты славою. Если же вы этого не сделаете, то я, вопреки
даже своей воле, должен буду муками принудить вас к исполнению царского повеления: ведь
вы сами слышали, что мне приказывает царь в своем послании. Поэтому, господа мои, будьте
милосердными сами к себе, а также и ко мне, ибо я вовсе не желал бы для вас, благодетелей
моих, быть жестоким мучителем.

Святые отвечали ему:

– Напрасно ты хочешь речью своею прельстить нас: для ищущих небесной жизни и честь,
и бесчестие, и жизнь, и смерть решительно безразличны: *Ибо для меня жизнь – Христос, и
смерть – приобретение* (Флп. 1, 21).

И многое другое говорили Сергий и Вакх, укоряя и обличая идолослужение и безбожие
нечестивых. После этого Антиох, разгневавшись, повелел посадить святого Сергия в темницу,
а Вакха, обнажив и разложив на земле, бить беспощадно. Святого били по всему телу столь
длгое время, что даже слуги, бывшие его, изнемогая от усталости, чередовались друг с другом.
От этих побоев тело святого мученика как бы отпало от костей, и кровь из него лилась как
вода. Среди таких мучений святой Вакх предал душу свою Господу. Тело Христова страдальца
Антиох повелел вынести из города и бросить его где-нибудь подальше на съедение зверям и
птицам. Но Господь сохранил кости его: некоторые из христиан, скрывавшихся из-за страха к
идолослужителям вне города, в пещерах и оврагах, ночью вышли из своих убежищ, взяли тело
святого и с честью погребли его в одной из тех пещер, в коей прятались сами.

Сергий, сидя в темнице и услышав о кончине друга своего, сильно опечалился и долго
скорбел о разлуке с ним.

– Увы мне, брат мой Вакх, – повторял он неоднократно, – теперь нам с тобой нельзя
уже воспеть: *Как хорошо и как приятно жить братьям вместе!* (Пс. 132, 1), оставил ты меня
одного.

В то время как святой Сергий так сетовал, в следующую же ночь явился ему во сне святой
Вакх, с ликом ангельским, в блиставшей небесным светом одежде. Он стал утешать его, воз-
вещая ему об уготованном для них на небе воздаянии, и укрепил его к предстоявшему вскоре
мученическому подвигу, за который он получит у Христа Господа великое вознаграждение.
После этого явления Сергий исполнился радости и в веселии сердца стал воспевать Господа.

Вскоре игемон, отправляясь в другой город, называемый Сура, приказал вести за собою
и Сергия. Там, сев на судейском месте, он стал так говорить святому:

– Нечестивый человек по имени Вакх не захотел принести жертвы богам и согласился
лучше умереть насильственной смертью, нежели почтить их, – и вот он принял казнь, кото-
рую заслуживал за дела свои. Но ты, Сергий, зачем прельщаешься этим безбожным учением и

подвергаешь себя столь великому злоключению? Благодетель мой, не предавай себя мучению! Я стыжусь твоих прежних ко мне благодеяний и твоего сана: ведь ты стоишь предо мною как осужденный, а я, сидя, произвожу над тобою суд. Некогда человек незначительный, я ныне, благодаря твоему ходатайству пред царем, превознесен великим саном и теперь уже выше тебя; ты же, испросивший у царя так много и столь многим добра, теперь сам себе желаешь зла. Молю тебя, послушай моего совета: исполни царское повеление, принеси жертву богам – и тебе вернут прежний сан, и ты будешь удостоен прежней славы.

Святой Сергей отвечал ему:

– Временная честь и слава – суетны, за временным же бесчестьем следует вечная слава, и для меня это земное бесчестье – ничто, а временной славы я не ищу, ибо надеюсь быть удостоенным от Спасителя моего истинной и вечной чести в небесной славе. Ты вспоминаешь мои прежние к тебе благодеяния – что я у земного царя исходатайствовал тебе столь великий сан; теперь же говорю тебе: послушай меня и, познав истину, отвергнись своих ложных богов и поклонись вместе со мною Небесному Богу и Царю веков. И я обещаю исходатайствовать у Него для тебя еще более благ, нежели у Максимиана.

Тогда Антиох, убедившись, что не в силах отвратить его от Христа и заставить подчиниться царской воле, сказал:

– Ты заставляешь меня, Сергей, забыть все твои благодеяния и предать тебя лютым мукам.

Сергий отвечал:

– Делай что хочешь: я имею помощником Христа, Который некогда сказал: не бойтесь убивающих тело, души же не могущих убить; вот и ты теперь имеешь власть над моим телом, чтобы терзать его, но над душой моей не имеешь власти ни ты, ни отец твой – сатана.

После сего Антиох, разгневавшись, произнес:

– Я вижу, что мое долготерпение делает тебя только еще более дерзким.

И он повелел обуть его в железные сапоги с острыми и длинными гвоздями на подошве, кои пронзали ноги святого. В такой обуви Антиох велел гнать Сергия пред своею колесницею, сам же он поехал в город Тетрапиргий, откуда должен был отправиться в город Розафу.

Претерпевая такие страдания, святой на пути воспевал: *Твердо уповал я на Господа, и Он приклонился ко мне и услышал вопль мой; извлек меня из страшного рва, из тинистого болота, и поставил на камне ноги мои и утвердил стопы мои* (Пс. 39, 2–3).

Когда они пришли в город Тетрапиргий, который отстоял от Суры в двадцати верстах, мученика повели в темницу. На дороге к ней он воспевал: *Даже человек мирный со мною, на которого я полагался, который ел хлеб мой, поднял на меня пяту. Ты же, Господи, помилуй меня и восставь меня, и я воздам им* (Пс. 40, 10–11).

Ночью в темнице, когда мученик молился, явился ему ангел Господень и исцелил раны его. На другой день Антиох приказал вывести из темницы святого Сергия, думая, что от боли он не может и ступить ногами. Увидев же еще издали, что он идет как совершенно здоровый человек, нисколько даже не хромя, мучитель ужаснулся и сказал:

– Воистину сей человек – волхв, ибо как можно после таких мук ходить не хромя? А он как будто даже никогда и не страдал ногами.

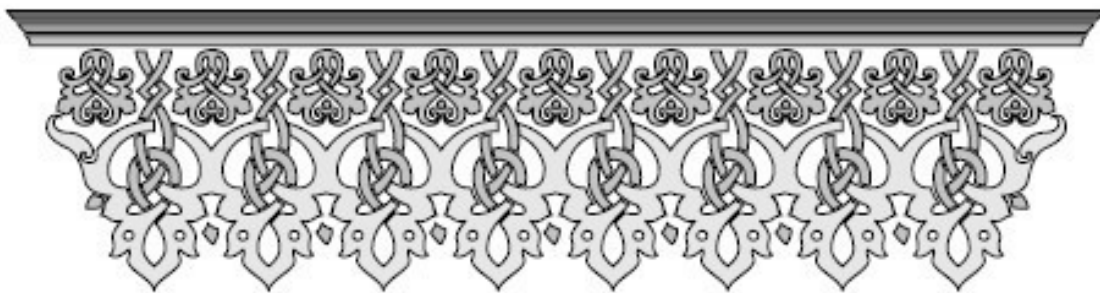
После сего Антиох велел обуть мученика в те же сапоги и вести пред собою до Розафы, а до него от города Суры было расстояния 70 стадий. Здесь, взойдя на судейское место, Антиох стал принуждать святого Сергия к поклонению идолам; но не мог отторгнуть его от исповедания Христа и осудил мученика на смерть. Когда святого привели за город, на место казни, он испросил себе время для молитвы. Во время молитвы он услышал голос с неба, призывавший его в горние обители, и, с радостью преклонив под меч свою голову, святой Сергей скончался. Тело его на том же месте было погребено христианами.

Спустя некоторое время христиане города Суры уговорились тайно взять из Розафы тело святого и перенести в свой город. Когда же они ночью подходили к гробнице, от гроба показался огненный столб, высотой своею достигавший до самого неба. Некоторые из воинов, живших в Розафе, видя в полночь огненный столп, освещавший весь их город, пошли вооруженными к тому месту и увидели граждан, объятых ужасом при виде сего огненного явления. Вскоре явление чудесного столпа исчезло. И тогда всем стало ясно, что святой Сергей не хочет оставлять того места, где пролил кровь свою и положил за Христа душу свою; в честь мученика граждане города Суры поставили на том месте чудную каменную гробницу. По распространении христианства в городе Розафе был выстроен храм во имя святого мученика Сергия. Пятнадцать епископов окрестных городов, собравшись, торжественно перенесли в новосозданную церковь нетленные и благоухающие мощи святого мученика и постановили праздновать память его 7 октября, в день его кончины. На том и на другом месте – и в церкви, при мощах мученика Сергия, и там, где он скончался и был погребен, – многие бесноватые и болящие получали исцеление от своих недугов.

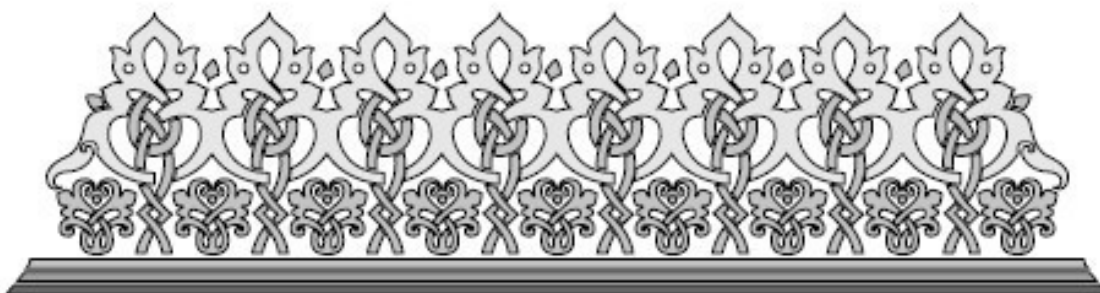
Каждый год, в день памяти святого, дикие звери, как бы соблюдая какой-либо закон, выходили из окрестных пустынь и собирались на том месте, где сначала был погребен святой мученик. В это время их дикий нрав сменялся кротостию агнцев: они не нападали ни на людей, ни на скот, но, спокойно обойдя вокруг святого места, снова возвращались в свои пустыни. Так прославил Бог угодника Своего, что не только людям, но и зверям как бы внушал праздновать память его ¹. Память святых мучеников Сергия и Вакха отмечается 7 октября по ст. ст. / 20 октября по н. ст.

¹ См.: Страдание святых мучеников Сергия и Вакха в изложении святителя Димитрия Ростовского. – Жития святых на русском языке, изложенные по руководству Четьих-Миней святителя Димитрия Ростовского. – М.: Сибирская Благовонница, 2011.

Святые Древней Руси

Преподобный Сергей Валаамский

Основатели Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, преподобные Сергей и Герман, согласно церковному преданию, были греческими священноиноками, пришедшими в X веке во владения Великого Новгорода вместе с первыми православными миссионерами. Исторические сведения об основателях Валаамского монастыря скудны. Часто во времена вражеских нашествий (XII, XVII века) монастырь переживал опустошение, на долгие десятилетия прерывалось здесь иноческое служение. Во времена нашествий уничтожались церковные памятники, монастырские святыни, не раз были сожжены и разграблены богатейшие монастырские библиотека и хранилище рукописей.

Не дошло до нас и житие преподобных Сергия и Германа Валаамских. В XVI веке уже были утрачены многие исторические документы, об этом свидетельствует древний синодик Валаамского монастыря, после разорения обители в 1611 году хранившийся в Староладожском Васильевском монастыре. Этот синодик является единственным историческим документом, написанным на Валааме, в котором отражено подлинное знание о первоначальниках обители. В синодике в списке игуменов упоминаются преподобные Сергей и Герман.

Свидетельством иноческого подвига преподобных стали церковное предание и древние летописные памятники. Смысл иноческого жития преподобных Сергия и Германа состоял в просвещении светом Христовой веры языческих карельских племен, в утверждении Православия на Севере Руси, в основании монашеской обители, которая стала оплотом Православия в ранние века христианского просвещения. Древние новгородские летописи сообщают об обретении мощей преподобных Сергия и Германа и перенесении их в Новгород во время нашествия шведов в 1163–1164 годах.

Именно тогда состоялось местное прославление основателей Валаамского монастыря и было положено начало церковному почитанию преподобных Сергия и Германа в пределах Нов-

городской епархии. Свидетельством их церковного почитания является наличие их в соборе Новгородских святых, упоминания в службе «Всем русским святым», составленной в XVIII веке, а также прориси и иконописный подлинник XVIII века.

В начале XVIII века были известны иконы преподобных Сергия и Германа. Напоминание об утраченном житии преподобных, встречается в многочисленных списках «Валаамской беседы», памятника церковной публицистики XVI–XVII веков. Зачало «Беседы», несомненно, является отрывком из сентябрьских Миней, где повествуется о перенесении мощей преподобных Сергия и Германа (Карельских чудотворцев) из Новгорода в монастырь Всемилоственного Спаса по утишении военной опасности, по-видимому, в 1182 году, что подтверждается новгородскими летописными источниками. Первоначальное место подвигов преподобных Сергия и Германа указывается на Святом острове. Так говорит предание, известное при игумене Ефреме во второй половине XVIII века. Также данный факт подтверждает и шведский атлас, в котором на карте острова Валаама Святой остров именуется как Vanho Valamo – Старый Валаам, и на этом острове указан крест.

Чрезвычайно широкое распространение «Валаамской беседы», известной во множестве списков XVI, XVII, XVIII веков, свидетельствует о высоком духовном авторитете основателей Валаамского монастыря, так как именно их духовными устами изложена позиция нестяжателей в известной церковной полемике XVI века.

В 1611 году монастырь был razорен шведами, и на острове жили шведские колонисты. В 1685 году в царствование великих князей Иоанна Алексеевича и Петра Алексеевича, шведы захотели откопать мощи преподобных и надругаться над ними, но Господь молитвами преподобных вскоре послал на них великий недуг и расслабление членов, поэтому они устрашились и над мощами их устроили часовню. В 1755 году игуменом Ефремом был выстроен новый деревянный соборный храм, в котором имелся придел преподобных Сергия и Германа.

Путешественник, капитан Яков Яковлевич Мордвинов так описывает саму обитель: «Монастырь построен на горе каменной, церкви, колокольня и ограда деревянные. И всему оному монастырю взят план, и на плане означено: Соборная церковь Преображения Господня, в ней приделы: с южной стороны – святых апостолов Петра и Павла, с северной – святого апостола Иоанна Богослова, вверху с юга святого апостола Андрея Первозванного, с севера святых праведных Захарии и Елисаветы, внизу с южной стороны – преподобных отец Сергия и Германа, Валаамских чудотворцев, где и мощи преподобных под спудом, а сверху сделаны раки, и на раки их положены живописные их образы».

К 28 июня 1789 года был освящен новый соборный храм преподобных Сергия и Германа Валаамских чудотворцев, казначеем Иннокентием с братией, где мощи их почивают под спудом. В 1817 году архимандритом Коневского монастыря Иларионом была составлена служба преподобным Сергию и Герману, Валаамским чудотворцам, и напечатана в Синодальной типографии с приложением поучительного слова на память их.

Мощи преподобных Сергия и Германа и ныне почивают под спудом в Спасо-Преображенском Соборе Валаамского монастыря. Свидетельством благодатной молитвенной помощи преподобных являются многочисленные чудеса, явленные по вере просящих и молящихся. Основатели монастыря преподобные Сергей и Герман, Валаамские чудотворцы, не оставили нам своего жития, которое несомненно существовало, сохранились лишь краткие упоминания в летописях и древних рукописях. Но преподобные Сергей и Герман никогда не оставляли своего братства. Они продолжают свидетельствовать на протяжении тысячи лет свое незримое присутствие, охраняя своим молитвенным предстательством Валаамскую обитель.

В 1819 году, 20 октября, Святейшим Синодом было предписано общероссийское почитание Валаамских угодников и определены дни церковного празднования их памяти 28 июня/11 июля и 11/24 сентября.

По материалам официального сайта Валаамского монастыря.

Преподобномученик инок Сергей

Имя инока Сергия внесено в синодик, оказавшийся впоследствии в Васильевском монастыре, для поминовения как пострадавшего за веру православную от рук шведов.

В течение своей многовековой истории Валаамская обитель, находившаяся близ границы владений Великого Новгорода со Швецией, неоднократно разорялась шведами. При короле Густаве Ваза (1523–1560) в Швеции была проведена Реформация. Во времена правления его сына Иоанна III военный отряд из новообращенных лютеран – которые, по словам святителя Игнатия (Брянчанинова), «пылали еще фанатическим пристрастием к своей лишь родившейся вере», – преследуя православных корел, по льду перешел с материка на остров и напал на монастырь. 20 февраля 1578 года 18 достобаженных старцев и 16 послушников были мученически истреблены за твердость в Православной вере. Их имена с пометой «побиты от Немец на Валааме старцев и слуг» были внесены в синодик, оказавшийся впоследствии в Васильевском монастыре: священноинок Тит, схимонах Тихон, инок Геласий, инок Сергей, инок Варлаам, инок Савва, инок Конон, инок Сильвестр, инок Киприан, инок Пимен, инок Иоанн, инок Самон, инок Иона, инок Давид, инок Корнилий, инок Нифонт, инок Афанасий, инок Серапион, инок Варлаам, послушники Афанасий, Антоний, Лука, Леонтий, Фома, Дионисий, Филипп, Игнатий, Василий, Пахомий, Василий, Феофил, Иоанн, Феодор, Иоанн. Нападения шведов продолжались. На Валааме нет камня, который не был запечатлен кровью подвижническою.

В XIX веке один из валаамских иноков близ пустыни игумена Назария сподобился видения неведомых черноризцев: «Они шествовали в два ряда из залитой солнечным светом зеленой рощи и пели древним знаменным распевом погребальные молитвословия. Шли они, сложив руки на груди, образом же были пресветлы и очи имели кротости несказанной. Только когда шествие приблизилось к монаху, он увидел, что все черноризцы обрызганы кровью и покрыты ранами. Там, где прошли они, трава оказалась не помятой. Они исчезли так же, как и явились, в зеленой чаще, причем тихие отголоски погребального напева долго носились в воздухе».

С благословения игумена Дамаскина в день мученичества 34 иноков, 20 февраля (4 марта) в Валаамской обители ежегодно совершается Божественная Литургия «о вечном покое» и соборная панихида.

Преподобный Сергей Обнорский, Нуромский, чудотворец Вологодский

Церковное почитание святого началось с 1546 года. Преподобный Сергей Обнорский, Нуромский, Вологодский чудотворец, начал иноческие подвиги на Святой Горе Афон. Постриженник Святой Афонской Горы приехал в Россию и поселился в обители Живоначальной Троицы под руководством преподобного Сергия Радонежского. Через несколько лет, по благословению преподобного игумена, из любви к безмолвию, пошел преподобный Сергей в Вологодские леса и остановился на берегу реки Нурмы. Там он водрузил крест и построил часовню с келлией, в которой подвизался в глубоком безмолвии, «равноангельскую жизнь проводя» и терпеливо перенося искушения от бесов и недобрых людей.

Господу было угодно призвать святого из его уединения, чтобы он, исполненный премудрости и духовного опыта, послужил другим во спасение. Когда молва об отшельнике, распространившись по окрестностям, привлекла к святому любителей безмолвия, преподобный основал монастырь, в котором и подвизался до своей кончины.

Жития святых угодников Божиих, просиявших в России, составлены в монастырях иноками и предназначались для чтения преимущественно инокам. Инокам же, совершенно отрешившимся от мира и оставившим даже свое имя, данное им при Святом Крещении, естественно, все мирское казалось маловажным и не заслуживающим внимания. Оттого во многих житиях святых, в которых подробно рассказывается их жизнь в монастыре и иноческие подвиги, что единственно только и было важно в глазах писателей-иноков, ничего не говорится об их роде и происхождении, о мирском имени, занятиях и других обстоятельствах их жизни до прибытия в монастырь. Таково и дошедшее до нас житие преподобного Сергия, Нуромского чудотворца, написанное Глушицким игуменом Ионой по запискам Обнорского игумена Протасия.

Когда слава великого духовного светила, преподобного Сергия Радонежского, распространилась по всему северу и достигла Царьграда, привлекая в пустынную его обитель множество бельцов и иноков, желавших учиться у него духовным подвигам, пришел к нему некто Сергей – постриженник Святой Горы Афонской. Немало времени провел афонский постриженник в Сергиевой пустыне, наслаждаясь его духовными беседами, и чем долее жил, тем более дивился смирению и подвигам старца, каких напрасно искал на дальнем Востоке. Преподобный Сергей радовался прибытию к нему странника, столь ревностного к подвигам и опытного в духовной жизни, и искренно полюбил его.

И нелегка была разлука с преподобным Сергием для афонского инок, сердечно прилепившегося к нему, как к отцу, и собственным опытом познавшего, как полезно для души иметь такого мудрого руководителя и наставника, каким был преподобный Сергей. Но любовь к уединению непрестанно влекла его из многолюдной обители Сергиевой в пустыню, и, побеждаемый ею, он припал к ногам преподобного Сергия и, открыв ему желание своего сердца, со слезами просил у него совета и благословения. Искренний любитель пустыни, лучше других знавший пользу уединения и безмолвия, не мог отказать своему другу в том, чего сердечно желал сам, и подвижники со слезами расстались, прося друг у друга молитв и благословения.

Оставив Радонежскую пустыню, Сергей направил путь свой к северу и, переходя из леса в лес, достиг Вологодских пределов и остановился на берегу реки Нурмы на горе в дремучем лесу. Осмотрев с возвышенности холмистую окрестность и увлекшись красотой места, удаленного от мирских селений и удобного для уединения, он ощутил в сердце своем радостный трепет, как будто нашел какое великое сокровище, и, сказавши сам себе: «Се покой мой, zde вселюся», пал на колени и со слезами начал молиться Богу, прося Его помощи и благословения. Вставши от молитвы, Сергей водрузил на горе крест, построил малую часовню для молитвы и келью для жительства и стал подвизаться, никем не знаемый, в совершенном безмолвии,

дни и ночи проводил в молитвах и псалмопении, умерщвляя плоть свою постом и непрестанным трудом. «И пребысть ту блаженный един лета довольна, равноангельскую жизнь проводя» и терпеливо перенося искушения и напасти и от бесов, и от людей. Два раза нападали на него здесь недобрые люди. В первый раз избили они его до того, что оставили его едва живым; но по молитве своей он скоро выздоровел. В другой раз хотели напасть на него во время полунощной молитвы его. У них были в руках орудия смерти; у Сергия были только четки. «Боже, в помощь мою вонми», – взывал отшельник. Страх напал на разбойников, и они бежали из келлии его, никем не преследуемые.

Из любви к пустыне и безмолвию преподобный Сергий расстался со своим великим наставником и вышел из обители Радонежской. Как ни тесен и не прискорбен был избранный им путь, он с радостью шел по нему, терпеливо переносил все пустынные скорби и лишения, утешаясь тем, что, ничем не развлекаемый, неведомо для людей он может служить Богу. Он желал прожить так до конца своей жизни, но Господь восхотел поставить его светильником на свещнице, чтобы равноангельская жизнь его была примером для других и чтобы исполненные мудрости и опыта слова его служили к духовной пользе многих. Мало-помалу молва о строгом отшельнике стала распространяться в окрестности. И стали приходить к нему жаждущие спасения душевного: приходили одни для того, чтобы попросить себе его молитв и благословения, другие желали подать труднику милостыню на пропитание и получить от него назидание, а некоторые изъявляли желание навсегда остаться с ним в пустыне и подвизаться под руководством мудрого старца.

Уразумев, что на то есть воля Божия и что пустыня его должна обратиться в общежитие, старец с любовью принимал всех приходивших к нему. Когда собралось к нему таким образом до сорока человек, блаженный старец начал думать о сооружении церкви и келлии по чину общежительных монастырей. И при единодушном старании вскоре был построен небольшой деревянный храм в честь Происхождения Древ Святого Креста, келлии для братии и другие необходимые для общежития службы.

В то время на той же реке Нурме, во внутренней пустыне, проводил безмолвную и уединенную жизнь великий отец наш Павел. Он пришел сюда из той же славной лавры великого российского светила Сергия, откуда пришел и преподобный Сергий, Нуромский чудотворец. Еще находясь под паствою преподобного Сергия Радонежского, святой Павел внимательно поучался жителству его о Боге и по благословию его удалился в сию пустыню. Монастырь же блаженного Сергия Нуромского отстоял от жилища великого Павла на расстоянии около четырех верст. Преподобный Сергий пожелал увидеться с ним. И, как братья, с радостью встретились великие подвижники, взаимно приветствовали друг друга, просили себе молитв и благословения, не желая только уступить один другому в смирении. Сергий удивлялся невещественной жизни пустынника, а Павел благоговел пред ним как пред священником и превозносил труды его как основателя обители и мудрого наставника. С этой встречи они на всю жизнь сделались друзьями и собеседниками, не делая ничего без совета друг с другом. Кроме того, преподобный Павел принимал от святых рук блаженного Сергия причащение Святых Животворящих Таин, Тела и Крови Христа, Бога нашего, исповедуя блаженному все свои помышления, и был преподобный Сергий преподобному Павлу духовным отцом. Поэтому во всяком деле они поведывали друг другу свои помышления, будучи рабами и последователями Единого Владыки. Советуясь между собой о пустынном озлоблении и устрашении бесовском, они делились своими скорбями и укреплялись духом и словом Божиим, утверждаясь надеждой будущих благ.

После многих трудов и подвигов преподобный Сергий достиг старости глубокой.

От старости и трудов впал он в тяжкую болезнь и долго находился в полном изнеможении. Узнав о недуге преподобного Сергия, великий Павел пришел посетить его, думая, что близко его прехождение от земной жизни в вечную. Лишаясь друга своего и собеседника, Павел обли-

вался слезами и просил у него благословения и прощения. Слезы мешали им сначала говорить. Наконец, сдержав рыдание, святой Павел рассказал преподобному Сергию, что в одном месте в своей пустыни, под горой, на реке Нурме, слышал он звон великий и видел свет неизреченный, сиявший сильнее солнечных лучей. Услыхав сие, преподобный Сергей счел это не простой вещью, но проразумел дело Божие. «На том месте, – сказал преподобный, – созиждется обитель во славу Пресвятой Троицы, и многие спасутся на месте том». Так пророчествовал блаженный. После сего Нуромские чудотворцы облобызали друг друга со слезами, и великий Павел удалился в свою внутреннюю пустыню. С тех пор начал он принимать братию и строить монастырь. На том же месте, где он слышал звон и свет видел, святой Павел воздвиг церковь во имя Пресвятой Живоначальной Троицы, по пророчеству Сергия, Нуромского чудотворца.

Наконец от великой болезни и старости блаженный Сергей совершенно изнемог. Чувствуя скорое отшествие свое к Богу, он призвал к себе всю о Христе братию. Когда они пришли и увидели отца своего приближающимся к концу, то залились слезами и, припадая к нему, говорили: «Не оставляй нас, благий отче, но еще побудь с нами».

Преподобный же, возведя очи к небу, сказал им: «Приблизился, братие, конец земной жизни моей. Таково изволение Господа. Предаю вас, чада, Богу и Пречистой Богоматери. Бог мира и Пречистая Его Матерь да будут с вами до скончания века и да хранят вас и утвердят в любви Своей. Вы же, чада, не скорбите о моем отшествии, но пребывайте в любви Божией и заповеди Его сохраняйте, поминая со страхом и трепетом слово Владыки Христа: *Имей заповеди Моя и соблюдаяй их, той есть любяй Мя* (Ин. 14, 21). Страхом Божиим ограждайте сердца ваши, чтобы Он наставил вас всякому благу делу, ибо *начало премудрости страх Господень* (Прем. 1, 7); украшайте друг друга смирением, отвращайтесь от лживых речей, говорите каждый брату своему истину, ненавидьте клевету, избегайте вражды. Но если кто из вас допустит гнев в сердце свое, вы с любовью уговорите его, ибо сказано: *Солнце да не зайдет в гнев вашем* (Еф. 4, 26). Покоряйтесь наставникам, ибо они бдят о душах ваших, так как должны дать ответ за вас Богу. Без лености совершайте церковную службу. Если будете жить так, то будете блаженны».

Слушая последнее поучение своего отца, плакали братии. Когда же преподобный совсем изнемог и был близок к последнему издыханию, он приобщился Святых Таин Тела и Крови Христа, Бога нашего. По приобщении же Святых Таин он возвел руки свои к небу и вознес тайную молитву. Помолившись, святой Сергей сложил на персях руки крестообразно и предал Господу дух свой. Так перешел святой в вечную жизнь. И было лицо его, по преставлении к Богу, светло, так что можно было сказать, что не умер он, а покоился во сне, ибо непорочно было житие его. Взяв святые его мощи, плачущие братия понесли их на головах своих в церковь с надгробными песнопениями и возжжением свеч и схоронили они трудолюбное и святое тело своего пастыря близ созданного самим преподобным храма Происхождения Честного Живо-творящего Креста Господня. Преставился же преподобный Сергей в 1421 году, 7 октября, в день памяти честных мучеников Сергия и Вакха.

Невозможно граду, стоящему на верху горы, утаиться и горящему светильнику быть сокрытым от всех. Спустя много лет по преставлении святого случилось, по устроению Божию, следующее. Преподобный Сергей явился ночью одному благоговейному иноку Никифору во время тонкого сна и велел сказать игумену и братии, чтобы очистили место его погребения, потому что не хочет Господь долее оставлять его в неизвестности и небрежении. «Кто ты?» – спросил явившегося смущенный инок. «Я грешный Сергей, бывший начальником сего святого места», – отвечал явившийся и указал место, где находится гроб его. Три раза повторялось видение и в последний раз даже с угрозой за непослушание, но Никифор, почитая свои видения за сонные мечтания и опасаясь, как бы не обмануться, не исполнял приказания дотоле, пока не был поражен тяжелой болезнью. Тогда со слезами раскаяния он открыл игумену свои видения и послушание, указал место гроба под церковной папертью, и когда был приведен туда, вне-

запно получил исцеление. Гробница преподобного была найдена, и когда над мощами угодника поставлена была рака с иконой преподобного, то, как из неисчерпаемого источника, потекли от нее исцеления болезней душевных и телесных.

Умоляю вас, – говорит нам преподобный Сергей своей жизнью, – поступайте сообразно званию, в которое вы призваны со всяким смиренномудрием, кротостью и великодушием, снисходя друг ко другу из любви, стараясь соблюдать единство духа в союзе мира (см.: Еф. 4, 1–3).

По смерти преподобный Сергей прославился многочисленными исцелениями (до 1584 г. было записано до 80 чудес преподобного).

Преподобный Сергей Шудтомский (Шудтовский)

Преподобный Сергей Шухтомский (в миру Стефан) был схимонахом Шухтомского (Шухтовского) монастыря, расположенного в селе Шу хтоме (Шу хтове) в 50 километрах от города Череповца. Святые мощи его были погребены под спудом монастырской церкви, ставшей после упразднения монастыря приходским Покровским храмом. Сведения о благочестивой и подвижнической жизни преподобного Сергея приведены в пространной надписи на его гробнице. В ней говорится, что 19 мая 1609 года, в день памяти священномученика Патрикия, епископа Прусского, преставился раб Божий, инок и схимник Сергей, в царствование великого князя Василия Иоанновича Шуйского и при Святейшем Патриархе Ермогене. «Погребено же бысть его трудолюбивое тело в часовне у церкви Живоначальных Троицы и Покрова Пресвятой Богородицы, что в Шухтове, во области града Белоозера». Далее надпись сообщает о том, что святой угодник родился и воспитывался в Казани и, подобно святому Сергию Радонежскому, в младенчестве вместо материнского молока питался «ячменным и неквасным суслом». Повзрослев, он принимал в пищу лишь сухой хлеб и немного воды, да и то лишь два раза в неделю.

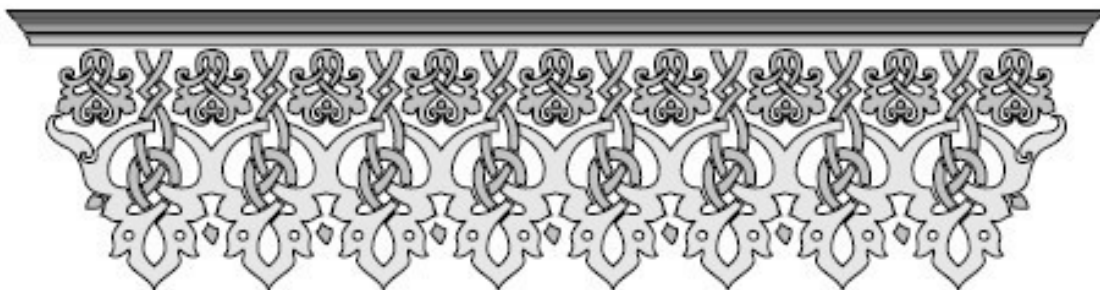
Оставив Казань, Сергей отправился в трехлетнее паломничество в Палестину, Константинополь и Грецию, поклоняясь святым местам и обучаясь монашеской жизни. Затем, как сообщает надпись, «непострижен из Палестины прииде в Великий Новград в соборную церковь Софии Премудрости Божией; из Новаграда поиде в Соловецкую обитель преподобных отец Зосимы и Савватия».

В 1603 году святой угодник Божий пришел в Вологодский край, где принял иноческий постриг от настоятеля Череповецкого Воскресенского монастыря архимандрита Исаии, который, будучи иконописцем, написал впоследствии образ своего святого постриженника.

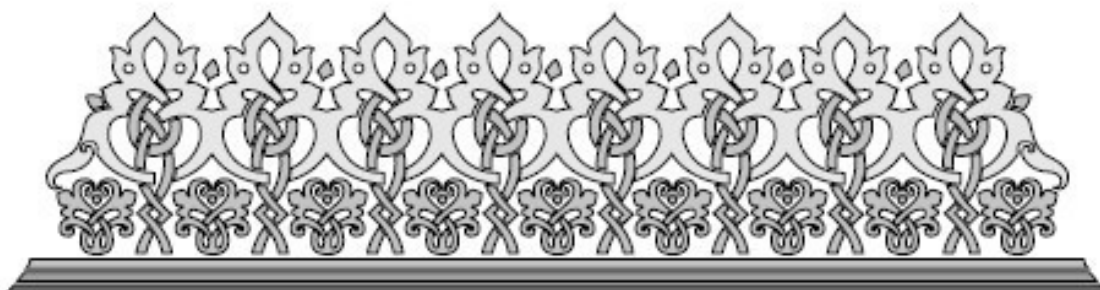
Преподобный Сергей преставился в возрасте 50 (или 75) лет. При жизни был прославлен Господом многочисленными чудотворениями и удостоен дара пророчества. О внешнем облике святого схимника в надгробной надписи сказано: «Возрастом бе мал, лице имея бело, кругло, власами черн, кудреват, брады не имеяше, мантия долга, ряса черна».

День памяти преподобного 19 мая / 1 июня.

Святые Сергии, новомученики Российские

Архимандрит Сергей (Шеин)

Священномученик архимандрит Сергей (в миру Василий Павлович Шеин) родился 30 декабря 1870 года в деревне Колпна Новосельского уезда Тульской губернии. Он был десятым ребенком в семье коллежского секретаря Павла Васильевича Шеина и его супруги Натальи Акимовны. Воспитание юноши было пропитано благодатным духом церковности, сам он незадолго до своей мученической кончины говорил: «Я в Церкви с детства, постоянно около Церкви вращался, с ней сроднился».

Дворянский род Шеиных берет свое начало от Михаила Прушанина, «мужа храбра и честна», выехавшего из Пруссии к святому великому князю Александру Невскому. Этот род в истории нашего государства славен именами многих верных слуг и защитников Веры, Самодержавия и Отечества.

В 1893 году Василий Павлович окончил училище правоведения, он занимал ряд ответственных руководящих должностей, состоял помощником статс-секретаря в Правительствующем Совете, а в 1913 году от своей родной Тульской губернии избирался в члены Государственной Думы IV созыва, будучи действительным статским советником. Являясь убежденным монархистом, в Думе он примкнул к фракции националистов и умеренных правых, уклоняясь, однако, от активной политической борьбы и работая в Комиссии по церковным делам. Общее направление Думы было чуждо Церкви и Самодержавию, но любящим Бога вся поспешествуют во благое (см.: Рим. 8, 28), и Василий Павлович стремится извлечь максимальную пользу для Церкви в тех обстоятельствах, какие попустил Господь.

В 1917–1918 годах он вошел в состав Секретариата Священного Собора Православной Российской Церкви в качестве секретаря, приветствовал Святейшего Патриарха Тихона на его избрании 21 ноября 1917 года. 30 августа 1920 года, в день памяти святого благоверного великого князя Александра Невского, Василий Павлович принял постриг с именем Сергей в честь

преподобного Сергия, игумена Радонежского. Вскоре он рукополагается в священнический сан и затем возводится в сан архимандрита, а в апреле 1921 года назначается на должность настоятеля Петроградского Патриаршего Троицкого подворья на Фонтанке. Отец Сергей исполнял также должность заместителя председателя правления Общества объединенных Петроградских православных приходов.

Добросовестно неся крест своего монашества, горя духом, отец Сергей был, по его собственным словам, лишь слабой физической нитью привязан к маловременной земной жизни. Хотя он должен был нести и семейные тяготы: на иждивении отца Сергия находились две сестры, оставшиеся без службы и средств к существованию и в нем одном полагавшие свою надежду.

10 июня 1922 года в Петрограде начался «обвинительный процесс по делу о сопротивлении изъятию церковных ценностей». Отцу Сергию, в частности, вменялось в вину членство в Обществе православных приходов. Вина его усугублялась также «отягчающими обстоятельствами», такими как дворянское происхождение и высшее образование.

Давая показания, отец Сергей был исполнен чувства глубокого внутреннего достоинства, но без малейшего намека на высокомерие и презрение к тем, кто так этого заслуживал. Своих националистических убеждений он не пытался скрыть. На вопрос о его отношении к злободневным проблемам церковно-общественной жизни отец Сергей совершенно искренне отвечал: «Церковь настолько богата разносторонней духовной жизнью, что можно найти в ней интерес и удовлетворение и вне вопросов церковно-общественной жизни». Один из обвинителей так вспоминал позднее об архимандрите Сергии: «С каким нескрываемым отвращением и в то же время снисходительной жалостью он смотрел и говорил с нами, находящимися в составе суда. Страха смерти, тюрьмы для него, как, впрочем, и для многих из них, не существовало; серьезный был противник».

Сокамерником – на Шпалерной улице в доме предварительного заключения – отца Сергия был протоиерей Михаил Чельцов, которому он уступил свои более удобные нары, оправдываясь тем, что «монаху не подобает нежиться». В камере они вместе читали акафисты, служили панихиды по умершим близким. Отцу Михаилу домашние сумели передать в камеру том собрания творений святителя Иоанна Златоуста, но он, отягченный думами, не смог его читать. Отец Сергей, напротив, утешался чтением и беседовал о прочитанном с отцом Михаилом. Перед расставанием отец Сергей исповедался у протоиерея Михаила. В дальнейшем всю свою жизнь отец Михаил благодарил Господа за краткое знакомство с отцом Сергием.

Последние слова отца Сергия, сказанные коммунистическим палачам, были: «Я ни с кем не борюсь – только с самим собою».

5 июля был оглашен приговор трибунала, по которому священномученики митрополит Петроградский и Ладожский Вениамин (Казанский) и вместе с ним архимандрит Сергей (Шеин), миряне Юрий Новицкий и Иван Ковшаров приговаривались к расстрелу.

В ночь на 31 июля 1922 года они, обритые и одетые в лохмотья, были расстреляны, по некоторым сведениям, на окраине Петрограда на станции Пороховые.

Священномученик иерей Сергей Мечев

Отец Сергей Мечев родился в Москве 17 сентября 1892 года в семье священника отца Алексея Мечева, настоятеля храма святителя Николая в Кленниках на Маросейке.

По окончании гимназии он поступил на медицинский факультет Московского университета. В 1914 году во время войны он стал братом милосердия и на фронте познакомился с сестрой милосердия – Евфросинией Николаевной Шафоростовой, будущей женой.

Одновременно с учебой в университете Сергей Алексеевич принимал участие в работе студенческого богословского кружка имени святителя Иоанна Златоустого, организованного наместником Чудова монастыря епископом Арсением (Жадановским). На заседаниях кружка читались и обсуждались доклады на различные темы богословского характера.

В 1917 году была создана комиссия по сношению с гражданской властью Русской Православной Церкви. В число членов Комиссии вошел и Сергей Алексеевич. В этот период ему пришлось часто бывать у Святейшего Патриарха Тихона, который очень его полюбил. В 1919 году, по окончании историко-филологического отделения Московского университета, он был рукоположен во диакона, а затем во иерея. Рукополагал его в апреле 1919 года в Даниловском монастыре священномученик архиепископ Феодор (Поздеевский).

Решение принять священство было связано у Сергея Алексеевича с поездкой в Оптину пустынь и беседой со старцем отцом Анатолием. Время, когда отец Сергей стал священником, было самое трудное. Гражданская война, разруха. В Москве было голодно, холодно, свирепствовали эпидемии тифа, гриппа, которые многих унесли в могилу. Но сама тяжесть условий жизни пробуждала в страдающих людях религиозное чувство, заставляла искать помощи у Бога, к Которому до того были равнодушны.

Батюшку отца Алексея и сына его, молодого священника, отца Сергея Мечева связывала большая и нежная любовь, но, несмотря на это, отец Сергей первое время своего священства не вполне понимал отца.

Батюшка по своей горячей любви к ближнему, видя душу приходящего к нему человека, очень часто становился выше строгих дисциплинарных требований устава: исповедовал во время литургии, часто причащал. «Ну, как я откажу в исповеди, – говорил он, – может быть, она – последняя надежда человека, может быть, оттолкнув его, я причиню гибель, вред его душе. Христос никого не отталкивал от Себя. Вы говорите: “Закон”. Но там, где нет любви, закон не спасает, а настоящая любовь есть исполнение закона!»

Как сам отец Сергей рассказывал, ему очень хотелось хоть раз отслужить самому без батюшки и все сделать по-своему, как ему казалось правильным, но долго не представлялось к этому случая. Наконец такой момент настал: батюшке нездоровилось, и отцу Сергию пришлось служить одному. «Ну, думаю, – рассказывал он, – теперь-то я не допущу никаких непорядков». На исповедь приходит девушка. «Вы исповедаться?» – «Да». – «А на вечерне были?» – «Нет, батюшка, у меня работа вечерняя». – Что же делать? Пришлось ее допустить до исповеди и причастия. Следующая была старушка. «Ты на вечерне была?» – «Нет, батюшка, не могла». «Как же не могла? Ведь ты не работаешь, всегда дома. Не могу я тебя исповедовать!» – «Батюшка, я едва выбралась. Ведь мне приходится с детьми сидеть, и так меня еле отпустили». Пришлось и ее исповедать. Только она отошла, вдруг какой-то незнакомый мужчина без спросу летит прямо в алтарь. Тут уж я не стерпел: досталось этому мужчине. А он и из храма ушел. Только ушел, а следом бежит ко мне женщина: «Отец Сергей! Не приходил ли сейчас муж мой? Его батюшка хотел видеть. Я его едва уговорила!» Этого-то человека, которого привести к батюшке стоило многих хлопот, а отцу Алексею, может быть, многих молитв, я, можно сказать, прогнал. Долго потом его нельзя было уговорить прийти к батюшке».

Это был первый урок, показавший отцу Сергию, как прав был батюшка со своими «непорядками», и какую беду наделал бы отец Сергей своим «уставом».

Служил отец Сергей рядом с отцом в храме на Маросейке. Этот приход называли «мирским монастырем», – имея в виду не монастырские стены, а паству – семью, связанную узами любви и единым духовным руководством. Послушание духовному отцу, очищение совести покаянием («сущность исповеди есть самопосрамление, исповедь есть страдание кающегося и сострадание ему священника», – говорил отец Сергей), частое причащение, ежедневные уставные службы (обедни на Маросейке начинались в 6 утра, и прихожане могли попасть на работу вовремя) – все это создавало условия для подлинной духовной жизни. «Христианство – не учение, а жизнь», – часто повторял отец Сергей.

После кончины своего отца батюшки Алексея 27 мая 1923 года отец Сергей принял на свое пастырское попечение «покаяннобогослужебную семью», как он называл свой приход, и окормлял его до самой своей мученической кончины. «Вы мой путь ко Христу, как же пойду без вас», – писал он в 1930 году своим духовным чадам.

Отец Сергей отдавал своей пастве все свои силы, и духовные, и физические, а его зачастую не понимали, роптали. Бремя батюшкиного наследия иногда становилось для него неудобноносимым. Но все же он решил остаться, ведь батюшка вымолил, чтобы он стал священником и принял после него паству. И Господь за молитвы батюшки и за труд отца Сергия и многих его духовных детей «со искушением сотворил и избытие».

К отцу Сергию людей привлекала его личность, пламенность его веры, его любовь к Церкви, его глубокие по содержанию и действенные проповеди. У отца Сергия было много неоценимых качеств для того, чтобы быть руководителем, и первое из них – требовательная и чуткая, неподкупная совесть, необыкновенная искренность и отсутствие всяких поз, глубокий ум и сердце, чуткое ко всему прекрасному, ревность и знание святоотеческого учения о духовном пути, желание идти путем добрым, унаследованная от отца способность хорошо разбираться не только в духовных, но и в житейских ситуациях, и, наконец, доброта и отзывчивость к страданию других. Отец Сергей не терпел никакой неискренности, фальши и этого же требовал от детей своих, прививая им это всем своим существом, словом и примером. Несмотря на свою строгость, когда дело касалось какого-либо действительного горя или болезни духовного чада, отец Сергей был само сочувствие, старался все устроить, все сделать, найти врача и лекарства, даже материально помочь, когда это было возможно.

Особенно характерным для руководства отца Сергия было постоянно повторяющееся им учение об индивидуальной мере духовных трудов для каждого человека, в соответствии с его физическими и душевными силами, в соответствии с его духовными силами и возрастом.

Богослужение отца Сергия отличалось от богослужений батюшки Алексея: в нем не было той растворенности в любви, того покаянного плача, но все же оно было прекрасно: в нем была строгость, стройность, сосредоточенность.

Предвидя мученический подвиг отца Сергия, старец Нектарий Оптинский как-то так сказал своей духовной дочери о нем: «Ты знала отца Алексея? Его знала вся Москва, а отца Сергия пока знает только пол-Москвы. Но он будет больше отца».

Особое место в жизни Маросейки занимали проповеди отца Сергия. В двадцатые годы в Москве можно было слышать многих известных проповедников. Но проповеди отца Сергия носили совершенно особый характер. Слушая их, нельзя было оставаться только слушателем. Возникало непреодолимое желание испробовать на себе, на своем опыте все то, о чем он говорил. По условиям времени и в согласии со своей совестью отец Сергей оказался не только настоятелем храма и руководителем многих духовных детей, но и церковным деятелем. В одном письме 1932 года он вспоминал о тех моментах, когда ему пришлось бороться за Церковь и противостать многим.

Первый – обновленчество. Еще в предреволюционные годы среди интеллигенции и некоторых церковных деятелей существовало мнение, что Церковь если не умерла, то находится в параличе. И что надо принять какие-то решительные меры к ее оживлению, что надо вернуться к первохристианскому строю жизни и богослужения, отметить позже установленные Церковью правила, согласовав новые с требованиями современной науки, культуры и вообще современной жизни. Многие искренне заблуждались, не понимая настоящей духовной жизни.

В смутное для Церкви время первых послереволюционных годов нашлись недобросовестные люди, которые использовали лозунги «обновления» в своих корыстных целях: воспользовавшись трениями, которые возникли между Патриархом Тихоном и властями, они обманом захватили власть в Церкви в тот момент, когда Патриарха арестовали по Делу об изъятии церковных ценностей, и организовали свое Высшее церковное управление, стараясь подчинить ему всю Русскую Церковь. Многие епископы восстали против этого, но они были разьединены, многие из них были арестованы. Приходское духовенство, привыкшее до революции к беспрекословному повиновению власти предрежущим, хотя в большинстве своем не принадлежало к числу идеологов Живой Церкви, все же не сумело разобраться в создавшейся ситуации и подчинилось Высшему церковному управлению, прекратив поминовение заключенного Патриарха. В Москве лишь единичные приходы сохранили верность Патриарху. В числе их были Данилов монастырь и Маросейка. Отец Алексей и отец Сергей Мечевы всей душой чувствовали, что Церковь есть Тело Христово и источник освящения всего мира. Она со всеми Своими Таинствами и богослужением свята во веки. Они знали, что надо не «обновлять» Церковь, а идти к Ней и учиться у Нее, пользоваться Ее Таинствами для своей духовной жизни, становиться Ее членами через покаяние и Святое Причащение для «обновления в себе образа Святого Божия». Сама же Церковь в существе Своем свята и непорочна и не нуждается в искусственном оживлении или обновлении.

Простой народ не принял обновленчества, захваченные живоцерковниками храмы не посещались.

29 октября 1929 года отец Сергей вместе с двумя священниками и несколькими братьями Маросейского храма был арестован. После ареста он был сослан на север, в маленький захолустный городок Кадников. Из Кадникова он продолжал, как и раньше, заботиться о храме и о своих духовных детях и по-прежнему оставался отцом и настоятелем, пока в 1932 году не были арестованы священники и храм не был закрыт. Отец Сергей очень страдал душой за своих духовных детей, оставшихся без храма.

8 марта 1933 года последовал повторный арест и 5 лет лагерей. В колонии отец Сергей сильно голодал. Там было много уголовников, которые постоянно его обкрадывали. Приезжавшие навестить его рассказывали, что отец Сергей от болезни и голода так исхудал, что было страшно на него смотреть. Раньше он был вспыльчивый, а тут – очень мягкий, ласковый, добрый – ни одного упрека, ни малейшего раздражения в нем, несмотря на всю его измученность.

В 1937 году отец Сергей освободился из лагеря. Семья его в это время жила под Москвой. Он стал работать врачом в одной из поликлиник Калинина. Хотя отец Сергей в это время никак не проявлял себя перед внешними и перед церковными властями, он остался при прежних своих убеждениях и искал общения с каким-либо единомысленным епископом. Таких было немало, но все они были или в далеких ссылках, или в лагерях. У своего духовного сына отец Сергей встретился с одним епископом, который высказывался о церковных делах в духе, созвучном отцу Сергию. Отец Сергей доверился ему, раскрыл перед ним свою душу и положение своей общины, о которой так болело его сердце. Этот шаг оказался роковым. Вскоре, попав в беду, человек тот, желая выпутаться сам, предал отца Сергия, рассказав на суде то, что было ему открыто на духу как епископу.

Как только отец Сергей узнал о том, что он предан и что его неминуемо должны арестовать, он уехал с того места, где жил, и около года скитался. Ему советовали скрыться в

Среднюю Азию, но это значило оторваться, оставить духовных детей – он не мог этого сделать. Еще более, чем за себя, страдал он душою за своих духовных детей. Вся молитва отца Сергия сосредоточилась на том, чтобы пострадать ему одному, чтобы никто не пострадал из-за него. Летом 1941 года отец Сергей скрытно жил в деревне близ Тутаева, где он каждый день служил литургию. Из-за начала войны всеобщая подозрительность увеличилась, местные жители принимали скрывавшихся за «немецких шпионов» и выдали НКВД. 7 июля отец Сергей был арестован и помещен в Ярославскую тюрьму НКВД. Но в тюрьме выяснилось, кто он на самом деле.

После четырех месяцев допросов и пыток в стенах Ярославского НКВД отец Сергей Мечев был расстрелян в тюрьме.

Молитва его сердца исполнилась – никто за него не пострадал. Даже арестованную вместе с ним девушку освободили. Отец Сергей умер в день праздника иконы Божией Матери «Всех скорбящих Радость», а арестован он был в день праздника Иоанна Крестителя. Невольно вспоминается сон его покойной жены, матушки Евфросинии Николаевны, в котором она видела, как они с отцом Сергием прикладывались к иконам Предтечи и «Скорбящей» Божией Матери.

Священномученик Сергей (Зверев), архиепископ Елецкий, Мелитопольский

Архиепископ Сергей (в миру Александр Ц. Михайлович Зверев) родился в феврале 1872 года в селе Ново-Павловка Бердянского уезда (ныне Запорожская область) в семье священнослужителя. Родители воспитали его в страхе Божиим, с детства приучили к церковному благочестию. Обучаясь на юридическом факультете Московского университета, он одновременно занимался в певческой капелле, которую окончил со званием регента и учителя церковного пения 1-го разряда. Позже, влекомый благодатью Божией, Александр Михайлович пошел по стопам отца. Он закончил духовную семинарию, в 1897 году – Московскую духовную академию со званием кандидат богословия. В 1899 году Александр Зверев был рукоположен в священнический сан, окончательно избрав служение Христу и Его Церкви, предпочтя этот подвиг всем прочим возможностям, которые представлялись блестяще образованному человеку.

Священник Александр стал инспектором и законоучителем Таврического епархиального женского училища, смотрителем мужского духовного училища, исполняя эти послушания вплоть до 1920 года.

За заслуги перед Церковью священник Александр 19 сентября 1912 года был возведен в сан протоиерея. В 1921 году он назначен клириком Петропавловского собора Симферополя.

Но наступили времена, когда Господь стал приуготовлять Своих верных чад к подвигу исповедничества и неисповедимыми судьбами Божиими вести к их Голгофе.

В 1922 году по Таврической епархии прокатилась кампания по изъятию церковных ценностей в пользу голодающих. Правящий архиерей архиепископ Таврический и Симферопольский Никодим (Кротков) призвал священство по мере сил, с рассуждением оказать посильное содействие. Но цель властей была не столько изъять ценности (в том, что они рано или поздно будут отобраны, новая богоборческая власть не сомневалась), сколько физически истребить наиболее стойких и активных «церковников». В этой кампании деятельное участие принимали обновленцы. Всемерная поддержка властей придавала им особую дерзость, и они уверенно шли к захвату епархиальной власти. Их цель совпадала с желанием местной администрации во что бы то ни стало ликвидировать твердого в Православной вере владыку Никодима (Кроткова) и его окружение и не допустить назначения нового православного епископа.

В это время прежний Таврический архиепископ Димитрий (Абашидзе) находился под домашним арестом в Топловском монастыре. Власти намеревались арестовать и архиепископа Никодима (Кроткова). Православие, а точнее, существование какой-либо организованной православной структуры в Крыму было под угрозой исчезновения. Тогда приняли решение рукоположить известного своим благочестием и мудростью вдового протоиерея Петропавловского собора Александра Зверева во епископа Мелитопольского, викария Таврического.

Поздно вечером 28 августа 1922 года на подворье Космо-Дамиановского монастыря для совершения монашеского пострига собрались архиепископ Никодим (Кротков) и архиепископ Димитрий (Абашидзе), специально втайне от всех приехавший из Топловского монастыря; настоятельница Топловского Параскевского монастыря игумения Вирсавия (Подозникова), а также священнослужители симферопольских храмов. Постриг и служба, на которой состоялась хиротония, продолжались до 9 часов утра.

Рукоположение епископа Сергея оказалось своевременным: уже через месяц архиепископ Никодим был арестован. Владыка Димитрий также был привлечен к судебному разбирательству. Попали под арест и многие наиболее активные священники и монахи. Архиепископа Никодима заключили в Нижегородскую тюрьму, архиепископа Димитрия выслали за пределы Крыма. Остался только епископ Сергей (Зверев).

Многотруден архиерейский крест в столь страшное время разброда и всеобщего шатания, когда все основы привычного бытия сотрясены сатанинской злобой. Велика ответственность архиерея за каждую христианскую душу, вверенную ему Господом, но и велика благодать, укрепляющая доброго пастыря на его тернистом пути исповедника.

В самое лукавое время, когда из-за голода власти объявили изъятие церковных ценностей, в апреле 1923 года епископ Сергей обратился к народу: «Пришла весна – для одних красная, а для других скорбная, мучительная. Зима съела прошлогодний урожай, а до нового еще далеко, и опять в глаза наших братьев глядит один из самых страшных бичей – голод... Нельзя не помочь, надо непременно, обязательно помочь. Отдайте оставшееся в ваших храмах золото, серебро и вообще все металлические ценности. Вытащите их из-под спуда, если сверх чаяния они туда попали, и отдайте все на святое дело братской любви...

Тяжкое преступление – обращать священные предметы только на свое личное домашнее употребление. Если бы мне сказали: “Отдай Чашу на наши частные надобности” – я умер бы, но не отдал. А не дать наши священные драгоценные вещи на дело спасения тысячи жизней детей, отцов, матерей – это тягчайшее, величайшее, ничем не оправданное преступление.

Святые отцы и учителя Церкви, по Божественным законам жившие, ничего не щадили для спасения жизни страждущих...»

Несмотря на все призывы владыки помочь голодающим и открытость его церковной позиции, власти видели в епископе Мелитопольском только своего идейного врага.

8 октября 1923 года, в день памяти преподобного Сергия Радонежского, епископ Сергей был арестован, но все обвинения в его адрес оказались несостоятельными. К тому же любовь народа к своему иерарху в то время смогла приостановить руку палачей. Он был выпущен на свободу. В 1924–1926 годы, оставаясь по-прежнему епископом Мелитопольским, владыка Сергей управлял Самарской епархией, так как епископ Самарский Анатолий (Грисюк) был арестован.

Для благоустройства церковной жизни и управления Русской Православной Церковью 15 (28) февраля 1925 года Святейший Патриарх Тихон обратился в Народный Комиссариат внутренних дел с предложением о регистрации Патриаршего Священного Синода. Святейший Патриарх предполагал организовать Синод как исполнительный орган для созыва Всероссийского Собора. Мудрый водитель архиереев, Святейший Патриарх предложил кандидатуры выдающихся архиереев, имевших большой опыт и авторитет в церковной среде, – митрополита Крутицкого и Коломенского Петра (Полянского), митрополита Нижегородского Сергия (Страгородского), епископа Одесского и Херсонского Прокопия (Титова). Он включил в список и владыку Сергия. Но этому Синоду не суждено было образоваться из-за скорой кончины Святейшего Патриарха Тихона.

Епископ Сергей, единомышленник и сподвижник святого дела Патриарха, участвовал в его отпевании. Многие выдающиеся иерархи Русской Православной Церкви, которые, как и он, оказались у гроба Патриарха, стали впоследствии мучениками и исповедниками Церкви Христовой.

Владыка Сергей 30 марта (12 апреля) 1925 года присутствовал в Донском монастыре при чтении завещания Патриарха Тихона. Будущий местоблюститель патриаршего престола митрополит Крутицкий Петр (Полянский) предложил кандидатуру владыки Сергия во временно учрежденную коллегия архиереев для управления Церковью, создаваемую в связи с церковными нестроениями. Для такого ответственного дела требовались благодатная мудрость и особый опыт церковного кормчего, которыми обладал епископ Мелитопольский. Будучи ревностным борцом за чистоту православия и единство Христовой Церкви, он внимательно следил за деятельностью лжепастырей обновленческого толка. Во время подготовки к Собору 1925 года обновленцы направили к епископу Сергию комиссию для переговоров, но владыка пришедших не принял, а через третье лицо передал: «Не нахожу надобности вести переговоры

с вашим управлением и принять поэтому депутатов не нахожу нужным». Обозленные твердостью православного архиерея, обновленцы разослали по епархии обращение к духовенству и мирянам. Но ни духовенство, ни миряне, вдохновляясь исповеднической твердостью своего архипастыря, не стремились сблизиться с церковными реформаторами. Напротив, во время поездок владыки Сергея по епархии вернулись в православие все отпавшие в обновленчество приходы. Он умел обратиться к самому сердцу согрешившего человека. Враг же рода человеческого, завидуя апостольским трудам святителя, не мог стерпеть благодатного служения стойкого архипастыря и обрушился на него со всей злобой. В 1926 году епископа Мелитопольского осудили на два года и отправили в ссылку.

Отбыв наказание, владыка возвратился к церковному служению и через некоторое время был возведен в сан архиепископа. С 1929 года архиепископ Сергей нес крест архиерейского служения на Елецкой кафедре. Вместе с другими архиереями Русской Православной Церкви он участвовал в подписании циркуляра о новом титуле патриаршего местоблюстителя митрополита Сергея (Страгородского) и о порядке поминовения за богослужением высшей церковной власти российской Церкви. В 1935 году его вновь арестовали и осудили на пять лет исправительно-трудовых лагерей. Владыка принял испытание с подлинно христианским смирением, безропотно, как бы из рук Самого Христа. Безбожные власти обвинили архипастыря в том, что, будучи связан с епархиальным духовенством, он занимался контрреволюционной агитацией среди населения и священства, говорил с амвона проповеди, якобы призывавшие бороться с советской властью. После объявления приговора 21 января 1935 года ревностный исповедник веры православной был отправлен в Карагандинские лагеря.

Милостью Божией в лагере священники и миряне тайно собирались для молитвы. Иногда даже удавалось служить панихиды. Поминали, как правило, архиереев и духовенство, уже сподобившихся мученического венца. Эти молитвенные собрания стал посещать и владыка Сергей. Молитва помогала смириться со всеми ужасами лагерной жизни, переносить все с кротостью, видя во всем Промысл Божий.

Когда лагерное начальство начало готовить новое «дело» против Владыки и его соратников, нашлись предатели, давшие достаточно показаний для расправы с праведником. Некоторые, не выдержав пыток, подписали все, что от них требовали.

На допросах 67-летний старец держался твердо: ни угрозы, ни пытки его не сломили. Ответы его были кратки и полны достоинства. Следовательно так и не удалось заставить мужественного иерарха признать себя виновным. На провокационные вопросы Владыка не отвечал, ссылаясь на принципиальные соображения. Союзники его почти все держались столь же твердо.

8 ноября 1937 года архиепископ Сергей (Зверев) был осужден вместе с другими исповедниками. Их обвинили в том, что, якобы являясь членами контрреволюционной организации, они на протяжении всего времени пребывания в лагере проводили активную антисоветскую деятельность. Эта деятельность заключалась в нелегальных молитвенных собраниях, совершении панихид по убиенным священнослужителям, в связи с заграницей и непризнании советской власти. 13 ноября 1937 года им был вынесен приговор о расстреле с конфискацией имущества. На следующий день приговор привели в исполнение. Так завершился крестный путь исповедничества верного сына Православной Церкви священномученика Сергея (Зверева).

День памяти священномученика Сергея (Зверева) отмечается 14 ноября.

Преподобноисповедник архимандрит Сергей (Сребрянский)

Преподобноисповедник Сергей (в миру Митрофан Васильевич Сребрянский) родился 1 августа 1870 года в селе Трехсвятском Воронежского уезда Воронежской губернии в семье священника. Через год после рождения сына отца Василия перевели в село Макарий в трех километрах от Трехсвятского. Как и большинство детей священников, Митрофан Васильевич окончил духовную семинарию, однако не стал сразу священником.

Часть образованного общества того времени была настроена против Православной Церкви, и тот, кто горел желанием послужить своему народу и для кого не безразличны были интересы нравственные, уходил в общественные движения, чаще всего социалистические.

Под влиянием народнических идей Митрофан Васильевич поступил в Варшавский ветеринарный институт. Здесь, среди равнодушных к вере студентов, в католической Польше, он стал усердно посещать православный храм. В Варшаве он познакомился со своей будущей женой, Ольгой Владимировной Исполатовской, дочерью священника, служившего в Покровском храме в селе Владычня Тверской епархии; она окончила курс Тверской гимназии, собиралась работать учительницей и приезжала в Варшаву навестить родственников. 29 января 1893 года они обвенчались.

В Варшаве Митрофан Васильевич вновь стал размышлять о правильности выбора своего пути. В душе было пламенное желание служить людям – но достаточно ли ограничиться внешним служением, стать специалистом и помогать народу, крестьянам всего лишь в ведении хозяйства? Душа молодого человека ощущала неполноту такого рода служения, и он решил вступить на поприще служения священнического. 2 марта того же года епископ Воронежский Анастасий рукоположил Митрофана Васильевича в сан диакона к Стефановской церкви слободы Лизинówki Острогожского уезда. В сане диакона отец Митрофан пробыл недолго. Через год, 1 марта 1894-го он был назначен священником 47-го драгунского Татарского полка, а 20 марта епископ Острогожский Владимир рукоположил его в сан священника.

15 января 1896 года отец Митрофан был перемещен на вакансию второго священника к Двинскому военно-крепостному собору и 1 сентября того же года вступил в должность законоучителя Двинской начальной школы. 1 сентября 1897 года отец Митрофан был перемещен в город Орел и назначен настоятелем Покровского храма 51-го драгунского Черниговского полка, шефом которого была Ее Императорское Высочество великая княгиня Елизавета Федоровна.

Летом 1903 года в Сарове состоялось торжественное прославление преподобного Серафима. На этих торжествах был отец Митрофан. Здесь он был представлен великой княгине Елизавете Федоровне и произвел на нее самое благоприятное впечатление своей искренней верой, смирением, простотой и отсутствием какого-либо лукавства.

В 1904 году началась Русско-японская война. 11 июня 51-й драгунский Черниговский полк выступил в поход на Дальний Восток. Вместе с полком отправился и отец Митрофан. У священника не было ни тени сомнений, ни помыслов уклониться от исполнения своего долга. За семь лет служения полковым священником в Орле он настолько сжился со своей воинской паствой, что она стала для него как одна большая семья, с которой он разделял все тяготы походной жизни. Везде, где представлялась возможность, он со своими помощниками ставил походную церковь и служил.

Во время служения в действующей армии отец Митрофан вел подробный дневник, который печатался в журнале «Вестник военного духовенства», а затем вышел отдельной книгой. Дневник дает полное представление о нем как о смиренном пастыре, верном своему священническому долгу. Здесь, в условиях походных трудностей, тяжелых боев, где солдаты и офи-

церы рисковали жизнью, он увидел, насколько русский человек любит свою Родину. Он увидел, с каким смирением отдает за нее свою жизнь, осознал и то, что столичные газеты намеренно искажают правду о военных событиях, как будто это пишет не русская пресса, а неприятельская, японская. Здесь он увидел, насколько глубоко разделились русские люди: верующие и неверующие составляли как бы два разных народа.

15 марта 1905 года отец Митрофан как опытный пастырь и духовник был назначен благочинным 61-й пехотной дивизии и в этой должности прослужил до окончания войны. 2 июня 1906 года он вместе с полком вернулся в Орел. За выдающиеся пастырские заслуги, проявленные во время войны, отец Митрофан 12 октября 1906 года был возведен в сан протоиерея и награжден наперсным крестом на Георгиевской ленте.

В 1908 году великая княгиня Елизавета усиленно трудилась над проектом по созданию Марфо-Мариинской обители. Предложения по устройению обители были поданы от нескольких лиц. Подал свой проект и отец Митрофан. Его проект настолько пришелся по душе великой княгине, что именно его она положила в основу устройства обители. Для осуществления проекта она пригласила отца Митрофана на место духовника и настоятеля храма в обители.

Отец Митрофан привык к служению в Орле, где у него сложились прекрасные отношения с паствой, которой он отдавал все свое время и силы, и ни он не хотел с ней расстаться, ни она с ним. «Бывало, кончишь давать крест после обедни, а народ все идет и идет. С одним побеседуешь, другой просит совета, третий спешит поделиться своим горем – и так тянутся часы... Матушка ждет меня обедать, да только я раньше пяти часов вечера никак из церкви не выберусь», – вспоминал отец Митрофан.

Не смея отказаться от предложения великой княгини Елизаветы, отец Митрофан обещал подумать и дать свой ответ позже. На пути из Москвы в Орел он вспомнил родную, горячо его любящую паству и представил, как тяжело будет обоюдное расставание. От этих дум и воспоминаний его душа пришла в смятение, и он решил отказаться от предложения. Вдруг он почувствовал, что у него отнялась правая рука. Священник попытался поднять руку, но безуспешно: ни пальцами пошевелить, ни согнуть руку в локте он не смог. Отец Митрофан понял, что это, видимо, Господь его наказывает за сопротивление Его святой воле, и тут же стал умолять Господа простить его и пообещал, если исцелится, переехать в Москву. Понемногу рука стала обретать чувствительность, и через два часа все прошло.

Он приехал домой совершенно здоровым и вынужден был объявить прихожанам, что покидает их и переезжает в Москву. Многие, услышав это известие, стали плакать и умолять его не покидать их. Видя переживание паствы, добрый пастырь не смог ей отказать, и хотя его настоятельно звали в Москву, он все откладывал с отъездом. Он даже снова решил отказаться и остаться в Орле. Вскоре после этого он заметил, что у него без всякой видимой причины начала распухать правая рука, и отцу Митрофану стало трудно служить. Он обратился за помощью к одному из своих родственников, доктору Николаю Яковлевичу Пясковскому. Врач, осмотрев руку, сказал, что никаких причин болезни нет и он не может дать в этом случае какого бы то ни было медицинского объяснения и, следовательно, помочь.

В это время из Москвы в Орел привезли чудотворную Иверскую икону Божией Матери. Отец Митрофан пошел помолиться и, стоя перед образом, пообещал, что примет бесповоротно предложение великой княгини и переедет в Москву. С благоговением и страхом он приложился к иконе и вскоре почувствовал себя лучше. Он понял, что на переезд его в Москву и поселение в Марфо-Мариинской обители есть благословение Божие, с которым нужно смириться.

После этого, желая получить благословение от старцев, он поехал в Зосимову пустынь. Он встретился со схииеромонахом Алексием и другими старцами и поведал им о своих сомнениях и колебаниях: не будет ли дело, которое он на себя берет, свыше его сил. Но они благословили его братья за дело. Отец Митрофан подал прошение о переводе в обитель, и 17 сентября 1908 года священномученик Владимир, митрополит Московский, назначил его настоятелем

Покровской и Марфо-Мариинской церквей на Большой Ордынке, поскольку сама Марфо-Мариинская обитель начала свою деятельность только с 10 февраля 1909 года, когда великая княгиня Елизавета переехала в дом, предназначавшийся для обители.

Отец Митрофан, поселившись в обители, сразу же принялся за дело, отдавшись ему всей душой, – как это было в Орле, когда он занимался постройкой церкви, устройством школы и библиотеки, как было и во время войны, когда он стал отцом духовных детей, которые каждодневно подвергались смертельной опасности. Он часто служил, не жалея сил наставлял еще немногочисленных сестер, которые пришли жить в обитель. Настоятельница обители по достоинству оценила священника, которого им послал Господь. Она писала о нем Государю: «Он исповедует меня, окормляет меня в церкви, оказывает мне огромную помощь и подает пример своей чистой, простой жизнью, такой скромной и высокой по ее безграничной любви к Богу и Православной Церкви. Поговорив с ним лишь несколько минут, видишь, что он скромный, чистый и человек Божий, Божий слуга в нашей Церкви».

Несмотря на трудности и новизну предпринятого дела, обитель благословением Божиим, смирением и трудами настоятельницы, духовника обители отца Митрофана и сестер с успехом развивалась и расширялась. В 1914 году в ней было девяносто семь сестер, при ней была больница на двадцать две кровати, амбулатория для бедных, приют для восемнадцати девочек-сирот, воскресная школа для девушек и женщин, работавших на фабрике, в которой обучалось семьдесят пять человек, библиотека в две тысячи томов, столовая для бедных женщин, обремененных семьей и трудящихся на поденной работе, кружок для детей и взрослых «Детская лепта», занимавшийся рукоделием для бедных.

На поприще христианской деятельности великая княгиня Елизавета прослужила до мученического конца. Вместе с ней (и до самого закрытия обители) трудился и отец Митрофан. Наступил 1917 год – Февральская революция, отречение Государя, арест царской семьи, Октябрьский переворот.

Почти сразу после революции было совершено нападение на Марфо-Мариинскую обитель вооруженных людей.

Вскоре великая княгиня была арестована. Незадолго перед арестом она передала общину попечению отца Митрофана и сестры-казначей. Великая княгиня была увезена на Урал, в Алапаевск, где 5 (18) июля 1918 года приняла мученическую кончину.

25 декабря 1919 года Святейший Патриарх Тихон, хорошо знавший отца Митрофана, благодаря его за многие труды, преподал ему первосвятительское благословение с грамотой и иконой Спасителя. В это время решился для отца Митрофана и его супруги Ольги вопрос о монашестве. Много лет живя в супружестве, они воспитали трех племянниц-сирот и желали иметь своих детей, но Господь не давал исполниться их желанию. Увидев в этом Божию волю, призывающую к особому христианскому подвигу, они дали обет воздержания от супружеской жизни. Это было уже после переезда их в Марфо-Мариинскую обитель. Долгое время этот подвиг был для всех скрыт, но когда произошла революция и наступило время гонений на Православную Церковь, они решили принять монашеский постриг. Постриг был совершен по благословению святого Патриарха Тихона. Отец Митрофан был пострижен с именем Сергей, а Ольга – с именем Елизавета. Вскоре после этого Патриарх Тихон возвел отца Сергия в сан архимандрита.

В 1922 году безбожные власти произвели изъятие церковных ценностей из храмов. Многие священнослужители были арестованы, некоторые расстреляны. Одним из предъявляемых им обвинений было чтение в храмах послания Патриарха Тихона, касающегося изъятия церковных ценностей. Отец Сергей вполне разделял мысли Патриарха и считал, что не следует во избежание кощунств отдавать церковные сосуды. И хотя изъятие из храмов обители произошло без всяких эксцессов, отец Сергей прочел в храме послание Патриарха, за что 23 марта

1923 года был арестован. Пять месяцев он томился в тюрьме без предъявления обвинения, и затем по приказу ГПУ от 24 августа 1923 года был выслан на один год в Тобольск.

Из ссылки в Москву отец Сергей вернулся 27 февраля 1925 года и на следующий день как бывший ссыльный явился в ГПУ, чтобы узнать решение относительно своей дальнейшей судьбы. Следователь, которая вела его дело, сказала, что священнику разрешается совершать церковные службы и говорить за богослужениями проповеди, но он не должен занимать никакой административной должности в приходе, и ему запрещено принимать участие в какой-либо деловой или административной приходской деятельности.

Отец Сергей вернулся в Марфо-Мариинскую обитель. Однако недолго пришлось ему здесь прослужить. В 1925 году власти приняли решение обитель закрыть, а насельниц сослать. Некоторые из работников устроенной на территории обители поликлиники решили отобрать обительскую квартиру у отца Сергея и для этого составили донос в ОГПУ, обвинив священника в антисоветской агитации среди сестер обители, будто он, собирая их, говорил, что советская власть преследует религию и духовенство. На основании этого доноса 29 апреля 1925 года отец Сергей был арестован и заключен в Бутырскую тюрьму. 2 июля коллегия ОГПУ прекратила дело, и отец Сергей был освобожден.

За то время, пока отец Сергей был в заключении, Марфо-Мариинская обитель была закрыта, а сестры арестованы. Некоторые из них были высланы относительно недалеко – в Тверскую область, но большинство сослано в Казахстан и Среднюю Азию.

Отец Сергей и матушка Елизавета выехали в село Владычня Тверской области и поселились в бревенчатом, покрытом дранкой одноэтажном доме, в котором когда-то жил отец матушки протоиерей Владимир Исполатовский. Первое время отец Сергей не служил, но часто ходил молиться в Покровский храм, в котором стал служить в 1927 году.

Сразу же по приезде, а еще более после того, как отец Сергей стал служить во Владычне, его стали посещать многие из его духовных детей. Среди окружающих он был известен как молитвенник и человек святой жизни. Люди стали обращаться к нему за помощью, и некоторые по своей вере и молитвам праведника получали исцеления. Несмотря на пережитые узы и тяжелое время гонений, отец Сергей продолжал подвизаться как духовник и проповедник. Он использовал отпущенное ему время для научения в вере, поддержки и просвещения ближних. Духовные дети привозили ему продукты и одежду, большую часть которых он раздавал нуждающимся.

Но в селе были люди, которые ненавидели Церковь и относились враждебно к отцу Сергию за его открытую проповедническую деятельность. Жизнь, которую он проводил, обличала их совесть, и, вознамерившись его уничтожить, они обратились за помощью к власти. ОГПУ допросило этих людей. Они показали: «По своему общественному умелому подходу к народу с религиозной стороны заслуживает особого внимания. Действует исключительно религиозным дурманом. Опирается на темноту, выгоняет бесов из человека... Особенно способен на проповеди, которые говорит по два часа. В своих выступлениях с амвона призывает на единение и поддержку Церкви, религиозных целей... Результаты таких проповедей имеются налицо... Деревня Гнездцы категорически отказалась от вступления в колхоз. Словом, должен сказать, священник Сребрянский является политически вредным элементом, который должен быть срочно изъят...»

На основании этих показаний отец Сергей был через несколько дней арестован, но «материалов» для создания «дела» не доставало, и 14 февраля 1930 года следователи допросили жителей села Владычня, оставляя в деле показания лишь тех свидетелей, которые подтверждали обвинение. Но и через призму искаженных свидетельств видно, что отец Сергей был для народа подлинным старцем и подвижником, по молитвам которого совершались исцеления многих недужных.

10 марта власти допросили отца Сергея. 7 апреля 1930 года «тройка» ОГПУ приговорила отца Сергея к пяти годам ссылки в Северный край. Священнику было тогда шестьдесят лет, и после нескольких тюремных заключений, ссылки, этапов он тяжело болел миокардитом. Это время было самым тяжелым для ссыльных. Прошла коллективизация. Крестьянские хозяйства были разорены. Хлеб продавался по карточкам и в самом ограниченном количестве. Выжить ссыльным можно было, только если присылались посылки. Но посылки доходили лишь в то время, когда по реке было пароходное сообщение, которое прекращалось на зимний период и на время, пока сплавлялся лес.

Отца Сергея поселили в одной из деревень на реке Пинеге. Здесь жило много сосланного духовенства. Сюда к нему приехали монахиня Елизавета и Мария Петровна Заморина, знавшая отца Сергея еще в период его служения в Орле; впоследствии она приняла монашество с именем Милица. Ссыльные священники работали здесь на лесоразработках и сплаве леса. Отец Сергей работал на ледянке – вел по ледяной колее лошадь, тащившую бревна. Эта работа хотя и была легче пилки и рубки в лесу, но требовала большой ловкости и спорости. Отец Сергей, монахиня Елизавета и Мария Петровна жили в домике как маленькая монастырская община. Отец Сергей благодаря своей подвижнической жизни, постоянной молитвенной настроенности, духовным советам и умению утешать страждущих в самых тяжелых их обстоятельствах вскоре стал известен как глубоко духовный старец, которому многие поверяли свои беды, в молитвенное предстательство которого верили. Северная зимняя природа произвела большое впечатление на исповедника. «Огромные ели, закутанные снежными одеялами и засыпанные густым инеем, стоят как зачарованные, – вспоминал он, – такая красота – глаз не оторвешь, и кругом необыкновенная тишина... Чувствуется присутствие Господа Творца, и хочется без конца молиться Ему и благодарить Его за все дары, за все, что Он нам посылает в жизни...»

Несмотря на болезнь и преклонный возраст, старец с помощью Божией выполнял норму, данную начальством. Когда ему приходилось корчевать пни, он делал это один и в короткое время. Иногда он смотрел на часы, интересуясь сам, за какое время ему удастся выкорчевать пень, над каким, бывало, трудилось несколько человек ссыльных.

С местным начальством у отца Сергея сложились самые благоприятные отношения, все любили святого старца и неутомимого труженика, который со смирением воспринимал свою участь ссыльного. Детям он вырезал и клеил, а затем раскрасил макет паровоза с пассажирскими и товарными вагонами, которых дети не видели еще ни разу в своей жизни по отдаленности от тех мест железных дорог.

Через два года ссылки власти из-за преклонного возраста священника, его болезней и за успешно выполняемую работу решили его освободить. В 1933 году отец Сергей вернулся в Москву, где пробыл один день – простился с закрытой и разоренной обителью и выехал с монахиней Елизаветой и Марией Петровной во Владычню. На этот раз они поселились в другом доме, который был куплен его духовными детьми. Это была небольшая изба с русской печью, кирпичной лежанкой и просторным двором. Здесь прошли последние годы жизни старца. Покровский храм во Владычне был закрыт, и отец Сергей ходил молиться в Ильинский храм в соседнее село. Впоследствии власти стали высказывать неудовольствие по поводу его появления в храме, и он был вынужден молиться дома. Последний период жизни отца Сергея стал временем старческого окормления духовных детей и обращавшихся к нему страждущих православных людей, что было особенно существенно в то время, когда большинство храмов было закрыто и многие священники были арестованы.

Во время Великой Отечественной войны, когда немцы захватили Тверь, во Владычне расположилась воинская часть, и здесь ожидался большой бой. Офицеры предлагали жителям уйти дальше от передовых позиций, кое-кто ушел, а отец Сергей и монахини Елизавета и Милица остались. Почти каждый день над расположением воинской части летали немецкие самолеты, но ни разу ни одна бомба не упала ни на храм, ни на село. Это было отмечено и

самими военными, у которых возникло ощущение, что село находится под чьей-то молитвенной защитой. Однажды отец Сергей пошел на другой конец села со Святыми Дарами причащать тяжелобольного. Идти нужно было мимо часовых. Один из них остановил отца Сергия и, пораженный видом убеленного сединами старца, бесстрашно шедшего через село, непроизвольно высказал ту мысль, которая владела умами многих военных: «Старик, тут кто-то молится».

Неожиданно часть была снята с позиции, так как бои развернулись на другом направлении, неподалеку от села Медное. Местные жители, очевидцы этих событий, приписывают чудесное избавление села от смертельной опасности молитвам отца Сергия.

В последние годы жизни архимандрита Сергия, начиная с 1945 года, его духовником был протоиерей Квинтилиан Вершинский, служивший в Твери и часто приезжавший к старцу. Отец Квинтилиан сам несколько лет пробыл в заключении и хорошо знал, что это такое – нести тяготы и горечь гонений в течение многих лет. Он вспоминал об отце Сергии: «Всякий раз, когда я беседовал с ним, слушал его проникновенное слово, передо мной из глубины веков вставал образ подвижника-пустынножителя... Он весь был объят Божественным желанием... Это чувствовалось во всем, особенно – когда он говорил. Говорил он о молитве, о трезвении – излюбленные его темы. Говорил он просто, назидательно и убедительно. Когда он подходил к сущности темы, когда мысль его как бы касалась предельных высот христианского духа, он приходил в какое-то восторженносозерцательное состояние, и, видимо, под влиянием охватившего его волнения помыслы его облекались в форму глубоко душевного лирического излияния».

«Наступило приснопамятное весеннее утро, – вспоминал отец Квинтилиан. – На востоке загоралась заря, предвещавшая восход весеннего солнца. Еще было темно, но около хижины, где жил старец, толпились люди; несмотря на весеннюю распутицу, они собрались сюда, чтобы отдать последний долг почившему старцу. Когда я вошел в самое помещение, оно было забито народом, который всю ночь провел у гроба старца. Начался отпев. Это было сплошное рыдание. Плакали не только женщины, но и мужчины...

С большим трудом вынесли гроб через малые узенькие сенцы на улицу. Гроб хотели поставить на дровни, нести на себе его на кладбище было невозможно, ибо дорога на кладбище представляла местами топкую грязь, местами была покрыта сплошной водой. Тем не менее из толпы неожиданно выделяются люди, поднимают гроб на плечи... Потянулись сотни рук, чтобы хотя коснуться края гроба, и печальная процессия с неумолкаемым пением «Святой Боже» двинулась к месту последнего упокоения. Когда пришли на кладбище, гроб поставили на землю, толпа хлынула к гробу. Спешили проститься. Прощавшиеся целовали руки старцу, при этом некоторые как бы замирали, многие вынимали из кармана белые платки, полотенца, маленькие иконки, прикладывали к телу усопшего и снова убирали в карман.

Когда гроб опускали на дно могилы, мы пели «Свете тихий». Песчаный грунт земли, оттаявшие края могилы грозили обвалом. Несмотря на предупреждение, толпа рванулась к могиле, и горсти песка посыпались на гроб почившего. Скоро послышались глухие удары мерзлой земли о крышку гроба.

Мы продолжали петь, но не мы одни. «Граждане, – слышался голос, – смотрите! смотрите!» Это кричал человек с поднятой кверху рукою. Действительно, нашим взорам представилась умильная картина. Спустившийся с небесной лазури необычайно низко, над самой могилой делал круги жаворонок и пел свою звонкую песню; да, мы пели не одни, нам как бы вторило творение Божие, хваля Бога, дивного в Своих избранниках.

Скоро на месте упокоения старца вырос надмогильный холмик. Водрузили большой белый крест с неугасимой лампадой и надписью: «Здесь покоится тело священноархимандрита Сергия – протоиерея Митрофана. Скончался 1948 г. 23 марта.

Подвигом добрым подвизахся, течение жизни скончав»».

Еще при жизни батюшка говорил своим духовным детям: «Не плачьте обо мне, когда я умру. Вы придете на мою могилку и скажете, что нужно, и я, если буду иметь дерзновение у Господа, помогу вам».

Память Сергия (Сребрянского) 23 марта.

Священноисповедник Сергей (Правдолюбов)

Род Правдолюбовых был священническим со старинных времен; по некоторым записям и преданиям, священники Правдолюбовы известны с середины XVIII века. Уже в первом выпуске Рязанской духовной семинарии 1817 года числился Феодор Правдолюбов. В роду Правдолюбовых четыре прославленных Церковью новомученика. Анатолий Авдеевич – священномученик. Его старшие дети: Владимир Анатольевич – мученик, Сергей Анатольевич – священноисповедник, Николай Анатольевич – священномученик. Брат жены отца Анатолия – протоиерей Михаил Дмитриев – прославлен как священномученик.

Протоиерей Сергей Анатольевич Правдолюбов родился 13 июня 1890 года в селе Маккавеево Касимовского уезда Рязанской губернии. Его отец – протоиерей Анатолий Авдеевич Правдолюбов, мама – Клавдия Андреевна Дмитриева. Детство его проходило в Рязанской губернии: селе Маккавеево и городе Касимове, где отец Анатолий был настоятелем церкви Успения Божией Матери, а также многие годы преподавал в здешнем духовном училище, был инспектором церковно-приходских школ уезда. Для отдохновения души всю жизнь занимался цветоводством. Был расстрелян в 1937 году. Канонизирован как священномученик.

В шестилетнем возрасте, в 1896 году, с младенцем Сергием произошло чудо исцеления. Он перенес тяжелую болезнь, после которой почти совсем потерял слух. Врачи утверждали, что глухота останется на всю жизнь – она неизлечима. В этом же году в сентябре отец Анатолий Авдеевич был в Чернигове на прославлении святителя Феодосия Черниговского – на открытии его мощей. Он привез с собой небольшой плат и елей от мощей святителя, который возложил на голову больного ребенка. Вот как писал потом в своих воспоминаниях об этом исцелении уже сын Сергея – протоиерей Анатолий Сергеевич Правдолюбов:

«Салфеточка, лежавшая на мощах святителя Божия Феодосия, привезена была дедушкой домой вместе с маслом от раки святителя. Возложена она была им с верою на голову моего оглохшего отца, больного шестилетнего мальчика; масло дед ему лил в больные ушки, и он совершенно исцелился и всю жизнь потом прекрасно слышал».

Отец Сергей был от природы очень одаренным человеком, но вместе с тем получил и прекрасное образование. В отрочестве он окончил Касимовское духовное училище, где преподавал его отец, затем Рязанскую духовную семинарию и, наконец, Киевскую Императорскую духовную академию с присуждением ему ученой степени кандидата богословия.

В 1913 году, будучи студентом, Сергей Анатольевич женился на Лидии Дмитриевне Федотьевой, дочери касимовского протоиерея Димитрия Федотьева. Венчались они в небольшом селе Панино Спасского уезда Рязанской губернии, где служили родственники Лидии Дмитриевны Федотьевой. У отца Сергея и Лидии Дмитриевны родилось семеро детей.

В 1915 году, по окончании Духовной академии, отец Сергей служил в Киеве псаломщиком, а затем был послан в Вятскую епархию, где 26 октября того же года был рукоположен епископом Вятским Никандром в священника Спасской церкви слободы Кукарка (с 1937 г. город Советск Кировской области). В 1916 году он стал протоиереем и был переведен настоятелем в Троицкий собор слободы Кукарка и назначен благочинным первого округа Яранского уезда Вятской епархии, законоучителем девятиклассной женской гимназии, двух мужских средних училищ и председателем педагогического совета гимназии. Отцу Сергию в это время было всего двадцать шесть лет.

В 1918 году отец Сергей чудом остался жив при следующих обстоятельствах. В Кукарку пришел карательный отряд латышских стрелков. Ночью они пошли с рейдом по слободе, арестовывая и расстреливая самых влиятельных жителей. Когда подошли к дому отца Сергея, разыскивая «главного попа», к ним вышел он сам и сказал: «Это я». Ему не поверили. Вид у отца Сергея был очень простой – лысина, маленькая борода. Красноармейцы ответили ему:

«Нет, ты не главный поп, ты – простой поп». Отец Сергей ответил: «Да, я простой священник». Каратели ушли, но отыскиали престарелого заштатного протоиерея Алексия и расстреляли его. Отец Сергей всю жизнь молился за убиенного протоиерея Алексия.

В том же году отца Сергия арестовали и продержали под стражей два с половиной месяца. Арестованных водили на работу и называли их «трудовым ополчением», хотя на самом деле это было тюремным заключением. Однажды одну из групп заключенных вывели в лес и приказали копать траншею. Когда траншея была готова, всех расстреляли и закопали в вырытый ими ров. Очень скоро вывели в лес другую группу людей, в которую входил и отец Сергей. Также приказали копать траншею, и все были уверены, что их расстреляют. Во время работы все молились, чтобы Господь принял их души с миром. Когда все было готово, неожиданно по железнодорожным путям, проходившим невдалеке, подошел состав с испорченной рыбой. Охранник приказал разгрузить четыре вагона тухлой рыбы и закопать в траншею, после чего все могли быть свободны. Люди, выполняя эту тяжелую работу, радовались и благодарили Бога за спасение. Однако отца Сергия ждал другой удар – умер его маленький сынок, младенец Владимир.

В 1923 году отец Сергей с семьей переехал в город Касимов и определением архиепископа Рязанского и Зарайского Бориса (Соколова) с 8 сентября был назначен настоятелем Троицкой церкви.

Касимов – небольшой, но очень красивый древний город, известный с 1152 года. В нем было два монастыря и двенадцать церквей, в каждой из которых был прекрасный набор колоколов. Главный соборный колокол весил 16 тонн и отличался низким бархатным тембром, раздававшимся на многие километры в округе. Как вспоминают современники, звук этого колокола как будто плыл по улицам города, новых ударов было почти не слышно – только мягко возобновляющееся звучание, слышное километров до пятнадцати за городом. Ближайшие к Касимову сельские приходы начинали свой звон по соборному колоколу, а сам город просто звучал множеством колоколов, особенно в Пасхальную седмицу, когда каждый прихожанин считал своим долгом подняться на колокольню своего приходского храма и хотя бы несколько раз ударить в колокола. Такое количество колоколов в небольшом городе и такое разнообразие различных звонов поражало всех, кто впервые приезжал в город. Один архиерей, посетивший Касимов, с удивлением вспоминал потом эти звоны и говорил: «Потрясая весь град!»

Но не только своими колоколами славился город Касимов. В каждом из храмов было множество старинных облачений, икон, хоругвей, в каждом храме был свой хор певчих, которыми управляли опытные регенты, проходившие свое обучение в Москве и Петербурге.

Протоиерей Сергей любил свой родной город, и приехал он сюда для служения по просьбе своего отца, который писал ему в Вятскую епархию: «Возвратись в землю отцов; мы стары и горько нам умирать, не видя тебя и внуков, не насладившись общением с тобой и семьей твоей лицом к лицу». И действительно, Касимов был городом предков отца Сергия: в Успенской церкви служил протоиерей Анатолий – его отец, в Казанском монастыре – брат, иерей Николай, в кладбищенской церкви Всех Святых – протоиерей Димитрий Федотьев; в окрестных селах служили дяди отца Сергия – протоиерей Михаил, протоиерей Феодор и иерей Александр Дмитриевы. Каждую неделю в базарный день, по четвергам, эти многочисленные родственники собирались в город по хозяйственным нуждам, а потом считали своим долгом появиться в доме отца Анатолия Авдеевича Правдолюбова, где вместе пили чай, разговаривали, делились приходскими заботами.

Когда в Касимов приехал отец Сергей, он стал постоянным участником этих встреч. Всем был известен его незаурядный проповеднический дар, и все единодушно просили его каждый раз импровизационно произнести проповедь на тему предстоящего евангельского воскресного чтения. Его внимательно слушали, вносили поправки и дополнения, а потом во всех церквях говорили примерно одно и то же, конечно, со своими личными особенностями, которые всегда

отличают одного проповедника от другого. Тем более что у каждого священника, кто слушал тогда отца Сергия, были свои привязанности к определенным источникам. Сам протоиерей Сергей очень любил проповедничество архиепископа Иннокентия Херсонского и святителя Феофана Затворника, протоиерей Анатолий Авдеевич – святителя Димитрия Ростовского, протоиерей Димитрий Федотьев пользовался прежде всего хрестоматиями протоиерея Григория Дьяченко, кто-то любил святителя Тихона Задонского, архиепископа Амвросия Харьковского, протоиерея Родиона Путятина и так далее. Тем не менее именно отца Сергия ценили как необыкновенного проповедника, оратора, апологета не только собратья священники, но и прихожане, собиравшиеся послушать его из других храмов города.

В эти годы протоиерей Сергей произнес весьма пространный цикл проповедей под названием «Объяснение Божественной литургии». Сохранились очень подробные записи этих проповедей, которые и сейчас поражают глубиной веры отца Сергия, красотой слова и вместе с тем доступностью для каждого слушающего тех высоких богословских истин, которые в них излагаются.

Протоиерею Сергию приходилось принимать участие и в публичных диспутах с атеистами, на которые собиралось множество народа. Сами власти обязывали священнослужителей выступать на таких диспутах, но очень скоро диспуты были запрещены, так как атеисты неизменно терпели сокрушительные поражения.

Немало бед принес также и обновленческий раскол, распространившийся тогда повсеместно. Но в Касимове обновленцы не имели успеха во многом благодаря сплоченности духовенства, постоянной проповеди с церковного амвона, в чем немалую роль сыграла твердость отца Сергия, его убежденность в том, что недопустимо вносить в церковную жизнь те новшества, какие провозглашали последователи обновленчества.

В 1924 году протоиерей Сергей вместе со своим отцом протоиереем Анатолием Авдеевичем и братом Владимиром был в Москве на приеме у Святейшего Патриарха Тихона. Святейший Патриарх подарил им свой портрет с дарственной надписью: «Протоиереям Сергию и Анатолию Правдолюбным. Патриарх Тихон, 1924 год». Именно тогда у Правдолюбных появилась традиция, чтобы два имени, благословленные Патриархом Тихоном, чередовались в их роду.

Сложнее было отношение к митрополиту Сергию (Страгородскому), особенно после его Декларации 1927 года. Появились приходы, в которых не поминали имя митрополита Сергия. Были трудности и в семье Правдолюбных. Старший сын отца Анатолия Владимир (будущий мученик) одно время не брал благословение у своего отца, не признавая линию митрополита Сергия. Но жизнь показала, что и те, кто поддерживал Декларацию, и те, кто был против, одинаково сохраняя верность Христу и Его Святой Церкви, идя на смерть вместе, сохраняли церковное единство в своих страданиях и мучениях. Отец Сергей сохранял верность митрополиту Сергию и убеждал других в том, что почитание митрополита предстоятелем является залогом единства Церкви, и молитва за него сохранит Церковь от полного ее уничтожения.

28 февраля 1928 года протоиерей Сергей был награжден крестом с украшениями «За усердное проповедование Слова Божия».

В те годы уже повсеместно установилась атеистическая власть, и близились годы репрессий. В конце 1929 года отца Сергия арестовали и заключили в тюрьму. Его приговорили к двум годам заключения, но по многочисленным просьбам верующих неожиданно к празднику Пасхи освободили.

В 1934 году архиепископом Рязанским и Шацким Иувеналием (ныне прославлен в лике священномучеников) протоиерей Сергей был награжден митрой. В эти годы полностью раскрылись таланты отца Сергия, данные ему от Бога. Его естественная властность вместе со смирением и простотой, проникновенные слова проповедей и пастырских наставлений воздействовали на многих и многих людей. Священнослужители, приезжавшие в Касимов, обретали

в общении с мудрым наставником духовную поддержку и укрепление. Отца Сергея любил слушать даже его отец – протоиерей Анатолий Авдеевич Правдолюбов. А протоиерей Михаил Андреевич Дмитрев, бывший вместе с отцом Сергием в заключении в тюрьме зимой 1930 года, впоследствии говорил: «Был бы в тюрьме отец Сергей, а с ним и тюрьма не тюрьма!»

В 1935 году отец Сергей снова был арестован и отправлен на Соловки. Вместе с ним было арестовано более десяти человек, среди которых двое братьев: иерей Николай (канонизирован 27 декабря 2000 года как священномученик), Владимир (канонизирован 20 августа 2000 года как мученик) и сын Анатолий, двадцатилетний юноша. Анатолий был музыкально одаренным человеком. В 1933 году сам Ипполитов-Иванов принял его в свой класс, но буквально через месяц из-за «поповского происхождения» Анатолия исключили из консерватории, и он вернулся в Касимов, в отчий дом. Когда арестовывали его отца и дядю, чекисты, вызвав, что Анатолий, помимо музыки, занимается и поэзией, предложили ему написать сатирические стихи против отца-священника. Молодой человек, естественно, отказался это делать и вместе с отцом и дядей был выслан на Соловки.

Причиной ареста послужило составление иереем Николаем и Владимиром Анатольевичем жизнеописания всеми почитаемой Матроны Анемнясевской (канонизирована 22 апреля 1999 года как блаженная и исповедница) и двух местночтимых подвижников благочестия – царевича Иакова (XVII век) и Петра Отшельника (современника преподобного Серафима Саровского). Составление таких книг в то время считалось преступлением.

Жизнеописание подвижницы Матроны Анемнясевской было составлено при ее жизни. Подвиг ее святости сочетает в себе как пример необычайного терпения, поста и молитвы, так и образ исповедничества (святая была арестована в 1936 году и скончалась в заключении).

Материалы следственного дела 1935 года показывают, что основой его, вместе с обвинениями в адрес блаженной Матроны Анемнясевской и рукописью книги отца Николая и Владимира Правдолюбовых, были служение и проповеди протоиерея Сергея, о чем свидетельствует стандартный вопрос к свидетелям: «Дайте, пожалуйста, характеристику проповедей протоиерея Сергея Правдолюбова...»

В Соловецком лагере протоиерей Сергей провел долгие пять лет в тяжелейших условиях. Вместе с ним в тюремном заключении томились его сын и брат, иерей Николай. Владимира Анатольевича отправили в Карагандинский лагерь и там расстреляли. На Соловках батюшка познакомился с епископом Бежецким Аркадием Остальским (канонизирован 20 августа 2000 г. как священномученик), также соловецким заключенным. По спискам новоприбывших владыка определял, кто из них мог быть духовного звания, и, несмотря на запреты лагерного начальства, старался оказывать им помощь. Епископ Аркадий поддерживал их почти два года, до своего освобождения в начале 1937 года. Выйдя из лагеря, Владыка некоторое время жил в Касимове, в семье отца Николая Правдолюбова. В 37-м его снова арестовали и расстреляли в Бутове.

Несмотря на условия тюрьмы, у заключенных в те годы были возможности для общения, молитвы и даже богослужения. Сохранился соловецкий антиминос, а у внука отца Сергея, протоиерея Сергея Правдолюбова, как драгоценная реликвия хранится соловецкая епитрахиль в виде простого полотенца, которую отцу Сергию прислали «с воли». Сын протоиерея Сергея, протоиерей Анатолий, оставил свои воспоминания о годах заключения на Соловках, которые в настоящее время опубликованы.

Однажды протоиерей Сергей предупредил своего брата и сына об искушении от нечистого духа, охватившего всех находящихся с ними рядом. Как-то в вечернее время после работы в тюремном общежитии множество заключенных находились вместе и мирно беседовали, расположившись группами по всему общежитию. Вели общую беседу и Правдолюбовы: отец Сергей, отец Николай и Анатолий. Вдруг отец Сергей сказал им:

– Влетел!

– Кто влетел? – спросил его сын.

– Сатана влетел, – ответил отец Сергей.

– А почему ты это знаешь? – продолжал допытываться Анатолий.

– А вот посмотри, слышишь, как около входа люди ругаются?

– Ну и что из того, мало ли какие у них между собой разногласия? – продолжал возражать отцу Сергию Анатолий.

– Нет, дело не в этом. Сейчас здесь все будут ругаться.

И действительно, как бы по кругу страшная брань стала распространяться среди людей по всему помещению. Очень скоро все без исключения люди ругались, проявляя друг к другу непонятную злобу.

– Вот видите? Мы сейчас с вами тоже ругались бы, если бы я вас не предупредил, – сказал отец Сергей.

Еще один случай с отцом Сергием говорит о том, что даже демоны иногда вынуждены свидетельствовать о силе Божией, действующей в людях, верных Ему. Был среди заключенных узбек, который любил гадать на небольших косточках, похожих на вишневые: он бросал эти косточки на какую-либо поверхность и смотрел, как они расположатся. По их расположению этот узбек предсказывал многое из того, что предстоит пережить тому или иному заключенному. Такие гадания нравились многим, узбека всегда окружала толпа людей, возбужденно обсуждающих то или иное предсказание. Как-то раз этот человек подошел к отцу Сергию и попросил у него разрешения погадать на него. Отец Сергей ответил:

– Закон нашей веры гадать нам запрещает. Я не разрешаю гадание.

Узбек отошел от отца Сергия и с лукавым видом сказал окружающим:

– А мы все равно погадаем!

Бросил он косточки, посмотрел на них и вдруг побледнел и изменился в лице. С величайшим почтением подошел он к отцу Сергию, склонился перед ним, как-то особенно сложив руки, и сказал:

– Разрешите продолжать гадание.

– Нет, не разрешаю, – был ответ отца Сергия.

Узбек подошел к своим косточкам, положил на них сверху какую-то небольшую палочку и сказал:

– Все, не разрешает!

– Да что ты, продолжай, подумаешь, какой-то старик тебе запрещает! – пытались ободрить его заключенные.

– Нет, вы ничего не понимаете! Ему выпало счастье пророка! Это очень редкая вещь, и никто не имеет права гадать на него, если он не разрешает, – ответил узбек и в этот вечер вообще прекратил гадания.

В 1940 году отца Сергия освободили, и он вернулся в Касимов. Но многие храмы к тому времени были уже закрыты. Не совершались службы и в Троицкой церкви, где до своего заключения отец Сергей был настоятелем. Священнического места для него не было, и приходилось отцу Сергию вместе с семьей существовать исполнением треб и замещением штатных священников во время их болезни. А в августе 1942 года его снова отправили в тюрьму на шесть месяцев. Ему ставилось в вину «нарушение правил светомаскировки в военное время», которых он не нарушал, однако его арестовали и без суда и следствия заключили под стражу. Только через полгода отец Сергей был освобожден и в марте 1943 года стал служить в Никольской церкви города Касимова.

Но недолго пришлось служить ему в Касимове – уже в декабре того же года отец Сергей был мобилизован на трудовой фронт и отправлен ночным сторожем на карьер по добыче белого камня в Малеево. Этот карьер располагался недалеко от Касимова, но тем не менее это было ссылкой. Как заметил один из внуков отца Сергия, «каменоломни были всегда местом

работы рабов и заключенных». Целых три года отец Сергей провел на каменоломнях, но все это время усердно изучал «Добротолюбие», творения святых отцов, а иногда ему удавалось совершать всенощные бдения, на которых пели такие же ссыльные, как и он, среди которых нашелся даже регент церковного хора. Здесь же, в каменоломнях, он написал свое завещание, которое озаглавил: «Моим детям и внукам о том, как проводить посты и готовиться к исповеди и приобщению Святых Христовых Таин». По своему настроению это завещание очень близко к святоотеческим творениям, а детьми и внуками праведника и исповедника может считать себя каждый христианин, если с любовью воспринимает его наставления. «Достойная человека жизнь – только небесная. И на земле надо научиться дышать небом, иначе на небе задохнешься», – так писал отец Сергей Правдолюбов своей дочке Вере. Матушка Лидия Дмитриевна работала и помогала прокормить семью.

В 1946 году отец Сергей был освобожден, но в Касимове служить ему запретили. Он стал благочинным и настоятелем Вознесенской церкви города Спасск-Рязанский. Но и здесь он служил недолго: с весны по декабрь 1947 года. Затем его перевели в город Лебедянь, входивший в те годы в Рязанскую епархию, а на его место благочинным Спасского округа и настоятелем назначили его родного сына, протоиерея Анатолия, принявшего священнический сан 7 декабря 1947 года. Для отца Сергея было большой радостью увидеть своего старшего сына священником. Когда он уезжал из Спасска, то, обратившись к прихожанам, сказал: «Я уезжаю, но оставляю вам своего сына, который будет для вас лучше меня».

В Лебедяни прошли последние три года жизни протоиерея Сергея. Это были годы трудов и болезней. В заключении здоровье его было подорвано, и в эти последние годы своей жизни он перенес инфаркт. В шестьдесят лет он выглядел восьмидесятилетним старцем.

18 декабря 1950 года, в канун памяти чтимого им святителя и чудотворца Николая, протоиерей Сергей скончался. Погребен он был в Лебедяни, у южной части алтаря Преображенского храма, в котором служил.

Сын отца Сергея, протоиерей Анатолий Правдолюбов, свидетельствовал о том, что во время отпевания и погребения протоиерея Сергея он, к своему же удивлению, не испытывал скорби, обычной в таких случаях, а напротив – тихую радость, похожую на ту, какая у верующих людей бывает на Пасху. Он поделился тем, какие чувства испытывает, со старыми священниками, на что те ему ответили:

– Разве ты не знаешь? Так всегда бывает, когда хоронят праведника!

Определением Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II и Священного Синода 27 декабря 2000 года протоиерей Сергей был прославлен как священноисповедник и причислен к Собору новомучеников и исповедников Российских. По благословению Святейшего Патриарха Алексия II, митрополита Рязанского и Касимовского Симона, митрополита Воронежского и Липецкого Мефодия 4 октября 2001 года было совершено обретение честных мощей священноисповедника Сергея. 5 октября 2001 года мощи исповедника были перенесены из города Лебедяни, который входит теперь в Воронежскую епархию, в Спасскую церковь села Маккавеево Рязанской епархии. Здесь, в этом небольшом селе, где родился священноисповедник Сергей, его честные мощи готовились ко всеобщему почитанию, а 5 февраля 2002 года были торжественно перенесены в Никольскую церковь города Касимова.

Во время визита Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II в Касимов по случаю 850-летнего юбилея города мощи священноисповедника Сергея находились в главном Вознесенском соборе города, где 1 июля 2002 года Святейший Патриарх Алексий II совершил Божественную литургию.

5 сентября 2002 года, после восстановления и освящения Троицкого храма города Касимова, честные мощи священноисповедника Сергея были перенесены в этот храм для постоянного пребывания. Каждую неделю перед ракой его честных мощей совершается богослужение с чтением акафиста новопроставленному святому.

«Итак, встанем, возьмем свой крест и пойдем за Христом. И пойдем твердой поступью, решительно и не оглядываясь назад, помня слова Спасителя: *никто, возложивший руку свою на плуг и озирающийся назад, не благонадежен для Царствия Божия* (Лк. 9, 62). И как только мы начнем свой крестный путь, немедленно, тотчас же нам готова помощь. Невидимо и неслышно подойдет к нам наш Господь и Учитель, и подставит Свое плечо под наш крест, и пойдет вместе с нами – и таким легким покажется нам крест наш, и так радостно будет нести его!» (из завещания отца Сергия).

Наставления отца Сергия бережно и свято хранились в его семье. Двое его сыновей стали священниками (двое погибли на фронте). Влияние отца Сергия, его духовного облика, личности сильно и сейчас – в его детях и внуках, которые тоже стали священниками, – и неразрывно связано с его исповедническим подвигом.

В настоящее время совершают священническое служение восемь протоиереев Правдолюбых и один диакон – правнук Сергей Михайлович Правдолюбов.

Воспоминание протоиерея Сергия Правдолюбова, внука священноисповедника Сергия

Известно, что при обретении святых мощей преподобного Серафима Саровского было необычное благоухание, о чем и была сделана запись в протоколе обретения святых мощей.

Нечто подобное было при возвращении святых мощей священноисповедника Сергия в свое родное село Маккавеево 5 октября 2001 года поздним вечером.

Мы весь день на двух машинах ехали из Лебедяни Липецкой области с мощами, поя на ходу молебны. Здесь было не только благочестие, но и попытки не заснуть за рулем после бессонной ночи и дня Обретения. За 20 км до Маккавеева мы позвонили встречающим, и те собрались в деревянный рубленый Покровский храм и, не зажигая электричества, только при свечах, готовились к встрече. Батюшка, бывший на отдыхе в Маккавееве, облачился, открыл Царские врата и вышел навстречу.

Въезжая на улицу, ведущую к храму, уже в полной темноте, мы стали световыми сигналами машины, переключая все кнопки, как бы салютовать всем о прибытии святых мощей. Машина подъехала, все вышли с зажженными свечами и торжественно приняли мощи и внесли их в храм, поставив по центру именно так, как ставят прославленных святых – не вдоль оси храма, а поперек.

Приготовились и, после краткого рассказа об обретении, отслужили первый молебен на родине священноисповедника. Было необыкновенно тихое и какое-то умиротворенное состояние и радость необыкновенная. Весь храм был наполнен благоуханием, которое заполняло все до верха большого высокого купола. Оно напоминало запах свежесваренного, но еще не освященного мира, но с гораздо большим присутствием розового масла.

Так как все собравшиеся братья были в свое время иподиаконами Святейшего Патриарха Пимена и не раз были участниками мироварения (а когда миро разливают в сосуды, то со стенок котла находчивые иподиаконы собирают последние капли на ватку для благочестивого нюхания), то каждый из братьев подумал на другого – вот как здорово! Сохранил для такого случая. А я подумал: «Как хорошо, что я купил в Троице-Сергиевой лавре случайно завезенное туда парижское розовое масло – вот и пригодилось, братья возлили прямо в гробницу».

Оказалось – никто ничего не соблюл для встречи. Никто ничего не открывал. А парижское розовое масло сын забыл погрузить в машину еще в Москве...

Когда мы это поняли, то воздали славу Богу и благодарили дедушку-священно-исповедника за явленное всем нам знамение радости, мира и благословения, которое он вымолил у Бога, чтобы обрадовать всех нас и поблагодарить за труды.

Священномученик Сергей (Махаев)

Махаев Сергей Константинович родился 6 сентября 1874 года в семье священника, служившего в Спасской церкви села Усово Звенигородского уезда Московской губернии, где находилось имение великого князя Сергея Александровича. Отец Константин был законоучителем и духовником церковноприходской школы в Усове, находившейся на полном содержании великого князя.

Духовное образование Сергей Константинович получил в Вифанской духовной семинарии, которую он окончил по первому разряду в июне 1895 года. По окончании семинарии он был определен в псаломщики к московской церкви святителя Николая Чудотворца в Кошелях.

С самого начала своей церковной деятельности Сергей Константинович проявил себя как педагог и ревностный проповедник слова Божия. Будучи псаломщиком, он исполнял обязанности учителя в Николо-Мясницкой двухклассной церковно-приходской школе, причем делал это безвозмездно, затем занимал должность учителя русского языка в старшем отделении Сергиевской в Рогожской слободе церковно-приходской школы. В эти же годы он женился на Людмиле Сергеевне Цветковой, дочери московского священника Сергея Цветкова. Детей супруги Махаевы не имели.

В дальнейшем события жизни Сергея Константиновича оказались тесно связанными с деятельностью владельцев Усовского имения, принимавших большое участие в семье отца Константина Махаева: дочь его Антонина обучалась в Мариинском епархиальном училище на стипендию великого князя, сын Александр был приглашен на должность директора школы-интерната для глухонемых детей, находившейся под попечительством великой княгини Елизаветы Феодоровны.

В 1900 году при Московской Иверской общине сестер милосердия Красного Креста, почетными попечителями которой являлись великий князь Сергей Александрович и великая княгиня Елизавета Феодоровна, была построена церковь в честь Иверской иконы Божией Матери. На священническую вакансию в этой церкви 29 июля 1900 года был назначен псаломщик Сергей Махаев. Преосвященный Парфений (Левицкий), епископ Можайский, 15 октября 1900 года рукоположил его во диакона и 17 октября того же года во священника. В этой церкви отец Сергей прослужил девятнадцать лет.

Став священником, отец Сергей получил возможность продолжить педагогическую деятельность уже в качестве законоучителя. С 10 сентября 1901 года с разрешения епархиального начальства он одновременно состоит законоучителем основных классов Петровско-Серпуховского городского начального училища и Торговых классов Московского общества распространения коммерческого образования. Он также становится членом – сотрудником Московской комиссии Императорского Православного Палестинского Общества, которое возглавлял великий князь Сергей Александрович.

С осени 1905 года по просьбе великой княгини Елизаветы Феодоровны отец Сергей начинает учить Закону Божию и будущих сестер Иверской общины. В качестве члена Попечительского совета Иверской общины он являлся ее представителем в Особой комиссии Красного Креста по церковному сбору, в Комиссии по сбору пожертвований при Московском местном управлении Российского общества Красного Креста. Кроме того, он являлся особо уполномоченным по церковному сбору на Красный Крест в Замоскворечье. С 1908 года отец Сергей состоял законоучителем школы при Доме бесплатных квартир на Якиманке Московского купеческого общества.

Занимаясь с сестрами общины, отец Сергей старался духовно развивать своих подопечных, готовить их к предстоящему служению помощи страждущим и укреплять тех, кто уже подвизался на этом поприще, уча черпать силы в благодати Божией и прибегать к предстательству

святых. Он совершал с сестрами паломнические поездки в Троице-Сергиеву лавру, вел с ними беседы о духовной жизни, наставлял их рассказами об отечественных подвижниках благочестия. Примером таких бесед служат изданные им в 1914 году в Москве книги «Беседы пастыря с сестрами милосердия» и «Подвижницы милосердия. Русские сестры милосердия: краткие биографические очерки». Весь мир знал о подвиге сестры милосердия, знаменитой английской аристократки мисс Флоренс Найтингейл, посвятившей свою жизнь уходу за больными и ранеными. Из книги отца Сергия русское общество узнало о самоотверженных подвижниках милосердия, своих соотечественниках, которые, имея возможность жить беззаботно, отказываются от удовольствий, жертвуя своими силами и здоровьем, а зачастую подвергая жизнь свою опасностям. Отец Сергей на примере известных и малоизвестных отечественных тружеников на ниве милосердия показывает, каким образом посреди обыкновенных, будничных и малопривлекательных трудов может быть исполнена заповедь Христова о любви к Богу и ближнему.

Отца Сергия отличала особая духовная настроенность, которая проявлялась по отношению к окружающим его людям и событиям. Примером тому служат некоторые из его слов, опубликованные в дореволюционных церковных периодических изданиях. Когда по окончании военных действий в 1905 году отряд Иверской общины вернулся в Москву с Дальнего Востока, отец Сергей встретил прибывших в храме общины приветственной речью. В этой речи мало обычных для такого случая похвал и поздравлений. Отец Сергей, напоминая известные слова Спасителя, риторически спросил вернувшихся сестер: *Что смотреть ходили вы в пустыню?* (Мф. 11, 7). Далее он сказал о том, что война также является пустыней – пустыней духа, где попираются и отрицаются высшие стремления людей к единению в любви. Но как в пустыне являлись многие великие подвижники духа, так и в этой пустыне духа просияли многие подвижники, не только среди воинов, но и среди многих тружеников, отправившихся на поля военных действий для дел милосердия и любви. Каков же плод этих дел для самих тружеников? «Вы видели воочию, как немногие, силу и власть греха, несущего ужасы войны и страданий людских. Что же, созерцание всего этого внушило ли вам сильнейшее отвращение к первопричине этих несчастий – греху? Вид постоянной смерти – последствия того же греха – научил ли вас быть мертвыми плоти и греху и живыми Богови? Видя лишения, испытываемые воинами, научились ли вы быть довольными тем малым, что дает вам Господь? Видя терпение и безропотное несение болезней и несчастий искалеченных, изуродованных братьев своих, научились ли вы от них христианскому терпению в несении добровольно возложенного на себя Креста Христова? Слыша и видя постоянную готовность и желание других умереть во имя долга, навывкли ли и вы быть готовыми всю жизнь свою отдать на дело любви и не только не получить никакой награды земной или похвалы за дело служения своего, а, наоборот, получить, может быть, оскорбление, гонение, болезнь и самую смерть? Если таковы результаты вашего путешествия, то дело милосердия приобрело в лице вашем великих, истинных служителей... Приветствуя вас с благополучным возвращением, молю Господа, да поможет Он вам уподобиться шедшим из пустыни Иорданской с проповеди Иоанна, возвращавшимся в духе покаяния и сокрушения о грехах, но, вместе, и в радостном ожидании скорого спасения, с горячим желанием последовать за грядущим Спасителем и быть достойными Его, с чувством глубокой благодарности к Богу. Аминь».

После Октябрьского переворота 1917 года отец Сергей продолжал служить в Иверском храме. Поскольку община была лишена средств, на которые обеспечивалось прежде ее существование, и был ликвидирован капитал, на проценты от которого содержался причт, он, подобно многим другим священникам в это время, устроился на государственную службу. Местом его работы стал Юридический отдел Замоскворецкого Совдепа. Именно в качестве служащего Юридического отдела 5 февраля 1919 года поставил он свою подпись на договоре общины верующих с Моссоветом о пользовании Иверским храмом и его имуществом. Встречается его подпись и на подобных договорах других церквей Замоскворечья. О том, что и в

этой деятельности он оставался верен Церкви, свидетельствует составленный в январе 1920 года запрос, в котором Отдел юстиции Моссовета требует в срочном порядке объяснить, на каком основании Замоскворецким Совдепом, вместо ликвидации, домовые церкви сохранены и сданы группам верующих.

24 июня 1919 года отец Сергей был назначен настоятелем храма во имя святых апостолов Петра и Павла на Большой Якиманке. В августе 1919 года батюшка хлопотал о передаче в храм, настоятелем которого он стал, богослужебного имущества из закрытого домового храма святого Александра Невского и о разрешении богослужения в этом храме. Не оставлял он и преподавания Закона Божия. Он являлся секретарем Совета приходских общин во имя Святого Духа в Замоскворечье, которым были организованы богословские чтения для взрослых в храме святых апостолов Петра и Павла на Якиманке и для юношества – в храме святителя Николая в Голутвине.

26 марта 1920 года митрополитом Крутицким Евсеем отец Сергей был возведен в сан протоиерея. В феврале 1922 года отцу Сергию «за выдающиеся пастырские труды разрешено Московским епархиальным советом принять и носить золотой с украшениями наперсный крест, поднесенный прихожанами».

В том же 1922 году он был арестован по подозрению в преподавании Закона Божия детям и содержался две недели в Доме предварительного заключения, но был освобожден.

В мае 1922 года, после заключения под домашний арест в Донском монастыре Святейшего Патриарха Тихона, произошел обновленческий раскол. Поначалу обновленцам удалось привлечь на свою сторону значительное число московского духовенства. Отец Сергей, будучи в известной степени простодушным, искренне считал, что это движение действительно открывает широкие возможности пастырской деятельности, основанной на истинно христианских началах. Однако, когда отец Сергей разобрался в истинной сути и источниках обновленческой смуты, он отошел от обновленцев и занял по отношению к ним непримиримую позицию. В феврале 1924 года протоиерей Сергей, стоявший во главе православной общины, организовал активное сопротивление общине «Союза церковного возрождения», захватившей церковь Петра и Павла. Он подавал апелляцию заместителю наркома юстиции и даже сдал группу обновленцев, начавших переоборудовать храм по своему вкусу, в отделение милиции, так что обновленческий «епископ» Антонин (Грановский) вынужден был оправдываться. Отец Сергей с прихожанами организовали охрану храма. Когда явились обновленцы, то были заперты внутри, и отец Сергей привел к храму милицию, которая потребовала прекращения работ и препроводила участников в отделение для составления протокола, пообещав вернуть отцу Сергию ключи от храма.

В связи с этим 22 февраля Антонин (Грановский) написал на отца Сергия в Московский Совдеп донесение, которое заканчивалось словами: «Возрожденческая община просит Отдел управления принять меры к ликвидации махаевщины и содействия ей ко вступлению и пользованию храмом соответственно обряду “Союза возрождения”». 1 марта 1924 года отец Сергей подал митрополиту Крутицкому Петру (Полянскому) прошение следующего содержания: «Ввиду передачи нашего храма Управлением Моссовета группе верующих “Союза возрождения”, прошу причислить временно, впредь до решения дела в Наркомюсте, к храму святого Марона Чудотворца, что в Старых Панех, прихожан, состоящих в каноническом общении со Святейшим Патриархом Тихоном, и причет в составе меня, диакона Федора Чемичева и просфорницы Марии Введенской».

Действия отца Сергия, направленные на сохранение храма за православной общиной, привели к тому, что он был арестован, продержали его в заключении три месяца. После освобождения он служил вторым священником в храме святого Марона Чудотворца в Старых Панех до его закрытия в 1930 году. Отец Сергей был человеком очень деятельным и пользовался большой любовью прихожан. В храме он всегда был окружен народом, желавшим полу-

чить от него совет и благословение. Будучи бездетным, отец Сергей очень любил детей, в ответ на его доброту и ласку дети очень любили и с удовольствием делали его участником своих игр.

Следующим местом служения отца Сергия была церковь в Останкине, рядом с которой он поселился. И здесь любовь народная не оставляла пастыря. Прихожане не только окружали его в церкви, но и приходили к нему домой, где их всегда старались упокоить и накормить. В начале 1930-х скончалась супруга отца Сергия матушка Людмила.

В 1937 году отец Сергей был назначен настоятелем Богоявленского собора города Ногинска (Богородска). В августе 1937 года были арестованы все члены церковного совета Богоявленского собора. Чтобы избежать закрытия храма, отец Сергей организовал создание новой двадцатки. В обстановке массовых арестов некоторые члены новой двадцатки заявили о своем выходе из нее; впоследствии это дало повод обвинять отца Сергия в том, что, организуя новый церковный актив, он оказывал давление на верующих и, кроме того, ввел в церковный совет «антисоветски настроенных лиц».

Отец Сергей оказывал помощь ссыльным священнослужителям и их семьям. Письма с просьбой об оказании помощи посылались на имя Анастасии Ивановны Кулевой, прихожанки Богоявленского собора, в доме которой он тогда проживал. Через некоторое время он был вынужден поменять место жительства и снял комнату у благочестивых сестер Анны и Евдокии Богачевых. В этой комнате и до него останавливались священники. Многие соседи сторонились сестер, принимавших под свой кров «попов – врагов народа». Но были и другие, дети которых на всю жизнь сохранили память о том, с какой любовью всегда относился к ним живущий у Богачевых отец Сергей.

22 ноября 1937 года отец Сергей был арестован по обвинению в «контрреволюционной агитации» и заключен в тюрьму города Ногинска. В тот же день он был допрошен.

– Вы арестованы за активную контрреволюционную деятельность, признаете вы это?

– Никакой контрреволюционной деятельности я не проводил.

– Следствием установлено, что вы подложным, обманным путем привлекали верующих в церковную двадцатку. Дайте показания по этому вопросу.

– Обманным путем я верующих в церковную двадцатку не вовлекал.

– Следствием установлено, что вы в одной из бесед с верующими по возвращении из Московской епархии высказывали террористические намерения против коммунистов. Признаете вы это?

– Никогда я террористических намерений не высказывал.

– Признаете ли вы себя виновным в предъявленном вам обвинении?

– Виновным в предъявленном мне обвинении я себя не признаю.

В обвинительном заключении по следственному делу протоиерея Сергея Константиновича Махаева написано, что он, «будучи враждебно настроен против советской власти и являясь одним из участников контрреволюционной террористической группы бывших торговцев и церковников, активно проводил контрреволюционную агитацию среди верующих Ногинского района, призывая их к организованной борьбе против советской власти, и высказывал террористические намерения. Помимо этого, писал и распространял среди верующих листовки контрреволюционного характера, рекламируя их как Священное Писание».

25 ноября 1937 года тройка НКВД приговорила отца Сергия к расстрелу. Протоиерей Сергей Махаев был расстрелян 2 декабря 1937 года и погребен в неизвестной общей могиле на полигоне Бутово под Москвой.

Память священномученика Сергия Махаева 2 декабря.

Священномученик Сергей (Лебедев)

В январе 1938 года властями были арестованы священники Ухтомского благочиния Московской епархии: Сергей (Лебедев), Дмитрий (Гливенко), Алексей (Смирнов), Сергей (Цветков).

Сергей Лебедев родился 16 июля 1875 года в Москве в семье диакона Павла Лебедева, служившего в Екатерининском храме на Большой Ордынке. Семья с семидесятых годов XIX века жила в Замоскворечье и поддерживала тесные отношения с диаконом Феодором Соловьевым, который служил тогда в церкви святителя Николая в Толмачах, – будущим затворником Смоленской Зосимовой пустыни иеросхимонахом Алексием.

В 1896 году Сергей Павлович окончил Московскую духовную семинарию и поступил преподавателем Закона Божия в Московскую Мароновскую церковно-приходскую школу. Кроме того, с 1897 года состоял надзирателем Перервинского духовного училища. В 1898 году он был рукоположен в сан священника ко храму Смоленской иконы Божией Матери Новодевичьего монастыря. С этого времени отец Сергей стал преподавать Закон Божий в одноклассной церковной школе при монастыре. С 1900 года он был законоучителем в воскресной школе Хамовнического попечительного училища, с 1902 года – помощником заведующего церковно-приходской монастырской школой, а с 1910 года – законоучителем в детском приюте. С 1911 года являлся почетным членом совета детских приютов.

В 1901 году скоропостижно скончалась супруга отца Сергея София, с которой они прожили около четырех лет, и он остался с трехлетним сыном Борисом. В дом, где жил отец Сергей, близ Новодевичьего монастыря, переехали его сестры Екатерина и Прасковья, а чуть позднее его мать, Мария Павловна, которая, похоронив мужа, взяла на себя заботы о воспитании внука.

После смерти жены отец Сергей поехал в Зосимову пустынь к своему духовному отцу иеромонаху Алексию, чтобы посоветоваться, как жить дальше: остаться ли духовником в женской обители (в то время в женских обителях, как правило, были женатые священники) или перейти в другое место. Отец Алексей сказал ему: «Оставайся в монастыре, лучше быть среди голубиц, чем среди волков».

Иеромонах Алексей помог отцу Сергию преодолеть тяжелые переживания, которые охватили его после смерти жены. Отец Сергей так вспоминал об этом. Однажды он приехал к отцу Алексию в Троице-Сергиеву лавру. После долгой беседы старец оставил его на ночь помолиться вместе с ним в Троицком соборе лавры. Уже перед рассветом, перед началом полунощницы, отец Алексей приоткрыл раку и дал священнику приложиться к мощам преподобного Сергия. Приложившись к мощам, тот отошел со слезами на глазах и долго стоял сосредоточенный. Старец спросил его:

- Сережа, что ты чувствовал, когда прикладывался к мощам?
- Мне показалось, что я опустил лицо в цветущий куст роз... и радость пришла в душу.
- Счастлив ты, ведь немногим дано пережить такое.

С этого момента для отца Сергия начался новый этап духовной жизни. Устройство его жизни стало подобно монашескому. Мать, заметив в нем перемены, просила при ее жизни не принимать монашество. Отец Сергей исполнил ее просьбу, но жизнь свою ограничил только духовными и церковными интересами, так что она состояла теперь исключительно из келейной молитвы, изучения трудов святых отцов, попечения о пастве, богослужения и законоучительства.

Глубокое знание богослужебного устава, благоговейность и молитвенность служения отца Сергия были отмечены священноначалием, и ему было поручено обучать недавно рукоположенных священников, которых направляли на стажировку в Новодевичий монастырь.

Отец Сергей был хорошим проповедником, и его проповеди и внебогослужебные собеседования вызывали большой интерес у слушателей. Священник в них разъяснял, каким должен быть христианский взгляд на современные обстоятельства жизни.

«Как мало в нашей современной жизни радости! – писал отец Сергей. – Как много уныния не только среди обездоленных, но и среди взысканных судьбою людей! Как никогда изошрились и разнообразились теперь житейские удовольствия. Каким-то блестящим, безостановочным калейдоскопом идет теперь жизнь не только в столичных центрах, но и в провинциальных городах. Сколько захватывающих интересов! Сколько выставок промышленности, художественных, исторических, разных отраслей труда; какие громадные горизонты открыты новейшими применениями электричества. Мы слышим за тысячи верст говорящих с нами людей и вскоре у телефонного аппарата будем видеть их образы. Почти уже завоеван воздух... Словом, как интересна и разнообразна теперь жизнь. А между тем среди этого разнообразия какое-то общее недовольство, сознание какой-то своей нищеты, тоска, уныние, скука, отчаяние. Почему так? Да потому, что наряду с прогрессом в жизни нашего общества наблюдается полнейшее равнодушие к тайнам и радостям веры. Русло жизни все более и более отходит от нежных, согревающих лучей христианского Солнца Правды. И наука и искусство, и государственная и общественная жизнь со всеми ее многообразными разветвлениями – все это отклонилось от освежающей человеческое творчество благодати Христовой. От Бога бегут. Исповедывать Его стыдятся. Диво ли после этого, что наш прежде крепкий православно-русский быт сошел со своих вековых устоев, осложнился, обогатился новыми, враждебными христианскому духу обычаями и привычками и получил прямо-таки полу-языческий, богоборный характер?!

Люди становятся все более и более рабами внешних условий жизни, непрерывно усложняющихся ее форм и соединенной с ними жестокой борьбы за существование, за влияние, за власть, борьбы страстей и самолюбий, борьбы всего мелочного и узко-злобного... Несомненно, что раздвоение нравственных идеалов христианства и хода действительной жизни представляет из себя нечто, полное великих мук и всяких печальных злоключений. И причина всего этого заключается в том, что благодатная сила Святых Таинств, сила возрождения Духом Святым перестала служить для сознания современного человека источником его нравственной жизни и деятельности... Люди полагаются на свои естественные силы и соображения, думают залечить зло своей жизни самоизмышленными лекарствами и мерами. Понятно, что из этого никогда и ничего не может выйти надежно доброго, – перед нашими глазами неизбежные последствия такого ложного пути: все распространяющееся недовольство жизнью и все усиливающиеся страдания.

И как больно смотреть на страдания людей, как горько и тяжело сознавать, что ничто извне не может помочь им! Почему не может? Да потому, как это признано было одним просвещенным народом еще до пришествия Христова в мир (древними римлянами), что зло мира заключается в самом корне человеческой жизни; оно неизлечимо никакими частными, земными, человеческими усилиями – оно может быть излечено только радикальным средством, то есть должен быть обновлен самый корень жизни... Конечно, такое коренное обновление человечества могло быть совершено только всемогущей и всесозидающей силой Божественной. И оно действительно совершено Сыном Божиим, Господом нашим Иисусом Христом, Который силен Своими искупительными страданиями и смертью уврачевать греховный струп человечества, уничтожить зло мира и через ниспослание Святого Духа дать людям новую жизнь, обновить самый корень ее, положить в людях новое семя к ее дальнейшему развитию: *Послеши Духа Твоего, и созиждутся, и обновивши лице земли* (Пс. 103, 30)».

Пророчески звучали слова отца Сергия, когда он учил своих духовных детей хранить веру Христову «и в час испытания в темнице, среди гонения, среди голода и холода, в бедах от братий и лжебратий, и под мечом палача... Вспомните весь собор мучеников, перечитайте их

жития, и вы увидите, изнемогло ли Христово слово, оставлял ли Господь в полной беспомощности Своих верных слуг и служителей?.. Нет, все с такой радостью ощущали близость Христа к себе, что лобызали орудия мучения и смерти... которые приближали их еще более к Тому, Кто, по вознесении Своем на небо, с отеческой любовью приготовил им там многие светлые обители».

26 сентября 1920 года отец Сергей был возведен в сан протоиерея. Весной 1922 года он был арестован по делу о сопротивлении изъятию церковных ценностей. Его обвиняли в том, что он препятствовал проведению в жизнь постановления ВЦИК от 26 февраля 1922 года, «вошел в преступное сообщество, организованное представителями высшего духовенства и возглавляемое бывшим Патриархом Тихоном». Его обвиняли также в распространении послания Патриарха Тихона и в распространении заведомо ложных сведений «о деятельности должностных лиц, администрации советской власти и отдельных членов местных комиссий Помогла... сведений, возбуждающих у населения враждебное к ней отношение».

13 декабря 1922 года Московский революционный трибунал приговорил протоиерея Сергия к полутора годам заключения. В соответствии с проведенной властями амнистией он был освобожден досрочно – 11 июля 1923 года. Новодевичий монастырь был закрыт, и протоиерей Сергей стал служить в московской церкви Живоначальной Троицы в Зубове.

14 апреля 1931 года священник был арестован и заключен в Бутырскую тюрьму. Его обвинили в контрреволюционной деятельности – в связи с появлением его фотографии в газете «Нью-Йорк таймс». На фотографии был запечатлен момент, когда отец Сергей, идя по двору Новодевичьего монастыря, благословлял прихожан. Под ней была подпись: «Знаменитый отец Сергей Лебедев, один из священников, честно выполняющих свой долг».

На следствии отец Сергей показал: «В каноническом общении состою с митрополитом Сергием. Никакой антисоветской агитацией я не занимался и собраний нелегальных не устраивал. В 1929 году мой портрет появился с какой-то статьей в иностранной газете. Я совершенно никакого участия в этом не принимал и не знал, когда меня засняли».

30 апреля особое совещание при коллегии ОГПУ приговорило его к трем годам ссылки в Северный край. Первое время он находился в Великом Устюге, где условия жизни были не очень тяжелыми. Затем был переведен вместе с другими священниками в село Кичменский Городок, а потом в еще более глухое село. В письмах к родным отец Сергей называет этот переезд «прогулкой при полном воздержании от пищи и отдыха». В начале 1932 года он жил в деревне Макарово. «Чтобы избежать праздности, письмописание считаю своим рукоделием, занимающим у меня ежедневно известную часть дня и вечера... С письмами да ежедневным занятием словом Божиим и духовно-нравственным чтением совершенно не видишь свободного времени», – писал он в марте 1932 года.

Каждый свой поход в районное село для отметки в ОГПУ он использовал, чтобы побывать на богослужении в храме. В остальное же время молился дома вместе с другим ссыльным священником, с которым отец Сергей поселился в одном доме. В начале Великого поста 1932 года также молились дома: «У нас имелись почти все богослужебные книги под руками, и мы имели полную возможность править все положенное по уставу церковному у себя дома. И Господь помог все совершить без всякой помехи, в самой мирной обстановке».

В 1933 году отец Сергей был переведен в деревню Сорокино, куда приезжали к нему духовные дети. В 1933 году «день славного Успения встретил и провел в мире, здравии и полном благополучии... Причащался в алтаре Святых Таин, предварительно сам исповедовавшись и исповедав кое-кого из своих духовных чад... Чтение есть, занятия тоже ежедневно находятся, остается только лишь всей душой благодарить Господа за все Его милости и молить Его за вас и всех благодетелей своих и твердо верить в Его Промысл, бодрствующий надо мною... и передвигающий меня, если это будет нужно и полезно для меня и для вас».

В то время, когда он был в ссылке, его мать и сестра ходили к заместителю патриаршего местоблюстителя митрополиту Сергию (Страгородскому) с просьбой, чтобы тот похлопотал

перед гражданскими властями об освобождении протоиерея Сергея. Узнав об этом, протоиерей Сергей писал им: «Глубоко чту я и Владыку Митрополита Сергея за его крестоносный подвиг возглавления Церкви в наше лютое время. Я совершенно не льщу себя надеждой, что Владыка может помочь мне в моем деле. Это сверх его сил... Он со своей стороны рад бы все сделать для нашего освобождения, но непреодолимые препятствия стоят на пути его добрых намерений».

В 1934 году по окончании срока ссылки протоиерей Сергей был освобожден. Вот как писал он об этом родным: «В преддверии праздника иконы Божией Матери, именуемой “Нечаянная Радость”, я получил неожиданную для себя радость: после категорического отказа в досрочном освобождении на поруки Бори мне сегодня выдали документ о свободном проживании во всех городах СССР за отбытием полного срока ссылки».

После возвращения в Москву протоиерей Сергей был некоторое время секретарем заместителя митрополита Сергея (Страгородского), который назначил его на эту должность, чтобы материально поддержать: на попечении священника были мать и две сестры. Служил отец Сергей в это время в храме Петра и Павла в поселке Малаховка Люберецкого района Московской области.

Ко времени служения протоиерея Сергея секретарем у митрополита относится одно событие, которое сохранилось в воспоминаниях его духовных чад. Проездом из северных лагерей во Владимирскую ссылку в Москве находился архиепископ Филипп (Гумилевский); он зашел в канцелярию митрополита Сергея в Бауманском переулке, надеясь увидеть владыку, но тот был в отъезде. Тогда архиепископ Филипп оставил митрополиту Сергию письмо, в котором были такие строки: «Дорогой Владыко, когда я думаю о Вас, стоящем на ночных молитвах, – я думаю о Вас, как о святом праведнике; когда же я размышляю о Вашей повседневной деятельности, то я думаю о Вас, как о святом мученике...» На следующий день митрополит Сергей прочитал письмо, растроганно прижал его к груди и сказал: «С таким письмом и на Страшный Суд предстать не страшно». Потом подал письмо отцу Сергию Лебедеву и сказал: «Подшей-ка, Сережа, в мое личное дело. Много будут судить обо мне, пусть хоть эти добрые слова прочтет кто-нибудь».

Отец Сергей свидетельствовал перед своими духовными детьми о тех страданиях, которые выпали на долю митрополита Сергея. Надо было продолжать служение, отстаивать храмы, чтобы совершалась литургия, и в то же время не было никакой возможности защитить ни иерархов, ни священников, которых власти беспрестанно арестовывали и ссылали в самые отдаленные места. Не всегда можно было даже и проследить, кто и куда был сослан.

21 января 1938 года протоиерей Сергей был арестован. Прощаясь с матерью, он поклонился ей в ноги и сказал: «Матушка, в этой жизни мы уже не встретимся».

На допросе следователь спросил отца Сергея:

– Следствием установлено, что вы получали задания от благочинного протоиерея Воздвиженского вести контрреволюционную деятельность против советской власти и проводили это среди населения. Почему вы это отрицаете?

– Я это отрицаю потому, что никаких контрреволюционных заданий от благочинного Владимира Федоровича Воздвиженского я не получал.

Была устроена очная ставка со священником Знаменской церкви в селе Перово Сергием Сахаровым, согласившимся давать нужные следствию показания, который сказал:

– Сергей Павлович Лебедев является активным членом контрреволюционной группы духовенства, руководителем которой являлся благочинный Владимир Федорович Воздвиженский, который давал нам задания, чтобы мы среди надежного узкого круга вели активную борьбу против советской власти и готовились к ее свержению с помощью капиталистических стран.

– Подтверждаете ли вы показания Сахарова? – спросил следователь протоиерея Сергея.

– Нет, я показания Сахарова отрицаю, так как никакой контрреволюционной деятельности я не вел.

5 марта 1938 года следствие было закончено. Всех священников обвиняли в том, что они «осенью 1937 года организовались в контрреволюционную группу, которую возглавил Воздвиженский, и, проводя среди населения Ухтомского района контрреволюционную агитацию, поставили своей целью проповедовать монархический строй, оказывать противодействие политике партии и советской власти, создание среди населения недовольства и проведение подготовки населения к приходу новой капиталистической власти».

15 марта 1938 года тройка НКВД приговорила священников к расстрелу. 22 марта 1938 года они были расстреляны и погребены в общей безвестной могиле на полигоне Бутово под Москвой.

Память священномученика протоиерея Сергия (Лебедева) 22 марта.

Священномученик Сергей (Кедров)

Священномученик Сергей родился 10 августа 1880 года в деревне Константиново Бронницкого уезда Московской губернии в семье священника Павла Кедрова. По окончании в 1901 году Московской духовной семинарии Сергей Павлович был направлен учителем в Старниковскую церковно-приходскую школу в Бронницком уезде, где проработал до 1908 года.

5 октября 1908 года в Троицком храме села Фаустово Сергей Павлович обвенчался с Людмилой Александровной, дочерью настоятеля этого храма Александра Григорьевича Зверева.

Храм, в котором служил священник Александр Зверев, известен с XVII века и построен по повелению царя Алексея Михайловича. В этом храме служил священник Иван Афанасьев; его преемниками были священники Василий Иванов, Петр Васильев, Сергей Петров, Иван Сергеев, Филипп Иванов, Сергей Филиппов. После священника Сергея Филиппова с 1830 года в храме стал служить его зять, Григорий Афанасьевич Зверев, благодарная память о котором сохранялась среди жителей села как о священнике, много потрудившемся для благоустройства прихода. С 1870 года его место занял сын, священник Александр Григорьевич Зверев, чья дочь вышла замуж за Сергея Павловича Кедрова.

17 октября 1908 года Сергей Павлович был рукоположен во диакона, а через день, 19 октября, епископ Дмитровский, викарий Московской епархии Трифон (Туркестанов) рукоположил его во священника к Троицкой церкви села Фаустово Бронницкого уезда Московской губернии.

В селе было два храма: Живоначальной Троицы с верхней холодной частью и с нижней теплой – во имя Благовещения Пресвятой Богородицы; другой храм, во имя соловецких чудотворцев преподобных Зосимы и Савватия, был холодным.

Приход состоял из села Фаустово и расположенной в трех верстах от него деревни Юрасово и включал в себя двести сорок восемь домов, в которых проживало около тысячи шестисот прихожан. В селе была церковно-приходская школа, которой заведовал отец Сергей, в ней училось около пятидесяти мальчиков и сорока девочек. В школе отец Сергей устроил особый певческий класс, где обучались дети, способные к пению и регентскому искусству; впоследствии из них составил прекрасный церковный хор, причем они оказались настолько верны своему храму, что и во время наступивших при советской власти гонений, преследований и угроз не оставили клироса.

В 1922 году отец Сергей был арестован по обвинению в сопротивлении изъятию церковных ценностей и приговорен к пяти годам заключения в концлагере.

В 1923 году власти амнистировали всех осужденных по процессам, касающимся сопротивления изъятию церковных ценностей, и отец Сергей после полутора лет, проведенных в концлагере, был освобожден и вернулся служить в Троицкий храм в селе Фаустово.

В двадцатых годах отец Сергей заболел тифом и его положили в больницу в Бронницах. Людмила Александровна спросила врача, каково состояние здоровья священника, и тот ответил, что оно безнадежно. Матушка тогда дала обет Богу, что будет в течение некоторого времени ходить по воскресным дням в село за двадцать пять километров, где в храме был чудотворный образ Иерусалимской иконы Божией Матери. Матушка усердно молилась Матери Божией, и отец Сергей выздоровел. Мать Божия спасла его тогда от смерти, сохранив для мученического венца.

За двадцать с лишним лет служения отец Сергей стал родным для своих прихожан, и они называли его Сергием Фаустовским; он был для них заботливым отцом и усердным попечителем о спасении их душ. По большим праздникам священник посещал с молебнами дома всех сельчан; заходя к бедным прихожанам, он старался незаметно оставить в их доме милостыню.

Однажды, отслужив молебен в доме, где жили сироты, он достал из кармана деньги и положил незаметно под блюдечко, а псаломщику, служившему с ним, тихонько сказал: «Не обижайся, это я свои деньги положил».

За усердное и ревностное служение отец Сергей к Пасхе 1929 года был возведен в сан протоиерея и назначен благочинным 6-го округа Бронницкого уезда. Это был первый священник, награжденный саном протоиерея за всю историю существования храма в Фаустове. 19 апреля 1932 года отец Сергей был награжден крестом с украшениями.

Он был усердным проповедником и неопустительно говорил на каждом богослужении поучения – ясные, конкретные и простые. Например, причастившимся Святых Христовых Таин он в проповеди сказал: «Приняв таинство, что мы получаем и что должны далее делать? В этих таинствах мы получаем прощение грехов, примиряемся с Богом, делаемся достойными получать от Него всякие милости и помощь Его. Получаем, и даже часто сами чувствуем силу, которая нас укрепляет как в обыкновенных делах, так, в особенности, и в духовных. Мы более охотно покоряемся воле Божией, переносим разные житейские невзгоды, становимся более твердыми, чтобы устоять против греха. Молитва тоже бывает более чиста и более усердна. Надежда на Бога тоже укрепляется, и нас уже не так пугают всякие незадачи и бедствия. Поэтому, получив в этих таинствах помощь и укрепление духовных сил своих, мы не должны успокаиваться на том, будто нами все сделано и можно совсем забыть о посте, молитве и добродетелях. Нет, наоборот. Получив подкрепление в этих таинствах, мы должны со свежими силами идти далее по пути спасения. Раз мы раскаялись в своих грехах и дали обещание оставить их, то и должны более твердо стоять против грехов. Мы часто, раскаявшись и дав обещание бросить свои грехи, тут же опять их начинаем сначала. Почему так бывает?

А потому, что думаем, что отговели, можно теперь и отдохнуть. Нет, напротив. После покаяния надо приносить, по возможности, благие плоды, то есть за каждый грех нести какое-нибудь наказание, за каждое такое дело делать какое-нибудь добро. Например, если ты имеешь привычку осуждать, гневаться, обижать, то впредь положи себе за правило, чтобы за каждый гнев, за каждую обиду и пересуд класть хотя бы по одному или несколько поклонов. Если ты имеешь привычку ругаться неподобными словами, в особенности при детях, которые невольно запоминают все эти матерные слова и с малых лет часто перегоняют в этом искусстве своих родителей, то, если желаешь бросить этот грех и совсем отстать от него, опять дай себе правило – за каждое матерное ругательство класть один или несколько поклонов. Так в борьбе со всяким грехом можно с успехом пользоваться таким способом. Конечно, может, кто скажет: все равно ничего не выйдет. Очень просто сказать, что ничего не выйдет. А может быть, что-нибудь и выйдет. В прошлый год не бросил грехов, может быть, в нынешнем году бросишь. Если всех грехов не бросишь, то хотя бы один какой-нибудь грех победишь и бросишь. Ведь если не брать совсем книжки в руки, то, конечно, и читать никогда не выучишься. Без труда ничего не сделаешь. По словам Спасителя, Царство Божие усилием приобретается и только усердные искатели входят в него. Притом если при всех твоих усилиях ты не отстанешь от худой какой-нибудь привычки, то и это одно уже хорошо, что ты трудился. Только не переставай трудиться – если не нынче, то завтра, рано или поздно Господь поможет тебе победить грех твой, только молись Ему усердно. Господь знает нашу человеческую слабость, потому терпит нас и прощает нам бесконечное число раз. Конечно, Бог не будет прощать нам, если мы не желаем и палец о палец ударить для Царства Небесного. Итак, раскаявшись во грехах, будем по силам нашим приносить плоды, достойные покаяния, чтобы покаяние наше было искреннее, а не простая формальность».

Сотрудники НКВД арестовали священника 25 октября 1937 года, в ночь под празднование чтимой в этих местах Иерусалимской иконы Божией Матери, перед которой когда-то молилась его матушка, прося исцеления отцу Сергию от смертельной болезни. Накануне праздника протоиерей Сергей отслужил всенощную, а около двух часов ночи его пришли арестовывать

председатель Фаустовского сельсовета и участковый милиционер. Они постучались. Отец Сергей вышел на крыльцо и поздоровался с ними.

– Ну, давайте собирайтесь, – сказал милиционер.

– Вы извините, но я еще не готов, сейчас я приготовлюсь, – сказал священник. – Подождите здесь, дайте мне Богу помолиться.

И таково было уважение и любовь народа к священнику, что даже представители местных властей не вошли в дом, не стали устраивать обыск, но терпеливо ждали, когда пастырь выйдет, чтобы исполнить приказ об аресте.

Отец Сергей долго и усердно молился и наконец, причастившись Святых Христовых Таин, вышел к ним.

На следующий день верующие пришли на литургию и узнали, что церковь закрыта, а священник арестован.

Протоиерей Сергей был заключен в тюрьму в городе Коломне. На допросе он все воздвигнутые против него обвинения отверг.

– Дайте показания о своей антисоветской деятельности! – потребовал от него следователь.

– По этому вопросу дать показания не могу, так как никакой антисоветской деятельностью я никогда не занимался, – ответил отец Сергей.

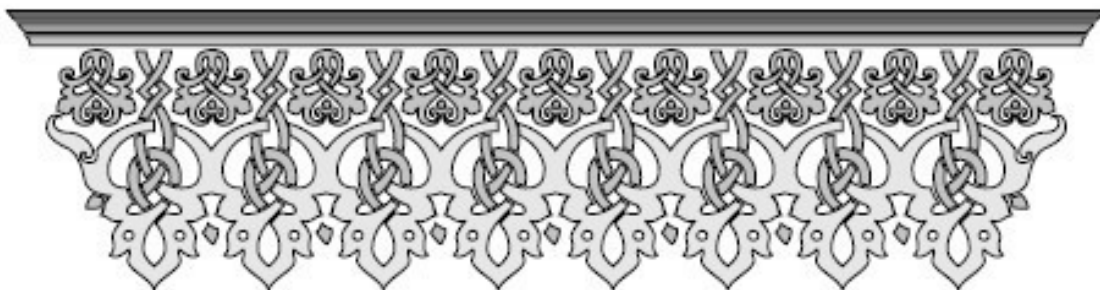
В поисках доказательств вины священника следователь стал вызывать на допросы жителей села. Одна из женщин показала, что хорошо знает священника, как проживающего в селе с давних лет. Сама она в храм в селе Фаустово за весь 1937 год была всего один раз на праздник Успения Пресвятой Богородицы. В тот день отец Сергей сказал проповедь, как он и всегда говорил, и в особенности в большие праздники. Он призывал укреплять веру, чаще ходить в храм, не забывать Бога. В заключение своей проповеди он сказал: «Православные, не забывайте Православную веру и Церковь, ходите чаще в храм и молитесь Богу. Святые угодники и раньше жили в тяжелых условиях, но переносили все в надежде на милость Божию». Дом священника, показала свидетельница, расположен неподалеку от колхозного двора, и однажды в присутствии колхозников отец Сергей сказал, что, мол, много пишут и говорят о колхозах, что они улучшают материальное благосостояние колхозников, но в действительности дело обстоит не так, жизнь колхозников с каждым годом становится все хуже; по-видимому, со временем колхозы изживут себя.

Этим и ограничились все доказательства обвинения, которые удалось собрать против священника.

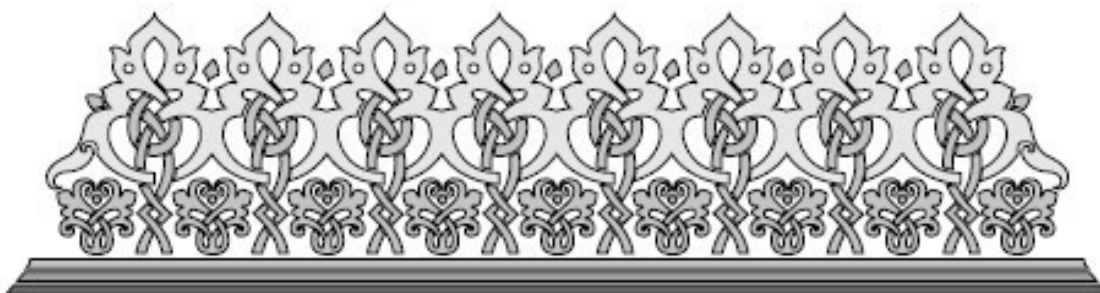
15 ноября тройка НКВД приговорила отца Сергия к расстрелу. Протоиерей Сергей Кедров был расстрелян на следующий день, 16 ноября 1937 года, и погребен в безвестной общей могиле на полигоне Бутово под Москвой.

Память священномученика Сергия Кедрова 16 ноября.

На ниве Христовой

Митрополит Московский и Коломенский Сергей (Ляпидевский)

Верный последователь святителя Филарета (Дроздова), известный своей строгостью и требовательностью к приходскому духовенству иерарх, оставивший о себе добрую память. Его забота о порядке и благоукрашении храмов сочеталась с вниманием к неукоснительному точному соблюдению уставных богослужебных требований.

Родился митрополит Сергей (в миру – Николай Яковлевич Ляпидевский) 9 мая 1820 года в городе Туле в семье протоиерея. Обучался в Тульской духовной семинарии, окончил Московскую духовную академию, магистр богословия. С 4 октября 1857 года – ректор Московской духовной академии. Был настоятелем Высокопетровского монастыря, а затем настоятелем Заиконоспасского монастыря. В 1861 году хиротонисан во епископа Курского и Белгородского, а с января 1880 года – архиепископ Казанский и Свияжский, с августа 1882 года – архиепископ Кишиневский, с января 1891 года – архиепископ Херсонский и Одесский. С 15 мая 1893 года – член священного Синода. С 9 августа 1893 года – митрополит Московский и Коломенский и Свято-Троицкой лавры – священноархимандрит.

Высокопреосвященный Сергей обладал той православной церковностью, которая предохраняет пасомых от всяких и явных, и скрытых опасностей. Он был глубоко проникнут верой в вечную истину Православной Церкви, где ничего нельзя ни прибавить, ни убавить без искажения истины. Подобно митрополиту Филарету, он хранил церковность, как святыню.

Советников у него не было, приближенных тоже. «Строго взвешивайте советы других, – говорил он молодому архипастырю, – а лучше молитесь Богу и поступайте, как Бог положил вам на сердце». Сам строгий исполнитель закона, он требовал и от других исполнения законов. Сам воздержник, он любил и в других видеть воздержание. Сам постник, он требовал, чтобы и другие постились.

Его нельзя было подкупить фразами. Он был строг к другим, особенно к тем, которые в действиях своих проявляли упорную и злую волю. Он никогда не принимал в свою епархию никого из родных. О нестяжательности его говорит то, что он никогда ничего не заключал под замок. Еще он носил на себе подвиг частого совершения крестных ходов. Он, подобно митрополиту Филарету, чтит святыню русского сердца – молитвенное воспоминание великих исторических дней небесной милости к народу русскому.

Архипастырь все свои подвиги скрывал в тайниках сердца, которое не терпело никаких внешних выражений славы и похвал, даже в делах, достойных похвалы. Он любил монашество, но разрешал пострижение в монашество с большой осторожностью: тридцать лет, и ни одним месяцем меньше. Внешность митрополита Сергия была величественная, а взгляд ласковый, душу согревающий. Митрополией управлял пять лет. Скончался 11 февраля 1898 года в Санкт-Петербурге.

Память архипастыря совершается 11/23 февраля.

Святейший Патриарх Сергей (Страгородский)

Святейший Патриарх Сергей (в миру Иван Николаевич Страгородский) родился 11 января 1867 года в городе Арзамасе Нижегородской губернии. Фамилия Страгородских в Арзамасе очень древняя. Дед и отец Ивана Николаевича Страгородского были протоиереями в Арзамасе и дали Ивану Николаевичу глубокое и истовое церковное воспитание.

Первоначальное образование Иван Николаевич Страгородский получил в приходском, а затем в Арзамасском духовном училище. В августе 1880 года поступил в Нижегородскую духовную семинарию. Для завершения богословского образования в августе 1886 года поступил в Санкт-Петербургскую духовную академию на историческое отделение.

В январе 1890 года, будучи студентом 4-го курса, принял пострижение в монашество с именем Сергия (Валаамского) одновременно со своим товарищем Яковом Федоровичем Ивановым, наименованным Германом (Валаамским). 21 апреля был рукоположен во иеромонаха.

После окончания Санкт-Петербургской духовной академии со степенью кандидата богословия иеромонах Сергий Страгородский 13 июня 1890 года был назначен в Японию членом Православной духовной миссии, состоявшей под управлением епископа Николая. В декабре 1891 года служил судовым священником на корабле «Память Азова», на котором посетил многие сопредельные с Японией страны. Впечатления от увиденного и узнанного в виде «писем русского миссионера» появились в ряде российских журналов, вызвав неподдельный интерес в обществе.

В 1893 году иеромонах Сергий был вызван в Петербург и назначен на должность доцента по кафедре Священного Писания Ветхого Завета Санкт-Петербургской духовной академии, а 13 декабря 1893 года назначен исполнять должность инспектора Московской духовной академии. 21 сентября 1894 год возведен в сан архимандрита и назначен настоятелем Русской посольской церкви в Афинах.

В 1895 году 1880 года удостоен степени магистра богословия за диссертацию «Православное учение о спасении».

В 1897 году вторично назначен в Японию помощником начальника Японской Православной духовной миссии. Спустя два года, в связи с назначением ректором Санкт-Петербургской духовной семинарии, возвращается в Петербург. 21 января 1901 года назначен ректором Санкт-Петербургской духовной академии. 25 февраля 1901 года состоялось наречение архимандрита Сергия Страгородского во епископа Ямбургского, викария Санкт-Петербургской епархии. Чин хиротонии совершал митрополит Санкт-Петербургский Антоний Вадковский с собором епископов. С 6 октября – архиепископ Финляндский и Выборгский.

В 1906 году участвовал в сессии Святейшего Синода, председательствовал в Учебном Комитете, одновременно занимаясь исправлением текста богослужебных книг. С этого же года состоял Почетным членом Санкт-Петербургской духовной академии. С 6 мая 1911 года – член Святейшего Синода.

Участник Всероссийского Священного Собора 1917–1918 годов в Москве. С 10 августа 1917 года архиепископ Владимирский и Шуйский. 28 ноября того же года возведен в сан митрополита и занимал последовательно архиерейские кафедры во Владимире на Клязьме, а потом в Нижнем Новгороде.

На Поместном Соборе 1917–1918 годов обсуждался среди прочих вопрос о бракоразводном процессе. До 1917 года в России признавался развод, совершенный исключительно церковным судом. По существовавшему законодательству XIX века развод мог разрешить только Святейший Синод и только по строго ограниченным поводам. Российское законодательство о разводе в то время было намного строже, чем в других европейских странах, где почти повсеместно ко второй половине XIX столетия наряду с церковным был введен и гражданский брак.

На Поместном Соборе вопросами развода занимался Отдел о церковном суде, председателем которого был избран Сергей (Страгородский). Доклад вызвал бурную дискуссию на заседаниях Собора. Противники расширения поводов к разводу (к ним принадлежали прежде всего крестьяне и миссионеры) считали, что принятие доклада совершенно недопустимо, так как это приведет к уничтожению семьи, что развод противоречит Евангелию и поэтому не нужен.

Наиболее аргументированно доклад «О поводах к расторжению церковных браков» защищал на заседаниях Собора митрополит Сергей (Страгородский). В выступлениях он неоднократно давал развернутую мотивировку своей позиции и отмечал, что ему часто приходилось сталкиваться со страданиями людей, которые не имели возможности развестись: «Это и дает мне смелость и сознание правоты, мне приходилось слышать крик страданий живых людей, и я не могу этого крика замолчать: крик слышится не только в высшем классе общества, но и в деревне, и там много трагедий». Митрополит Сергей считал, что Церкви всегда было свойственно со снисхождением относиться к слабости своих членов, поэтому она не нарушит собственных норм, если разрешит новые поводы к разводу, которые к тому же существовали и ранее: «В своих дисциплинарных требованиях Церковь исходила из того, что усвоение жизни Христовой разными людьми может быть различно, но что и зачаточное усвоение христианства спасительно. Стоя на этой точке зрения, Церковь и утверждала это в своих законах, которые всегда соотносились с силами и духовным развитием церковного общества, а не только были логическими выводами из известных Евангельских положений».

В итоге Собором были приняты Определение от 7 (20) апреля 1918 года «О поводах к расторжению брачного союза, освященного Церковью» и от 20 августа (2 сентября) 1918 года «О дополнении соборного определения “О поводах к расторжению брачного союза, освященного Церковью”». Но еще до принятия Собором этих Определений в 1917 году были опубликованы декреты Советской власти от 16 (29) декабря «О расторжении брака» и от 18 (31) декабря «О гражданском браке, о детях и о ведении книг актов состояния». Согласно этим декретам бракоразводные дела изымались из консисторий и передавались в гражданский суд, который расторгал брак на основании простого заявления одного из супругов. Советская власть начала активную борьбу с Церковью, частью которой являлась и борьба с церковным судом.

В январе 1921 года митрополит Сергей был арестован и длительное время находился в Бутырской тюрьме. Основанием для его ареста послужило как раз то, что он возглавлял Отдел о церковном суде, который занимался вопросами бракоразводного процесса. На Пасху он был выпущен на свободу. В соответствии с пунктом обвинения он был приговорен к ссылке в Нижний Новгород, куда и выехал в июне. Там митрополит Сергей жил в Крестовоздвиженском монастыре и имел возможность беспрепятственно совершать богослужения.

30 ноября 1926 года митрополит Сергей вновь арестован. Результатом ареста и дальнейшего давления на него и на Патриаршую Церковь, которая в это время находилась в отчаянном положении, была пресловутая Декларация митрополита от 16 (29) июля 1927 года, исходный пункт которой состоял в том, чтобы обрисовать развитие основных направлений политики Московской Патриархии. С 27 марта 1926 года владыка Сергей снова вступил в управление Русской Церковью как заместитель патриаршего местоблюстителя.

Первые годы управления митрополита Сергея Русской Православной Церковью были годами больших разногласий между иерархами, бурных колебаний и расколов. Далеко не все признали митрополита Сергея законным главой Церкви с того самого момента, когда он принимал управление, а многие отделились от него в последующие годы, особенно после выпущенной им Декларации.

Его собственная ошибка – временное отпадение в обновленческий раскол – сыграла немалую роль в этих событиях, так как поколебала доверие к нему в сознании отдельных иерархов и рядового духовенства.

Вместе с тем задача, стоявшая перед ним, была велика и сложна. Нужно было найти правильную основу взаимоотношений между Церковью и новой властью и легализовать Церковь, да еще и довести до сознания всех пасомых, что подчинение атеистической власти не является изменой Богу, и что забота о благосостоянии Родины – обязанность каждого.

Митрополит Сергей делал все возможное, чтобы Церковь не просто осталась жива, но и могла совершать свое служение. Автор Декларации был трагической фигурой – в 30-е годы он скрепя сердце говорил в интервью иностранным корреспондентам о том, что в СССР нет гонений на верующих, а на следующий день писал советскому правительству просьбу о защите духовенства от непосильных налогов и трудовых повинностей.

Григорианский раскол, возникший раньше всех расколов этого периода, имея легальный орган управления, зарегистрированный гражданской властью, опирался на это преимущество до того момента, когда митрополит Сергей зарегистрировал Временный Патриарший совет и тем выбил почву из-под ног григорианского ВВЦС. Затем возник ленинградский раскол – иосифлянство, увлекшее небольшое число епископов, священников и мирян. Отделение ярославской группы во главе с митрополитом Агафангелом было хотя и кратковременным, но тоже болезненным.

Прекратил общение с митрополитом Сергием уважаемый всеми митрополит Кирилл, бывший ранее первым кандидатом на пост патриаршего местоблюстителя. Отходили и другие лица и группы, меньшие по количеству входивших туда иерархов – викторианский раскол, даниловская и мечевская группировки и др. Наиболее умеренная часть оппозиционеров продолжала признавать митрополита Сергия законным главой Церкви, хотя и с большой горечью в душе, считая некоторые его действия и распоряжения неправильными. Отколовшиеся в разной степени удалялись от митрополита Сергия и возглавляемой им Церкви, причем самые крайние из них доходили до того, что действия митрополита Сергия считали изменой православию, его самого – чуть ли не предтечей антихриста, молитвенное общение с его сторонниками – грехом, а таинства, совершаемые ими, – безблагодатными.

Эти расколы, отходы и резкие обличительные письма, которые писали митрополиту Сергию недовольные им епископы, тяжело им переносились. Тяжесть эта усугублялась и тем, что среди отходивших были и хорошие пастыри, проявившие себя наиболее стойкими во время борьбы с обновленчеством, и уважаемые иерархи. Некоторые из них были лично близки и дороги митрополиту Сергию.

Многие из тех, которые остались верными ему как законному главе Церкви, осуждали его поступки и выступления, но говорили, что это его личный грех, за который он сам будет держать ответ перед Господом. Считали, что ереси он никакой не проповедует, поэтому нельзя прерывать с ним молитвенного общения.

По отношению ко всем иерархам, отделившимся от общения с заместителем патриаршего местоблюстителя, митрополит Сергей держался такого метода: сначала он писал им, затем увещивал, просил отказаться от выбранного ими неправильного пути. Указывал на большой вред, причиненный Церкви расколами. Если не действовали ни увещания, ни предупреждения, то созывалась сессия Синода и выносилось постановление о лишении виновных кафедр и запрещении их в священнослужении.

Многие из увещательных писем митрополита Сергия были проникнуты глубоким чувством, как, например, его письмо к митрополиту Агафангелу, в котором он пишет: «Мы с Вами подошли уже к той черте, когда остается только одно: дать ответ на судище Христовом. Во имя этого нашего общего упования и во имя блага Святой Церкви прошу Вас и молю: не разрывайте общения с нами, не переходите на сторону наших врагов».

В жизни и деятельности митрополита Сергия нельзя не отметить один чрезвычайно важный момент: во время Великой Отечественной войны под его руководством все православное русское духовенство активно помогало обороне страны. Призывая к усиленной борьбе против

захватчиков и к самоотверженному труду в тылу, духовенство укрепляло патриотический дух русского народа, поддерживало его моральное состояние и оказывало значительную материальную помощь фронту.

В первый день войны митрополит Московский и Коломенский Сергей обратился к пастырям и верующим со своим посланием, разосланным в тот же день по всем приходам. В нем он благословлял всех православных на защиту священных границ нашей Родины. Вот оно.

«Пастырям и пасомым Христовой Православной Церкви»

В последние годы мы, жители России, утешали себя надеждой, что военный пожар, охвативший едва не весь мир, не коснется нашей страны, но фашизм, признающий законом только голую силу и привыкший глумиться над высокими требованиями чести и морали, оказался и на этот раз верным себе. Фашиствующие разбойники напали на нашу родину. Попирая всякие договоры и обещания, они внезапно обрушились на нас, и вот кровь мирных граждан уже орошает родную землю. Повторяются времена Батыя, немецких рыцарей, Карла Шведского, Наполеона. Жалкие потомки врагов православного христианства хотят еще раз попытаться поставить народ наш на колени пред неправдой, голым насилием принудить его пожертвовать благом и целостью родины, кровными заветами любви к своему отечеству.

Но не первый раз приходится русскому народу выдерживать такие испытания. С Божиею помощью, и на сей раз он развеет в прах фашистскую вражескую силу. Наши предки не падали духом и при худшем положении потому, что помнили не о личных опасностях и выгодах, а о священном своем долге перед родиной и верой, и выходили победителями. Не посраим же их славного имени и мы – православные, родные им и по плоти, и по вере. Отечество защищается оружием и общим народным подвигом, общей готовностью послужить отечеству в тяжкий час испытания всем, чем каждый может. Тут есть дело рабочим, крестьянам, ученым, женщинам и мужчинам, юношам и старикам. Всякий может и должен внести в общий подвиг свою долю труда, заботы и искусства. Вспомним святых вождей русского народа, например Александра Невского, Димитрия Донского, полагавших свои души за народ и родину. Да и не только вожди это делали. Вспомним неисчислимые тысячи простых православных воинов, безвестные имена которых русский народ увековечил в своей славной легенде о богатырях Илье Муромце, Добрыне Никитиче и Алеше Поповиче, разбивших наголову Соловья-Разбойника.

Православная наша Церковь всегда разделяла судьбу народа. Вместе с ним она и испытания несла, и утешалась его успехами.

Не оставит она народа своего и теперь. Благословляет она небесным благословением и предстоящий всенародный подвиг.

Именно нам нужно помнить заповедь Христову: *Больши сея любви никтоже имать, да кто душу свою положит за други своя* (Ин. 15, 13). Душу свою полагает не только тот, кто будет убит на поле сражения за свой народ и его благо, но и всякий, кто жертвует собой, своим здоровьем или выгодой ради Родины. Нам, пастырям Церкви, в такое время, когда отечество призывает всех на подвиг, недостойно будет лишь молчаливо посматривать на то, что кругом делается, малодушного не ободрить, огорченного не утешить, колеблющемуся не напомнить о долге и о воле Божией. А если, сверх того, молчаливость пастыря, его некасательство к переживаемому паствой объяснится еще и лукавыми соображениями насчет возможных выгод на той стороне границы, то это будет прямая измена родине и своему пастырскому долгу, поскольку Церкви нужен пастырь, несущий свою службу истинно «ради Иисуса, а не ради хлеба куса», как выражался святитель Димитрий Ростовский. Положим же души своя вместе с нашей паствой. Путем самоотвержения шли неисчислимые тысячи наших православных воинов, полагавших жизнь свою за родину и веру во все времена нашествий врагов на нашу Родину. Они умирали,

не думая о славе, они думали только о том, что Родине нужна жертва с их стороны, и смиренно жертвовали всем и самой жизнью своей.

Церковь Христова благословляет всех православных на защиту священных границ нашей родины.

Господь нам дарует победу.

Патриарший местоблюститель смиренный Сергей, митрополит Московский и Коломенский.

Москва, 22 июня 1941 года».

В 1941 году отмечалось сорокалетие митрополита Сергея в сане епископа. А 26 августа (8 сентября) 1943 года митрополит Сергей Собором русских архиереев был избран Патриархом Московским и всея Руси. Интронизация состоялась в Московском кафедральном Богоявленском соборе.

Скончался Патриарх Сергей в 1944 году. Погребен в Николаевском приделе Московского Патриаршего Богоявленского собора.

По мнению протоиерея Валериана Кречетова, настоятеля храма Покрова Богородицы в Акулове, старшего духовника Московской епархии, «Патриарх Сергей старался спасти Церковь. Он это делал, как мог. Его подвиг особый, он принял на себя поношение. Священник Всеволод Шпиллер мне однажды сказал, что митрополит Антоний (Храповицкий) в советское время написал митрополиту Сергию: “Что же ты, Владыка, говоришь властям такие лояльные вещи...” На что владыка Сергей ответил так: “Если бы ты был в Москве, а я в Болгарии, то я, может быть, написал бы тебе то же самое”. Сергианство – это “официальная” Церковь. Что же здесь плохого, если она сохранилась и просуществовала до сегодняшнего дня? Извините, но если нам самим побывать в тех обстоятельствах, еще неизвестно, кто как заговорит! Я знаю мнение святого Сергея Мечева, который был, так сказать, “не поминающий митрополита Сергея”. Но при этом он сказал так: “Я без сомнения причащусь у сергианского священника. Я не считаю, что у них нет благодати!” Отец Всеволод Шпиллер мне говорил, что он слышал, как отец Сергей на Великом Входе не поминал митрополита Сергея, а потом, когда входил в алтарь, поднимал руки и говорил: “Господи, помяни митрополита Сергея!” Он молился за него, хотя был с ним в чем-то не согласен».

...В середине 1930-х проездом из северных лагерей во Владимирскую ссылку в Москве находился архиепископ Филипп (Гумилевский); он зашел в канцелярию митрополита Сергея в Бауманском переулке, надеясь увидеть владыку, но тот был в отъезде. Тогда архиепископ Филипп оставил митрополиту Сергию письмо, в котором были такие строки: «Дорогой Владыко, когда я думаю о Вас, стоящем на ночных молитвах, – я думаю о Вас, как о святом праведнике; когда же я размышляю о Вашей повседневной деятельности, то я думаю о Вас, как о святом мученике...» На следующий день митрополит Сергей прочитал письмо, растроганно прижал его к груди и сказал: «С таким письмом и на Страшный Суд предстать не страшно». Потом подал письмо своему секретарю, отцу Сергию Лебедеву, и сказал: «Подшей-ка, Сережа, в мое личное дело. Много будут судить обо мне, пусть хоть эти добрые слова прочтет кто-нибудь». Позднее отец Сергей, глубоко уважавший и любивший обоих – и автора письма, и адресата, рассказывал об этом своим близким.

День памяти Святейшего Патриарха Сергея (Страгородского) 15 мая.

Митрополит Виленский и Литовский Сергей (Воскресенский)

Митрополит Виленский и Литовский Сергей, экзарх Латвии и Эстонии (в миру Дмитрий Николаевич Воскресенский) родился 26 октября 1897 года в Москве в семье священника. Окончил Московское духовное училище. С 1918 по 1922 год находился на гражданской службе. В 1922 году поступил в московский Свято-Данилов монастырь. Был послушником ректора Петроградской духовной академии епископа Федора (Поздеевского), который жил в то время в Даниловом монастыре в Москве.

В 1925 году был пострижен в монашество, возведен в сан иеродиакона, а затем и в сан иеромонаха. С 1926 года – секретарь Московской Патриархии, был другом митрополита Сергия (Страгородского).

В 1930 году – настоятель собора в городе Орехово-Зуево. Одновременно исполнял обязанности по поручению заместителя патриаршего местоблюстителя по Московской Патриархии. С 1931 года редактор «Журнала Московской Патриархии». В 1932–1933 годах – настоятель Воскресенского храма в Сокольниках. Возведен в сан архимандрита. 29 октября 1933 года хиротонисан во епископа Коломенского, викария Московской епархии. Хиротония состоялась в храме Воскресения в Сокольниках. Чин хиротонии совершали: митрополит Сергей (Страгородский), митрополит Серафим (Чичагов), архиепископ Дмитровский Питирим, епископ Орехово-Зуевский Иоанн, епископ Волоколамский Иоанн и епископ Каширский Иннокентий. С 1934 года – епископ Бронницкий, с февраля 1936 года – епископ Дмитровский. 8 октября 1937 года возведен в сан архиепископа.

В 1939 году член Священного Синода, состоявшего в то время из четырех иерархов.

После присоединения Прибалтики к России к концу 1940 года в Ригу прибыл новый иерей – митрополит Сергей, его еще звали «младшим», «старшим» был Сергей (Страгородский), который и направил Сергия (Воскресенского) на вновь присоединенные территории, дабы привести под свое крыло прибалтийских православных. Уже 1 января 1941 года архиепископ Сергей (Воскресенский) возводится в сан митрополита и назначается на Литовскую кафедру, а 24 марта – на должность патриаршего экзарха Прибалтики. Перед ним стояла сложная дипломатическая задача: объединить православные церкви в трех маленьких государствах – Литве, Латвии и Эстонии. Церкви Эстонии и Латвии тогда подчинялись Константинопольскому Патриарху. Для воссоединения Эстонской и Латвийской Церквей с Московским Патриархатом был учрежден экзархат (территории Литвы, Латвии и Эстонии), во главе которого был поставлен митрополит Вильнюсский и Литовский Сергей (Воскресенский). Экзарх с поручением справился и на Пасху 1941 года был удостоен белого митрополичьего клобука. Православные здешних краев вспоминали, что Владыка не только замечательно служил, но и независимо держался по отношению к органам советской власти.

Когда грянула война, Владыка отказался от эвакуации, он остался с вверенной ему паствой.

В первых числах июля 1941 года экзарх Сергей, полностью сознавая бедственное положение Церкви в областях, оккупированных немецкой армией, вступил в переговоры с германским командованием, предложив отправить в эти районы миссионеров. «Мне думается, – вспоминал архимандрит Кирилл Начес, – что идею направить миссию на северо-запад России экзарху подал сам русский народ. После отступления Красной Армии сотни тысяч людей были брошены на произвол судьбы. Народ хлынул в еще уцелевшие церкви и храмы». В декабре 1941 года сподвижником Гитлера Розенбергом был издан указ о свободе Церкви, где заявлялось, что германские власти не будут притеснять верующих любых конфессий.

На оккупированных территориях стали открываться храмы, совершаться крестные ходы и крещения, издаваться религиозные газеты и журналы. В 1942 году митрополит Сергей (Воскресенский) создает епископат на автономных началах, поминая за богослужением митрополита, а затем Патриарха Сергия (Страгородского).

После нацистской оккупации Латвии митрополит Августин (Петерсон) провозгласил о восстановлении ЛПЦ до 1940 года, то есть в юрисдикции Патриарха Константинопольского, а также попросил оккупационные власти выслать из Латвии экзарха Литвы, Латвии и Эстонии митрополита Сергия (Воскресенского). Однако Августина поддержали только пять священников небольших сельских приходов. 25 октября 1941 года экзарх Сергей осудил действия митрополита Августина и призвал его не раскалывать Церковь. Августин не подчинился требованиям митрополита Сергия, и 15 июня 1942 года Собор епископов экзархата запретил Августина (Петерсона) в священнослужении.

Аналогичным образом развивались события и на территории Эстонии. 3 сентября 1941 года митрополит Александр (Паулус) провозгласил себя главой Эстонской Православной Церкви Константинопольского Патриархата. Его поддержали большинство православных приходов этнических эстонцев, русские же приходы остались в ведении экзархата и подчинялись епископу Нарвскому Павлу (Дмитровскому). Экзарх Сергей предал митрополита Александра церковному суду, и 5 ноября 1942 года Собор епископов экзархата запретил Александра (Паулуса) в священнослужении.

Митрополиту Сергею (Воскресенскому) удалось убедить немецкие власти, что им выгоднее сохранить на северо-западе епархии Московского, а не Константинопольского Патриархата – «союзника» англичан. Под руководством митрополита Сергия в дальнейшем на занятых оккупантами землях была развернута широчайшая катехизаторская деятельность. По благословению Владыки в августе 1941 года на территории Псковской, Новгородской, Ленинградской, Великолукской и Калининской областей удалось к началу 1944 года открыть около 400 приходов, на которые были поставлены 200 священников. При этом большая часть духовенства оккупированных территорий выражала свою поддержку патриотической позиции московского священноначалия.

Митрополит Сергей сумел добиться у немцев пособий для беженцев, продовольствия, медикаментов. Талантливый администратор и дипломат, он сумел организовать издание церковных газет и журналов, возобновить преподавание в школах Закона Божия, даже открыть православный музей. Осенью 1943 года в России были разрешены выборы Патриарха, прекратилась деятельность союза воинствующих безбожников, открывались новые приходы, духовные семинарии. Из лагерей ГУЛАГа стали отпускать на волю священнослужителей. Но митрополит Сергей (Воскресенский) предвидел новые репрессии: «Сталин – не Савл и никогда не станет Павлом», – говорил он в своем пасхальном приветствии к православным Прибалтики. После выбора в Москве Патриарха в 1943 году немцы стали добиваться от митрополита Сергия признания выборов недействительными, но тот наотрез отказался и даже не поехал на конференцию иерархов Европы, которая заявляла о неканоничности Московского Патриарха. Владыка дал понять, что канон был соблюден. По распоряжению экзарха, отказавшегося, несмотря на нажим со стороны нацистских оккупационных властей, осудить выборы Патриарха, в церквях экзархата на всем протяжении войны в богослужениях всегда упоминалось имя Местоблюстителя Патриаршего Престола, а потом Патриарха Московского Сергия (Страгородского). Об этом, разумеется, доложили в Берлин.

Немцы были недовольны размахом церковного возрождения и отказом митрополита выполнять их требования и признать выборы Патриарха неканоничными. Они поняли наконец, что экзарх только создавал видимость служения им, а на самом деле главным для него была церковная работа по объединению трех Церквей соседних прибалтийских государств для выполнения предназначенной им православной миссии по возрождению церковной жизни.

Убийство митрополита Сергия (Воскресенского) осталось нераскрытым. И если немецкие и пронемецкие издания утверждали, что это «рука Москвы», то советские газеты в России писали о том, что митрополита Сергия ликвидировали гитлеровцы.

Владыка Сергей не отклонился от Московского Патриархата, остался верен Русской Церкви, не ушел ни в раскол, ни в Константинопольскую Церковь, ни в какие другие формы неподчинения. Он очень хорошо понимал, что такое Советы, но также и очень хорошо понимал, что такое немецкие фашисты.

«Я преклоняюсь перед его личностью, – говорит митрополит Рижский и всея Латвии Александр, – перед его трудами, перед его деятельностью, перед его архипастырскими заботами о сохранении православия в Латвии и укрепления Церкви. И конечно же это стоило ему целой жизни. Я думаю, что его труды святы перед Господом».

Псковская духовная миссия прекратила свое существование в феврале 1944 года в связи с тотальной эвакуацией мирного населения из русских областей в Прибалтику. Те участники Псковской миссии, кто остался на Родине, были арестованы сотрудниками СМЕРШа и осуждены на долгие страшные годы лагерей. Семена Псковской миссии не пропали даром. Они дали обильные плоды после войны. Церкви, открытые миссионерами в России, продолжали действовать.

Память митрополита Виленского и Литовского Сергия (Воскресенского) 29 апреля/12 мая.

Епископ Можайский Стефан (Сергей Никитин)

Епископ Стефан (в миру Сергей Алексеевич Никитин), родился 28 сентября 1895 года в благочестивой семье московских мещан. С 1906 года Сергей Никитин учился в 1-й Московской мужской гимназии. Окончил ее с золотой медалью и поступил на медицинский факультет Московского университета. После окончания университета в 1922 году перед Сергеем Алексеевичем встал вопрос: какой род деятельности стоит избрать? По специальности он был невропатологом, но поскольку учился он очень хорошо, то ему было предложено остаться в университете и заниматься научной деятельностью. Сергей Алексеевич начал работать в клинике у Россолимо, и перед ним стоял выбор: быть ученым-врачом или практиком.

Сразу же после окончания университета он познакомился с Борисом Васильевичем Холчевым, будущим архимандритом, который был очень верующим человеком, прихожанином храма святителя Николая в Кленниках, воспитанником Оптиной пустыни. Он привел на Маросейку и Сергея Алексеевича. Он же предложил ему обратиться с вопросом по поводу выбора пути к старцу Нектарию Оптинскому. Сергей Алексеевич приехал в Козельск. И они поехали вместе с отцом Никоном к батюшке отцу Нектарию. А батюшка жил у Андрея Ефимовича Денежкина. Из сеней направо – к Андрею Ефимовичу, налево – к батюшке.

Приехали, как велено было, вечером. И пошли налево, там читались вечерние молитвы. На вечерние молитвы собирались все: и сам Денежкин, и его дети. Присоединились к молящимся. А батюшка отец Нектарий стоял за перегородкой, он был великий делатель Иисусовой молитвы. Услышал – заканчивается молитва, вышел из-за перегородки, еле передвигает ногами. Сергей Алексеевич подумал: «Ну, вот, я, молодой врач, приехал к какому-то старику-развалине спрашивать, как мне быть».

А отец Нектарий спрашивает Сергея Алексеевича:

– Вы когда-нибудь читали про потоп?

Сергей Алексеевич говорит:

– Читал.

– А ведь вот Ной-то сто лет строил ковчег и призывал к покаянию. А на него смотрели и думали: «Э, какой-то старик-развалина тут». – Но закончил батюшка все очень мирно: – Вы устали с дороги, а я вам стал говорить про потоп. Отдыхайте.

Под утро Сергей Алексеевич проснулся от шороха: батюшка отец Нектарий готовил письма в Москву с ним послать. Он встал, руки для благословения сложил (а сначала-то даже благословения не хотел брать). Батюшка отец Нектарий его благословил, приговаривая:

– Врач-практик, врач-практик, врач-практик.

И Сергей Алексеевич стал практикующим невропатологом. С 1926 года по 1931 год он был сотрудником различных медицинских учреждений Москвы. После прихода на Маросейку Сергей Алексеевич стал очень активным прихожанином, членом общины. Он приходил с сестрой, Ольгой Алексеевной. Характер у него был деятельный, и с 1928 года по октябрь 1930-го он даже исполнял обязанности старосты храма святителя Николая в Кленниках.

К 20-м годам относится начало дружбы Сергея Алексеевича Никитина с будущими священномучениками: Владимиром (Амбарцумовым), Василием (Надеждиным), после мученической кончины которых – отца Василия в 1930-м, отца Владимира в 1937 году – Сергей Алексеевич взял на себя заботу об осиротевших семьях своих друзей. После ареста в октябре 1929 года своего духовника, священника Сергея Мечева, он заботился также и о его семье. Известно, что отца Сергея Мечева Сергей Алексеевич дважды навещал в ссылке в городке Кадникове Вологодской губернии.

16 февраля 1931 года и сам Сергей Алексеевич Никитин был арестован в составе группы маросейских прихожан из 17 человек во главе с протоиереем Сергием Смирновым и священни-

ком Борисом (Холчевым). Их обвиняли в участии в контрреволюционной организации, якобы существовавшей при храме святителя Николая в Кленниках.

Никаких объективных данных для обвинения в контрреволюционной деятельности в деле не обнаруживается, за исключением единственного протокола допроса одной из осужденных. Под пытками ли добились от нее такого признания или как-то иначе, неизвестно, но на основании этого признания был вынесен приговор.

Протоколы допроса С.А. Никитина свидетельствуют, что он готов был пострадать за правду и не шел на компромиссы с совестью. Будучи не поминающим митрополита Сергия, он не мог скрывать своего отношения к его действиям. Отношение к советской власти Сергей Алексеевич сформулировал достаточно четко: «Я считаю неправильным гонение советской власти на религию, и Декларация, объявленная митрополитом Сергием, также неверна, ибо советская власть закрывает церкви и устраивает гонения на религию. Я же являюсь противником этого».

В результате 30 апреля 1931 года Сергей Алексеевич Никитин был приговорен к трем годам заключения в Красновишерском исправительно-трудовом лагере на Северном Урале.

Сохранилось достаточно большое количество интереснейших воспоминаний о его пребывании в лагере, где его, квалифицированного врача, назначили на работу в лагерной больнице, которой он некоторое время даже заведовал.

Будущий владыка Стефан с величайшим риском для себя старался оказывать помощь заключенным, особенно духовенству, молясь, чтобы Господь Сам открывал ему глаза и позволял в подходящих к нему обриту и раздетым людям, прибывающих с этапа, распознавать лиц духовного звания. Он старался помогать духовенству. Как-то ему сказали, что в одной партии есть архиерей. Сергей Алексеевич молился – и он почувствовал, и говорит: «Владыка, благословите». Архиерей заплакал и говорит: «Я среди ада услышал ангельский голос».

Игуменья Евгения (Волощук), духовная дочь епископа Стефана, вспоминает слова владыки о лагерном времени: «Старался чем мог помочь: или питание лишнее выписать, или еще чем-нибудь, но как ни старался незаметно это делать, все равно замечали, потому что люди были с зорким глазом. Хотели продлить за это срок, но душа-то христианская все равно должна страждущему помочь. Срок – временный, а Бог – постоянный».

Ему грозило продолжение тюремного заключения, потому что он помогал заключенным. И он приуныл. Но одна медсестра поддержала его, сказав: «Сергей Алексеевич, вы знаете, у нас есть такая блаженная Матронушка, помогает многим». Он говорит: «Как же я ее найду?» – «А вы, – говорит, – поκληйте ее: “Матронушка, помоги мне, я в беде”».

Он так и сделал. В результате, слава Богу, его отпустили. Он выбрал время, поехал к блаженной. Входит в дом, смотрит: ящик, в ящике лежит женщина – неразвитый ребенок. И она ему и говорит: «Я о тебе молилась». Эту блаженную Матрону Анемнясевскую епископ Стефан до конца своей жизни поминал даже прежде своих родителей.

После освобождения из лагеря Сергей Алексеевич, не имея права проживать ближе чем за сто километров от Москвы, устроился жить и работать врачом в городе Карабанове, недалеко от Александрова. А вскоре переехал в Струнино, тоже Александровского района Владимирской области. К этому периоду жизни будущего владыки относится его тесное общение с епископом Афанасием (Сахаровым).

Здесь необходимо сказать о проблеме, которая пока не находит разрешения, – это датировка священнической хиротонии Сергея Алексеевича Никитина. По обстоятельствам советского времени такие темы между собой не обсуждали, поэтому духовные чада владыки Стефана называют различные даты его тайного рукоположения. Самый ранний срок – это 1925–1927 годы. Наиболее поздний – 1934 или 1935 год.

Достоверно известно то, что будущий владыка Стефан был тайно рукоположен епископом Афанасием (Сахаровым). И в этот, Карабановско-Струнинский, период был, без сомне-

ния, тайным священником. Владыка Василий (Златолинский) свидетельствует, что уже в лагере Сергей Алексеевич Никитин тайно служил и хранил священные сосуды, на которых совершались эти литургии в заключении, а затем в Струнине и Карабанове.

На тайных службах в Струнине приходилось бывать Ирине Сергеевне Мечевой и матушке отца Глеба Каледы, Лидии Владимировне. Служил отец Сергей обычно по ночам, поскольку днем был занят на работе в больнице. Лидия Владимировна отмечает некоторую нервозность, сопровождавшую службы. Дело в том, что отец Сергей был единственным врачом на этом краю города, причем не только невропатологом, но и терапевтом. Поэтому обращавшиеся к нему за медицинской помощью могли приходиться и среди ночи.

Известно, что весной 1941 года в течение некоторого времени на квартире у отца Сергия Никитина в Струнине жил его духовник протоиерей Сергей Мечев. Принимать его было крайне небезопасно, поскольку за ним с 1940 года велось почти постоянное наблюдение. 7 июля 1941 года протоиерей Сергей Мечев был арестован в Рыбинске и больше уже не выходил на свободу до самой мученической кончины в 1942 году.

О тайном священстве отца Сергия Никитина было известно очень малому количеству людей. И даже те, кто близко знал его, не были посвящены в эту тайну. Вспоминает Лидия Владимировна Каледя: «Поскольку мы были непоминовенцами, то ходили в церковь только ко всенощной, а с литургии уходили после ектении об оглашенных. Нами кто-то руководил, а кто – я не знала. Практика была такая: мы писали исповедь, кто-то ее отвозил к священнику, и после десяти дней нам разрешалось причащаться запасными Святыми Дарами, хранившимися у нас дома. Я лично не знала, кому передавались мои исповеди: мама передавала кому-то. Но потом я взбунтовалась и сказала, что не могу без живого общения – только писать, и все. Тогда-то мне и сказали, что тайным священником является Сергей Алексеевич Никитин, которого я знала по Никольскому».

После избрания патриарха Алексия I епископ Афанасий (Сахаров) призвал всех оставшихся в живых непоминавших к литургическому общению с Московской Патриархией.

В 1950-м году священник Сергей Никитин решил выйти на открытое служение. В свою епархию его принял епископ Ташкентский и Среднеазиатский Гурий (Егоров), всегда сохранявший верность евхаристического общения с патриаршей Церковью, но в течение длительного времени оказавшийся в состоянии катакомбного служения, даже организовавший свой катакомбный монастырь в Средней Азии. Будучи епископом Ташкентской и Среднеазиатской епархии, особенно сильно пострадавшей во времена гонения на Церковь (там хозяйничали, по существу, обновленцы), владыка Гурий собирал живые духовные силы вокруг себя. Многие впоследствии оказались служащими в разных епархиях нашей Церкви, а некоторые даже стали ее архиереями. Епископ Гурий стал тем архимандритом, которому суждено было открыть Троице-Сергиеву лавру и быть первым ее наместником после долгих лет закрытия в послереволюционные годы.

Отцу Сергию при встрече Владыка задал вопрос: почему он хочет служить и что его привлекает? Привлекает ли его молитва перед престолом, амвон с его проповедями или аналой с духовничеством и исповедью? Отец Сергей четко и определенно ответил: алтарь, молитва, евхаристическое служение. Этот ответ был близок духу владыки Гурия. Будучи глубоким богословом, имея серьезное богословское образование, он организовал полуподпольный богословско-пастырский институт после закрытия Петроградской духовной академии, и сам был прежде всего священнослужителем и предстоятелем перед Престолом Господним.

Служение отца Сергия Никитина в Средней Азии длилось пять с половиной лет. За это время его трижды переводили с прихода на приход, и все эти приходы были крайне непростыми. Служил в Курган-Тюбе, Ленинабаде, Самарканде, Ташкенте. Из воспоминаний отца Сергия того времени известно: больше всего его расстраивало то, что приходилось терпеть от своих, верующих, казалось бы, людей. В одном месте – псаломщик, не захотевший служить

из-за увеличения служб, в другом – «православные», готовые вцепиться друг в друга. Прими- рить их отцу Сергию не удалось: он заболел брюшным тифом, и его отправили в Ташкент. Там он служил в кафедральном соборе вместе со своим другом отцом Борисом (Холчевым). Через некоторое время сменился епархиальный архиерей: владыку Гурия назначили в другую епархию, и новый Ташкентский архиерей епископ Ермоген (Голубев) поставил отца Сергия настоятелем молитвенного дома на окраине города. Для отца Сергия это послушание оказалось трудно исполнимым. Состояние его здоровья ухудшилось, он тяжело переносил жару, и когда владыка Гурий (Егоров) пригласил его в Днепропетровскую епархию, отец Сергей согласился.

Владыка Гурий (Егоров) имел обыкновение давать искусы тем священникам, которые приходили к нему из катакомбных церквей, или после долгих лет перерыва в священническом служении, или молодым ставленникам. Эти искусы-послушания должны были раскрыть духовный облик принятого на священное служение человека и дать ему возможность возрасти духовно в тишине молитвенного действия. Отец Сергей писал Александре Александровне Семененко: «Ну, назначил меня владыка в уголок, забытый Богом и людьми». Был такой момент, что он служил, а никого в храме не было. И он сказал проповедь. На вопрос «Батюшка, кому вы проповедь-то говорили?» он ответил: «Когда в храме нет людей, присутствуют ангелы».

Через всю жизнь пронес Владыка твердость и принципиальность в вопросах веры, честность перед Богом и Церковью. Особенно эти черты проявились в период его священнического и архипастырского служения. Средняя Азия в советские годы стала местом подвигов многих исповедников веры.

Позже владыка Гурий выписал отца Сергия к себе в Днепропетровскую епархию, где находился небольшой женский монастырь. Монахини полюбили своего духовно опытного, вдумчивого молитвенника-пастыря. С теплым чувством и глубоким уважением они вспоминали его потом многие-многие годы. Два года в Свято-Тихвинском монастыре, молитва, общение с сестрами, службы – все это было мило его сердцу. Здесь, в монастыре, 2 января 1959 года протоиерей Сергей был пострижен архиепископом Гурием в монашество с именем Стефан, в честь преподобного Стефана Махрищского.

Свято-Тихвинский Днепропетровский монастырь был закрыт вскоре после Пасхи 1959 года, насельницы в один день выдворены из обители. Жившие в Днепропетровске отправились по домам сами, а остальных за счет монастырских средств снабдили билетами до мест проживания.

Архимандрит Стефан (Никитин) поехал вслед за митрополитом Гурием в Минск, где был назначен клириком Крестового Казанского митрополичьего храма. Пробыл он там недолго: власти отказались его прописывать, приходилось жить на разных квартирах. Вскоре к митрополиту Гурию в гости наведася архиепископ Ермоген (Голубев), встретил у него отца Стефана, и, будучи в Москве, порекомендовал его Святейшему Патриарху Алексию I как кандидата во епископа. Так 7 апреля 1960 года архимандрит Стефан (Никитин) был рукоположен в Елоховском соборе в Москве во епископа Можайского, викария Московской епархии.

1960-е годы – это время хрущевского гонения на Церковь, менее кровопролитного, чем в 20-30-е годы, но не менее болезненного. У верующих отбирались последние храмы. Владыка Стефан, ставший архиереем в такое сложное время, всеми способами старался облегчить те удары, которые наносили Церкви государственные власти.

К сожалению, тяжелая болезнь (инсульт) привела к тому, что 9 апреля 1962 года он был освобожден от должности епископа Можайского, и долгое время жизнь его висела на волоске. Но, как только его здоровье несколько восстановилось, он был назначен временно управляющим Калужской епархией. Ситуация там, как и по всей стране, была тяжелой. Вот как описывает деятельность епископа Стефана уполномоченный по Калужской области в своем отчете за 1962 год в Москву: «В августе месяце 1962 года патриархия прислала временно исполняющего обязанности епископа Стефана (С.А. Никитина) из Московского епархиального управле-

ния. Епископ Стефан пытается поддерживать приходящие в упадок общины, укрепить пошатнувшееся влияние Церкви. В первые же дни пребывания в Калуге он с помощью патриархии заполнил вакантные должности в трех церквях, стремится подбирать достойные, крепкие в вере кадры. Знакомых священников из других епархий: Минской, Среднеазиатской, где ранее он работал, приглашает на работу в Калужскую епархию. Епископ Стефан, врач по специальности, ревностный служитель Церкви, крайне религиозный. Этому же требует и от священников. А нерадивых, допускающих нарушения или аморальные поступки, наказывает».

Здоровье Владыки все ухудшалось. И он, и близкие ему люди хранили в памяти предсказание блаженной Матроны. Она сказала ему, что он будет Владыкой, епископом, но только два года. Поэтому, когда состоялась хиротония во епископа владыки Стефана, то близкие, с одной стороны, радовались за него, а с другой – были огорчены, потому что оставалось жить ему только два года. Владыка тоже готовил себя к кончине. Он говорил: «Я ведь сейчас готовлюсь служить, читаю правила – как готовлюсь к смерти». Весь Великий пост 1963 года он не посещал церковь: очень плохо себя чувствовал. Служил на Пасху, в четверг на Светлой седмице, затем в Фомино воскресенье. Всю последнюю неделю своей жизни вспоминал архиепископа Мелхиседека (Паевского), скончавшегося в храме рядом с престолом, и говорил: «Вот бы так умереть».

В Неделю жен-мироносиц он отслужил литургию, и после, чтобы не задерживать духовенство, облачился в мантию и говорил народу проповедь. Рядом с ним иподиакон. И вот Владыка покачнулся, тут же иподиакон его поддержал, и он в храме скончался. Протоиерей Глеб Каледа: «Смерть его была блаженной, ведь он умер после литургии, причастившись, закончив назидательное слово своей пастве. Блаженная и святая кончина». Друзья его, которые бывали в маленькой домашней церкви владыки, где служение совершалось почти без людей (по три человека присутствовали), поражались той торжественной службе, которую совершал епископ Стефан с благолепием и красотой архиерейского православного служения, и говорили: «Праведник увенчан в конце жизни славой Господней».

Протоиерей Валериан Кречетов, нынешний настоятель Покровской церкви в Акулове, с молодых лет знал владыку Стефана по маросейской семье: «Промыслом Божиим Господь привел меня в маросейскую семью: Константин Константинович Апушкин, Елена Владимировна Апушкина – это та раба Божия, которая собрала материал о батюшке отце Алексии, отце Сергии Мечевых. Ну и как раз, когда я познакомился с этой семьей, будущей моей тоже, среди маросейских имен я услышал имя владыки Стефана.

Причем было очень интересно. Я вырос с детства в Церкви, но никогда не общался с архиереями: сельский храм, городской храм в городе Зарайске. И я слышал, что был Зарайский архиерей когда-то, кафедра была. Теперь действительно первым архиереем Зарайской кафедры стал владыка Ювеналий. А мне как ребенку мечталось, что вот, архиерей, архиерейское богослужение... Я с детства, с шести лет, в церкви прислуживал.

В жизни моей были встречи с архиереями, когда я был студентом. И мне даже однажды пришлось подменять иподиакона. А постольку, поскольку я вырос в Церкви, для меня это было очень интересно и захватывающе, я почти не ошибался, поскольку привык к этому. И после, когда я услышал, что могу познакомиться с архиереем – это был владыка Стефан, – я очень обрадовался. Меня пригласили. Владыка был после парализации – у него правая рука, правая сторона плохо работали, он жил при храме Ризоположения в Москве. Там была комнатка. И вот я к нему пришел туда.

Он со мной очень тепло так разговаривал, просто. Я никак не ожидал, что такой простой архиерей. Он почувствовал, конечно, что я церковный, воспитание церковное. И вот он тогда благословил меня на брак.

– Ну, как у вас, – говорит, – с Наташей?

– Да все так у нас вроде тихо, спокойно.

– Тогда делайте предложение.

– Благословите.

Приехали мы с моей будущей матушкой, и владыка благословил нас образом Спасителя на брак.

Владыка говорил о важности богослужения и непрестанной молитвы: «Я ведь врач. И когда больной раздевается, чтобы его прослушать, я читаю в это время молитву Иисусову. Потом он одевается – я опять читаю молитву. Я иду из кабинета в кабинет – творю молитву». То есть везде. Он мне говорил, как нужно жить в непрестанной молитве.

Потом уже я услышал замечательный тоже пример о непрестанной молитве из его проповеди, на которой присутствовала Наталья Николаевна Соколова. Она мне рассказывала: «Мне так запомнилось, владыка говорил очень просто и для простого народа, что непрестанной молитвой может заниматься кто угодно – и домохозяйки. Вот ты, говорит, чистишь картошку – читай молитву Иисусову». «Я, – говорит, – с тех пор, как только начинаю чистить картошку, вспоминаю про Иисусову молитву».

Потом у меня было несколько встреч с Владыкой на 43-м километре. Он мне тогда богословские вопросы стал задавать и дал очень простую заповедь: «Занимайтесь, изучайте богослужение – там все богословие».

Он особенное внимание обращал на богослужение, как и все маросейские, особенно отец Сергей Мечев, который, можно сказать, был трибуном, проповедником богослужения. Его любимое изречение: «Приход – богослужебно-покаяльная семья <...>. Владыка сказал: «Запомните, в Евангелии ни одно слово не написано так просто». И начал объяснять притчу о милосердном самарянине (см.: Лк. 10, 30–37). «Вот, – говорит, – возьмите притчу о милосердном самарянине». И, видимо, взял объяснение ее из богослужения: «Человек некий сходил от Иерусалима в Иерихон». А почему из Иерусалима в Иерихон, а не из Иерихона в Иерусалим? Это одна и та же дорога. Или не из Иерусалима в Вифлеем? Почему из Иерусалима в Иерихон? Потому что Иерусалим – город горний, город святой, а Иерихон – город греха. Все человечество идет по пути греха.

«И в разбойники впаде, иже совлекше его и язвы возложше отидоша, оставльше едва жива суща», то есть израненного грехами и бесовскими кознями. Вот, оно, человечество, лежит израненное и еле живое.

«По случаю же священник некий, – говорит, – сходил путем тем». Тоже замечательно: тем же путем шел, «и виде его, мимоиде». И левит, «виде его, мимоиде». Хотя они были представителями ветхозаветной Церкви, но происходили из того же народа, «который шел путем греха», поэтому и сами шли тем же путем, увы. Господь почему их назвал? Чтобы обличить, что они немилосердные? Нет: ветхозаветная Церковь не могла помочь этому умирающему, полумерт вому человечеству.

Далее сказано: «Самарянин же некто грядый». Не сказано «тем же путем шел». «Самарянин же некто грядый, прииде над него, и виде его, милосердова». Кто этот самарянин? Это Господь. А есть в Евангелии такие слова, когда пытаются иудеи обличить Спасителя и говорят: «Ты самарянин, и бес в Тебе». Господь говорит: «Я беса не иму, но чту Отца Моего Небесного», а что Он «самарянин» – не отрекается, таким образом признает Себя самарянином. И вот как раз в великопостных текстах эти слова есть: «Не от Самарии, но от Марии воссиявый, Христе Боже». Владыка взял, видимо, оттуда их, а потом продолжил:

«Всадив же его на свой скот, приведе его в гостиницу и прилежа ему». А кто такой «скот»? Вот тут тоже отвечают богослужебные тексты: «сел еси на кони – апостолы Твоя, и спасение бысть еждение Твое», то есть Господь возложил бремя на апостолов, а они – как архиереи или как ангелы Божии. На ангела Церкви – епископа, то есть новозаветное священство, Господь возложил «бремя» – вот это человечество. Привел в гостиницу. В какую гостиницу? Это Церковь, которую оставил после Себя Господь. Дал, говорит, два динария – «изъем два

сребренника, даде гостиннику». Но почему два, а не три? Не один, не три, не четыре, а почему два? Тело и Кровь Свою, оставил Таинство Причащения. И вот, говорит, когда Я возвращусь: «Аз, егда возвращуся, воздам ти», то есть Господь возвратится во Второе Пришествие и воздаст каждому служащему этому человечеству».

Вот так он объяснил притчу о милосердном самарянине. Впервые я слышал это удивительное объяснение.

А потом вдруг говорит: «Помнишь такую притчу: В одном городе был судья, который Бога не боялся и людей не стыдился, был судья неправды (см.: Лк. 18, 1–8). Кто это? Я так задумался, а он отвечает: «Это Господь». «Бог, кого Он должен бояться? Он Сам Бог, Он Святейший. А почему «неправды»? Если бы Он был судья правды, Он бы нас всех казнил по грехам нашим. А Он не по беззакониям нашим сотворил есть нам, ниже по грехам нашим воздал есть нам. Он судит по милости, а не по правде». Такой неожиданный разворот показал владыка.

А потом в эту последнюю встречу он мне вдруг начал говорить об Иоанне Богослове, о том, что Иоанн Богослов не умер. Потому что, когда Господь призвал Петра, восстанавливая его в апостольском достоинстве, Он сказал: «Иди по Мне». А когда тот пошел, он обернулся и увидел Иоанна Богослова.

Не потому, что он возревновал, что его позвали, а того не позвали. А потому, что он уже понимал слова Спасителя в истинном смысле: иди за Мной, то есть иди Моим путем на страдания. Спаситель обернулся и, увидев юношу, который не отступил, спросил: «Зачем?» В текстах богослужебных сказано: «Друголюбие показуя, о другом ученице вопрошаше», то есть любя его, Иоанна Богослова, о нем спросил: зачем же он? Он пусть не страдает, как Я.

Господь утешил его: Аще хошу, да той пребывает, дондеже прииду, что к тебе; ты по Мне гряди, то есть здесь как раз раскрывается, что он не умрет до тех пор, пока Я не приду. «И Господь, – говорит Владыка, – взял его живым на небо. Никто не видел, как он умер. Его оставили в пещере, потом пришли – тела не было. И перед Вторым Пришествием придут Енох и Илия. Илия – к остатку Израиля, Енох – к язычникам. А неужели Свой Новый Израиль Господь оставит без Предтечи? К нему пошлет Иоанна Богослова». Открыл Евангелие от Иоанна Богослова, показал мне.

Вот эти слова Владыка мне сказал при последней встрече, за неделю до своей кончины.

Я был у него на Фоминой неделе, а Владыка скончался в Неделю жен-мироносиц.

Когда он собирался служить, а тетя Катя, монахиня Августа, которая при нем была, говорит: «Владыка, ведь умрете». А он говорит: «Если бы твои слова сбылись». И поехал служить. Отслужил. И поскорей причастился. Потом вышел, как всегда, сказать слово. И вот, как мне рассказывали, я по памяти пересказываю, может, не совсем так, он говорил, что жены-мироносицы служили Господу своим именем, своими руками, и мы должны так же. И при этом стал оседать. Его подхватили – он уже скончался».

Из последней проповеди владыки Стефана (Никитина) в Неделю жен-мироносиц: «Дорогие братья и сестры! Жены-мироносицы служили Христу во время Его земной жизни. Оставив все свое имение, дома свои и все мирские заботы, они всегда были с Господом, сопутствовали Ему и споспешествовали распространению Его учения. А как мы в наших условиях можем быть с Господом? Где больше всего пребывает Господь? В храме более всего пребывает Господь и благодать Божия. Поэтому мы должны спешить в храм, как можно чаще бывать в храме и как можно дольше пребывать там, чтобы быть с Господом, служить Ему искренней молитвой, соблюдать Его заповеди, любить друг друга».

А вот из воспоминания протоиерея Глеба Каледы: «Когда совершались Пасхи в лагерях, где были тысячи православных христиан, то Светлая заутреня служилась на память. Все пели эти радостные пасхальные песнопения. И в бессилии, не дерзая ничего совершить и боясь, стояла вокруг стража тюремная и лагерная. На “двенадцати Евангелиях” люди читали на память двенадцать Евангелий. Кончал один – забывал что-то – его чтение подхватывал другой, и так

один за другим прочитывались все двенадцать Евангелий. Носить на себе частицы Святых Даров, чтобы причастить умирающего, священники не могли: их постоянно обыскивали. Обнаружить на груди у священника частицы Святых Даров, ладанку со Святыми Дарами означало обречь священника в лучшем случае на карцер, а в худшем – на расстрел. Но, несмотря на эти суровые условия, литургии все-таки совершались. И священники передавали частицы Даров верным людям из мирян, и они носили эти Дары у себя на груди под тюремной робой и тюремным бельем. Двое из моих близких знакомых были носителями Святых Даров. Один из них – Игорь Константинович Фортунатов, другой – Сергей Алексеевич Никитин. Однажды его, опытного врача-невропатолога, пригласили в дом, вернее, привели в дом начальника тюрьмы или лагеря, с тем чтобы он осмотрел больную сестру жены этого начальника. Когда он вошел, то больная заметалась, закричала, стала махать руками, что она не желает, не может с ним встретиться.

“Уберите его, уберите!” – кричала она. И, перебежав из одной комнаты, которая находилась недалеко около входа, забилась в углу квартиры. “Не могу, не могу, не хочу!” – кричала она. Родные ее пытались уговорить, что пришел врач, что ей нужно полечиться. Но она кричала свое “не могу, не могу”. И тогда хозяин квартиры, начальник лагеря сказал: “Ну, ничего, к сожалению, не получается. Она не хочет с вами встретиться”. Сергей Алексеевич понял, что женщина – бесноватая, и бесу нестерпимо приближение к нему Святых Даров.

Постоянное ношение на груди Святых Даров накладывало на человека не только духовный, но и физически зримый отпечаток. В облике владыки Стефана было что-то от Серафима Саровского и Оптинских старцев».

Архиепископ Старорусский и Новгородский Сергей (Голубцов)

Детство и юность будущего архиепископа Сергея (в миру Павел Александрович Голубцов) прошли в Сергиевом Посаде под покровом обители преподобного Сергея Радонежского. Его отец, Александр Петрович Голубцов, талантливый ученый, доктор богословия, профессор Московской духовной академии по кафедре литургики и церковной археологии, также читал лекции в Московском училище живописи, ваяния и зодчества. Мать, Ольга Сергеевна Голубцова, была дочерью ректора Московской духовной академии протоиерея Сергея Смирнова. В этой глубоко религиозной семье 16 (29) апреля 1906 года родился сын Павел. С детства он находился в духовной атмосфере, часто посещал монастыри, имел близкое знакомство с выдающимися старцами того времени. Из 12 детей семьи Голубцовых четверо полностью посвятили свою жизнь служению Церкви.

В 1923 году Павел Голубцов окончил школу и, обладая художественными наклонностями, в 1923—1924-м начал учиться живописи в Сергиевом Посаде у художников М.В. Боскина и Е.И. Столицы. В те же годы он познакомился с жившим в Сергиевом Посаде священником Павлом Флоренским, который в 1918-1920-х был ученым секретарем Комиссии по охране памятников искусства и старины Троице-Сергиевой лавры. Отец Павел оказал большое влияние на Павла Голубцова. Также он был близко знаком с наместником лавры архимандритом Кронидом (Любимовым), который благословил его в 1923 году на монашеский путь. В те годы юноша особенно близко воспринимал духовный облик преподобного Сергея Радонежского, своего будущего небесного покровителя; его молитвенную помощь он ощущал всю свою жизнь.

В жизни П.А. Голубцова есть такой важный эпизод, как сохранение им главы преподобного Сергея Радонежского от поругания. В 1928 году летом он тайно перенес честную главу печальника Русской земли из Сергиева Посада в поселок Мешаловку, под Люберцами, где жил тогда Юрий Александрович Олсуфьев. Уже перед самым призывом на фронт он вновь перенес главу преподобного Сергея теперь уже из Люберец к своему духовнику, старцу схииеромандриту Илариону (Удодову), который служил в храме в честь Владимирской иконы Божией Матери в селе Виноградове под Москвой. Глава чудотворца Сергея хранилась в алтаре храма под престолом. Вернувшись с фронта, Павел Александрович уже в третий раз перенес честную главу преподобного Сергея из Владимирского храма на московскую квартиру Е.П. Васильчиковой, которая затем передала бесценную святыню Святейшему Патриарху Алексию I.

В 1924 году Павел Александрович Голубцов переехал в Москву и поступил на работу в Государственный исторический музей. В 1925 году он трудился в Отделе древнерусской живописи Государственных центральных реставрационных мастерских под руководством академика И.Ю. Грабаря. В 1929—1930 годах обучался в Московском государственном университете на отделении теории и истории изобразительных искусств этнологического факультета. С 1925 года занимался реставрацией живописи в ГИМе и оформлением выставок в музеях. В марте 1930 года Голубцов был выслан в Северный край, по статье 58—10, сроком на 3 года, работал художником-декоратором в железнодорожном клубе города Няндомы. Вернувшись из ссылки в Москву, Павел Александрович в течение семи лет работал художником-оформителем по различным договорам в учреждениях Москвы. Среди его реставрационных трудов: участие в бригаде художника-реставратора Д.Ф. Богословского по реставрации расписных плафонов XVIII века в зданиях Государственного музея Л.Н. Толстого на Кропоткинской улице и на улице Большой Спасской; зарисовка новгородских фресок в храмах Спаса-на-Нередице, Успения на Волотове поле, Рождества Христова на поле, пророка Илии; укрепление фресок в храме Спаса на Ковалевом поле под руководством художника-реставратора А.И. Попова; переноска ранее снятых фресок Сретенского монастыря XVII века; пробное раскрытие фресок Пафнути-

ево-Боровского монастыря в связи с научно-исследовательской работой; снятие научной копии с портрета XVII века боярина Морозова (Музей быта); реставрация копии с парсуны 1693 года Святейшего Патриарха Адриана, выполненной в 1758 году. В 1940 году вновь был приглашен в Государственный исторический музей на научно-реставрационную работу, которой занимался до дня мобилизации в августе в 1941 года. В течение этого первого года, помимо реставрационных работ, Павел Александрович написал и прочитал два доклада на Ученом совете ГИМа: «К вопросу о монументальной живописи в бывшем Пафнутьево-Боровском монастыре в связи с его архитектурой» и «Два портрета патриарха Адриана в собрании Государственного исторического музея».

Во время Великой Отечественной войны Павел Голубцов был призван в армию и до 1945 года нес службу в звании сержанта в 6-м запасном учебном автомобильном полку. Там же он работал в качестве батальонного, а затем полкового художника. Награжден медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне». После демобилизации поступил на второй курс Православного богословского института в Москве, впоследствии реорганизованного в Московскую духовную семинарию. После ее окончания в 1947 году поступил в Московскую духовную академию. Помимо учебы неоднократно привлекался к художественно-реставрационным работам как музейный специалист и опытный реставратор. Перейти на церковное служение и принять монашество и сан Павла Голубцова благословил его старец – схиархимандрит Иларион (Удодов). Отец Иларион, с которым Голубцов познакомился в 20—30-е годы, оказал влияние на духовное развитие будущего архипастыря. Любовь к глубокой внутренней молитве, смирение и постоянный тяжелый телесный труд – вот основные черты, унаследованные владыкой Сергием от схиархимандрита Илариона. 2 апреля 1950 года послушник Павел был пострижен в монашество с наречением имени в честь преподобного Сергия Радонежского, уже 7 апреля рукоположен Патриархом Алексием I в сан иеродиакона, а 28 мая им же – в сан иеромонаха.

В 1950–1953 годах иеромонах Сергей – ответственный представитель от Московской Патриархии по реставрации Троицкого собора лавры. Иеромонах Сергей убедительно доказывал государственной комиссии необходимость полной росписи стен Троицкого собора в стиле сохранившихся фрагментов фресок XVII века. В августе 1949 года академик И.Ю. Грабарь писал: «в его лице объединяются знающий археолог, наделенный большой интуицией искусствовед и практик-реставратор». Участвовал в реставрации иконостаса и росписи трапезного Успенского храма в Новодевичьем монастыре (1946); возглавлял группу по реставрации «Царских чертогов» Московской духовной академии (1946–1947); возглавлял бригаду художников по реставрации живописи главного купола Богоявленского патриаршего собора в Москве (1947); был помощником главного художника по реставрации настенной живописи Богоявленского патриаршего собора (1954), руководил написанием икон для иконостаса кафедрального собора в Ростове-на-Дону (1954); был членом художественной комиссии при строительном комитете по восстановлению храма Московской духовной академии.

С 1951 года иеромонах Сергей нес послушание духовника богомольцев лавры, а также был экскурсоводом иностранных гостей. После окончания Академии со степенью кандидата богословия за представленное сочинение «Способы воплощения богословских идей в творчестве преподобного Андрея Рублева» был оставлен в МДА преподавателем церковной археологии и древнееврейского языка. Написал курс лекций по церковной археологии с привлечением новых данных из области русской живописи и архитектуры, а также составил краткий курс лекций по древнееврейскому языку. Кроме того, вел преподавание священной истории Ветхого и Нового Заветов. Еще будучи студентом, предложил администрации Академии создать живописный кружок и организовать Церковно-археологический кабинет. Первую небольшую витрину он поставил в классной аудитории и поместил в нее несколько древних церковных предметов, ему лично принадлежавших. В 1953 году иеромонах Сергей возглавил ЦАК и кружок.

18 июля 1954 года возведен в сан архимандрита. 30 октября 1955 состоялась его хиротония во епископа Старорусского, викария Ленинградской епархии. 22 ноября 1956-го Новгородская епархия была выделена в самостоятельную епархию, и епископ Сергей стал ее управляющим. Он организовал в Новгороде епархиальное управление, а при нем – мастерские по пошиву облачений, ряс и других церковных одежд и принадлежностей, реставрации икон, столярную мастерскую и бригаду рабочих по ремонту храмов епархии. В 1959 году были проведены большие реставрационно-живописные работы в новгородском Никольском соборе, в результате которых была выявлена художественная стенная темперная живопись XVIII века. Заботился об учете, охране и реставрации древних икон в различных приходах. Помимо больших реставрационных работ, епархиальная деятельность Владыки Сергея характеризовалась прекрасно поставленным богослужением.

В ознаменование 1100-летия Великого Новгорода 23 августа 1959-го утвержден в звании епископа Новгородского и Старорусского. 14 июля награжден орденом в честь иконы Божией Матери «Неопалимая Купина», переданным от архиепископа Синайского через митрополита Илию (Карама). 25 февраля 1963-го владыка Сергей был возведен в сан архиепископа, а 12 мая того же года награжден правом ношения креста на клобуке в ознаменование 50-летия служения святейшего Патриарха Алексия в епископском сане и в память их «совместного церковного служения». В январе 1968 года архиепископ Сергей был уволен за штат, с определением его на местожительство в Троице-Сергиеву лавру. Пока позволяло здоровье, владыка Сергей продолжал служить.

Скончался владыка Сергей 16 июня 1982 года от инсульта. Отпевание в Успенском соборе Троице-Сергиевой лавры возглавили его духовный сын митрополит Минский и Белорусский Филарет и собрат архиепископ Волоколамский Питирим. Погребен у алтаря церкви в честь Сошествия Святого Духа на апостолов. Он завершил свой жизненный путь там, где начинал его – под покровом преподобного Сергия, потому что был его истинным учеником.

Память архиепископа Сергия 16 июня.

Епископ Новосибирский и Бердский Сергей

Владыка Сергей (в миру Серафим Владимирович Соколов) родился 14 июля 1951 года в семье потомственного священника, протоиерея Владимира Соколова. Протоиерей Владимир Соколов служил в храмах Москвы и Подмосковья, скончался в 1995 году, будучи почетным настоятелем московской церкви святых Адриана и Наталии. Мать будущего Владыки, Наталья Николаевна, художница, иконописец, автор глубоко назидательной книги «Под кровом Всевышнего», была дочерью известного духовного писателя Николая Евграфовича Пестова. Семья Соколовых была прочно укоренена в традициях русского Православия. Два его брата стали настоятелями московских храмов, две сестры – регентами. По воспоминаниям матушки, Серафим с детства был несколько иным, нежели другие дети, хотя весел и приветлив. Его привлекало созерцание природы, он чуждался шумных игр, возни и беготни, а если в школе сверстники пытались втянуть его в эти грубоватые забавы, читал про себя 90-й псалом.

27 сентября 1953 года, через два года после рождения Симы, его отец был назначен священником в храм Адриана и Наталии, что в Бабушкине, но семья жила в Гребневе. Так что детские и отроческие годы Серафима Соколова прошли в провинции. Мальчик наделен был прекрасным слухом и посещал музыкальную школу, а затем музыкальное училище имени Ипполитова-Иванова, играл на контрабасе. Пришлось ездить в Москву. В оркестр ПВО при одном из московских домов офицеров его приглашали еще студентом музыкального училища, а призвав в армию, зачислили туда на законном основании. Служба в Вооруженных Силах включала и репетиции, и гастролы, в том числе и заграничные.

«Я с детства грезил о славе выдающегося музыканта и не жалел усилий для достижения своей цели, – признается владыка Сергей. – Но в пятнадцать лет произошло событие, направившее мои мысли в иное русло. Готовясь к очередному экзамену в училище, я сильно повредил большой палец и не мог играть.

Вскоре он так распух, что о занятиях нечего было и думать. И тогда я стал просить Бога, даже требовать у него исцеления. Это была не молитва, а какое-то безумие. Я и спать лег, не переставая просить. А утром обнаружил, что от травмы и следа не осталось. Палец не болел! С этого момента я осознал, что Бог – рядом и Он меня слышит. Конечно, была еще и семейная атмосфера, молитвы отца и мамы. Я вырос в большой семье: у меня два брата и две сестры. Все музыканты, и все избрали путь служения Богу, хотя наши родители на этом никогда не настаивали. А я оправдал их самые смелые надежды – стал не только священником, но и монахом».

Все дети семьи Соколовых с самого раннего возраста научались принимать посильное участие в богослужении. Уже в годы учебы Серафим Соколов привлек к себе внимание спецслужб, так как регулярно молился в Патриаршем Богоявленском соборе, где после службы в армии был иподиаконом. Когда он хотел стать студентом Московской духовной семинарии, то на его счет было специальное распоряжение госбезопасности – даже документов у него не принимать. Сима посетовал на свои проблемы Святейшему. «Неси свое заявление, – сказал он кратко и начертал на нем резолюцию: «Принять без экзаменов. Патриарх Пимен». – А теперь иди и посещай занятия». С резолюцией Патриарха никто спорить не стал, но была сделана попытка исключить семинариста за неуспеваемость. С этой целью стали задавать ему выучивать наизусть огромнейшие богослужебные тексты. «Но он учил усердно, да и память у него хорошая», – вспоминала матушка Наталья Николаевна. Замечательна та подлинно христианская простота, с которой студенту удалось пресечь контакты с КГБ: на предложение сотрудничать он ответил, что ему нужно посоветоваться с духовником, а вторую встречу (во время и перед которой он усердно молился) ему удалось провести прилюдно, на площади лавры, и говорил он, не таясь людей, так что был оставлен в покое.

В Московской духовной академии Серафим Соколов защитил диссертацию на тему «Евангельское учение о Царстве Божием. Его значение для нравственной жизни христианина» и был оставлен профессорским стипендиатом на кафедре византологии.

С декабря 1976 года он вошел в состав насельников Свято-Троицкой Сергиевой лавры, 10 мая 1977 года он принял постриг, а 14 мая был рукоположен Святейшим Пименом во иеродиакона. Наречение в постриге Сергием он воспринял как великую радость. В 1977–1990 годах был келейником Святейшего Патриарха Пимена и его старшим иподиаконом. Находясь на таком исключительно ответственном церковном послушании, иеродиакон Сергей видел и остро чувствовал всю сложность церковно-государственных отношений того периода, когда Русская Православная Церковь в условиях антирелигиозной государственной политики не могла свободно осуществлять свою миссию. Только вера и молитва помогали церковным людям достигать духовной свободы при несвободе внешней церковной жизнедеятельности. Никто из людей со стороны не ведал, насколько труден крестный путь Святейшего Патриарха, потому никто не знает, насколько драгоценным для всей Русской Церкви того времени было преданное служение Первосвятителю его ближайшего помощника. Иеродиакон Сергей как Ангел Хранитель Святейшего до самой кончины служил ему, и чем слабее здоровьем становился Святейший Владыка, тем труднее и ответственнее было послушание его келейника. Он практически неотлучно был со Святейшим в последние дни его жизни, и Патриарх отошел ко Господу на руках своего келейника в буквальном смысле слова. О годах, проведенных на службе у Патриарха, Владыка оставил воспоминания.

С 1981 года иеродиакон Сергей преподает катехизис в Московской духовной семинарии, а в следующем году к этим трудам присоединяется преподавание Священного Писания Ветхого Завета. 9 апреля 1989 года состоялось рукоположение Сергея (Соколова) во иеромонаха с возведением в сан игумена, а к Пасхе 1990 года он был возведен в сан архимандрита. Архимандрит Сергей становится инспектором Московской духовной академии, где читает лекции по гомилетике. Студенты и преподаватели МДА вспоминают, что отец инспектор отличался той высокой степенью подлинной тактичности и деликатности, которая свидетельствует о нелицемерном смирении и о глубокой укорененности в христианской любви и является плодом не только православного воспитания, но и серьезнейшего проникновения в суть иноческой жизни.

В 1991 году архимандрит Сергей – один из тех, кому выпала великая духовная радость быть свидетелями и участниками перенесения мощей преподобного Серафима Саровского. В самом начале лета 1992 года он принимал участие в церемонии, значение которой столь велико для всех православных христиан, что не нуждается в подробных разъяснениях: в перенесении Благодатного Огня от Гроба Господня в Иерусалиме в Москву и Свято-Троицкую Сергиеву лавру. В 1994 году участвовал в обретении мощей святителя Филарета Московского.

7 октября 1995 года архимандрит Сергей определен Священным Синодом быть епископом Новосибирским и Бердским. Духовные основы и цели своей деятельности владыка Сергей определил в Пасхальном послании 2000 года: «И в горе, и в радости будем делиться своей верой и сердечным теплом со всеми, с кем суждено нам встретиться по воле Божией. С малых лет насаждая в душах наших детей веру в Бога, будем помнить всегда, что мы воспитываем их прежде всего для вечности. Молитвой и решительным действием оградим наших детей от все более распространяющегося греха и соблазна. Созидавая храмы, не забудем об очищении храма своей души, в котором всем нам предстоит встреча с Воскресшим Спасителем». При приходе епископа Сергея в епархию там был один монастырь, а стало десять.

Окормляя духовно свою паству, епископ Сергей ясно сознавал, что в отдаленных районах его епархии много городов, рабочих поселков и деревень, в которых люди лишены возможности услышать слово Божие. Владыка уже в первый год своего архиерейства уделял неослабное внимание миссионерской деятельности своих сослужителей. Среди священников

он находил явное и горячее сочувствие своим заботам. Но что они могли сделать там, где не было ни церквей, ни монастырей, ни хороших дорог, чтобы добираться до больших городов? Добраться до глухих деревень в летнее время можно было только по воде. И вот у епископа возник план соорудить теплоход – храм, на котором можно было бы, поднимаясь вверх и спускаясь вниз по течению полноводной реки Оби, посещать те места, где народ оставался без духовного окормления. К середине лета теплоход был готов. На нем был и алтарь, и свободная зала для молящихся, и каюты для отдыха священнослужителей. Перед отплытием на пристани был отслужен торжественный молебен, и под звон колоколов теплоход с именем «Андрей Первозванный» отчалил от берега.

Чтобы обеспечить эффективность миссионерского рейса, владыка с представителями облминистрации проехал по районным центрам, где были проведены встречи с главами поселков, которые намеревался посетить корабль. Миссионерам выделяли местный транспорт для поездок в глухие деревни, заранее оповещали население о предлагаемой духовной и прочей помощи, готовили помещения для богослужений, кормили, проявляя исконно российское радушие и гостеприимство. И если и были населенные пункты, где миссионерская группа испытывала неудобства, то это как раз там, где по каким-либо причинам светская власть не приняла участия в организации встречи. Но были и дерзкие попытки сорвать миссионерскую работу корабля-Церкви. Исходили они, как потом выяснилось, от хорошо информированных сектантов. Это случалось несколько раз, но все заканчивалось, с Божией помощью, благополучно.

Не оставил епископ Сергей без своего попечения и те районы, где не было судоходной реки. В 1998 году он замыслил еще одно новое дело: организовать поезд в глубинку области, где народ также был отрезан от центра, от храмов, от религии. Администрация железнодорожников откликнулась на просьбы, уговоры и речи епископа. Поезд составили из десяти вагонов, в одном из них был походный храм. Многие из железнодорожников стали единомышленниками владыки, пришли к вере, вошли в Церковь. Огонь веры незримо проникал в души людей, они вдохновлялись на дела добра, шли к Богу. Владыка говорил: «Если мы не укрепим нашу духовность, Россия непременно погибнет. Есть люди, которые хотят, чтобы мы забыли, что мы – россияне... Общаясь с народом глубинки, мы обогащаемся сами».

Епископ Сергей не забывал и далекие уголки Томской области, которой дважды временно управлял. Он встречался с народом, беседовал, проповедовал слово Божие. Особенно часто Владыка посещал Бердск – свой второй кафедральный город, в котором к первому приезду Владыки не было ни одного храма. Единственная деревянная церковь древнего города находилась под водой с того времени, когда была построена плотина и разлилось Обское море, затопившее прежде жилые районы. По прибытии в Бердск епископ Сергей немедленно «заложил камень» на открытом месте и приступил к постройке храма.

Владыка Сергей имел необыкновенный дар духовного общения. О личных качествах Владыки свидетельствует его книга «Правдой будет сказать...», которая показывает глубину веры и смирения, чувство ответственности не только за каждый свой шаг, но и за самомалейшее душевное движение, удивительно гармоничное сочетание простоты веры, духовной трезвости и ясного разума. Владыка писал: «Я жил в окружении молитвы с младенчества. Вокруг молились все. Отец-священник ежедневно уезжал на богослужение в свой московский храм, и его предстояние перед Богом отождествлялось в нашем детском сознании как строжайшая дисциплина. Присутствуя за папиным служением, надо было набраться терпения и стоять в храме, «как свечка». Бывать на этих службах нам со старшим братом Колей приходилось редко, но, участвуя в богослужении в нашем сельском гребневском храме в качестве священосцев, а для этого нам были сшиты голубые детские стихари, мы уже старались во всем подражать отцу, становились не по-детски строгими и не позволяли себе в храме никаких вольностей». Епископ Сергей управлял Новосибирской епархией почти пять лет. Он сразу полюбил Сибирь, многое

успел сделать для православного просвещения Новосибирска и области, не раз говорил, что готов остаться на Сибирской земле до конца своих дней... Весной 2000 года, предчувствуя, что скоро окончится его земное странствование, епископ Сергей написал завещание:

«Все принимаю с благодарностью Богу и вручаю себя Его святой воле. Впереди запланированы встречи, службы, поездки и даже паломничество. Если Богу это угодно, то все это состоится, а если нет, то за все слава Богу. Я не знаю, где Господь меня позовет к Себе, если здесь в епархии, то хочу лежать до Всеобщего Воскресения в Бердске у алтаря собора. Для меня это будет особой милостью Божией, для Бога нет расстояний, пусть помолятся о душе моей с радостью в любом месте. Любовь Божия спасает нас и объединяет в одну большую вечную семью... Если останутся какие-то деньги, то передайте их в Москву моим маленьким племянникам, пусть помолятся и подадут милостыню. Верю, что Господь их не оставит, только бы они сами были ближе к Церкви. Все иконы должны быть переданы в Бердский собор, все книги – в библиотеку Богословского института, одежда – монашеству, облачения – в соборную ризницу, панагии и кресты – родственникам для раздачи на молитвенную память близко знавшим меня, бывшим иподиаконам. У всех прошу прощения и молитв.

Помните, что в смерти нет трагедии! Ее победил наш Спаситель и Господь!

Верьте каждому Его слову. Впереди у всех нас вечная, радостная Пасха! Христос Воскресе! Воистину Воскресе!

Епископ Сергей (Соколов)».

Скончался Владыка 20 октября 2000 года, на память мучеников Сергия и Вакха, то есть в день тезоименитства преподобного Сергия Радонежского. Отпевание было в соборе Новосибирска, где Владыка обычно служил, а похоронен он, согласно завещанию, у стен алтаря построенного при нем кафедрального Преображенского собора в Бердске.

День памяти епископа Сергия 20 октября.

Митрополит Токийский Сергей (Тихомиров)

Митрополит Сергей (в миру Тихомиров Георгий Алексеевич) родился 3 июня 1871 года в селе Гузи Новгородского уезда Новгородской губернии в семье протоиерея Алексея Тихомирова, настоятеля сельской церкви, и матушки Александры. Георгий был вторым сыном в семье из семи детей – у него было три сестры (Мария, Татiana, Олимпиада) и три брата (иерей Александр, протоиерей Иоанн, Виктор).

В 1892 году Георгий окончил Новгородскую духовную семинарию и поступил в Санкт-Петербургскую духовную академию. В 1895 году пострижен в монашество с именем Сергей и рукоположен во иеромонаха. В 1896 году окончил академию и вскоре был назначен инспектором Санкт-Петербургской духовной семинарии, а в 1899 году – возведен в сан архимандрита и назначен ее ректором.

В 1905 году удостоен степени магистра богословия и назначен ректором Санкт-Петербургской духовной академии. 6 ноября 1905 года в Александро-Невской лавре состоялась его хиротония во епископа Ямбургского, викария Санкт-Петербургской епархии. Владыка скоро стал известен как талантливый проповедник и богослов, плодовитый духовный писатель и церковный историк.

21 марта 1908 года Владыка был назначен епископом Киотским, викарием Токийской кафедры и помощником начальника Российской духовной миссии в Японии святителя Николая (Касаткина). Он прибыл в Токио в июне 1908 года. Владыка Сергей имел способность к языкам – он уже владел греческим, латинским, древнееврейским, английским, французским и немецким – и быстро освоил японский во время ознакомительных поездок по Японии.

Поездки епископа Сергея на Южный Сахалин, аннексированный Японией после поражения России в Русско-японской войне 1904–1905 года, сыграли важную роль в возвращении православных храмов местным верующим. Японские войска конфисковали многие храмы и использовали их как административные или хозяйственные здания, но во время трех посещений Южного Сахалина между 1909 и 1911 годами владыка Сергей смог добиться возвращения храмов верующим и бесплатной аренды церковной земли. Сообщения Владыки часто публиковались в русской церковной периодике тех лет. В качестве представителя Японской миссии епископ Сергей принял участие в Миссионерском съезде Русской Православной Церкви, который проходил в Иркутске с 5 по 18 августа 1910 года, после чего провел четыре месяца в поездках по России.

По преставлении 3 февраля 1912 года святителя Николая, апостола Японии, епископ Сергей принял на себя руководство Миссией – он становится епископом Токийским и Японским. Его деятельность была направлена в первую очередь на административную организацию Миссии и повышение богословской и философской эрудиции среди японских священнослужителей – по его инициативе в 1913 году начинается публикация богословского журнала «Сэй-кео Ситео» («Направление православной мысли»).

Масштаб личности основателя Православной Церкви в Японии, святого равноапостольного Николая архиепископа Японского, и его авторитет были настолько велики, что многие считали, что с его смертью Православной Церкви в Японии не станет. Но этого не произошло. Еще при жизни святителя Николая епископ Сергей много ездил по приходам, сумел войти в курс всех церковных дел. Он хорошо изучил обычаи японского народа и был подготовлен к руководству Миссией. Однако период его руководства (1912–1945) характеризовался чередой испытаний.

После революции 1917 года Миссия утратила ту постоянную финансовую помощь, которую оказывали Русская Православная Церковь и Миссионерское общество. С весны 1918 года Миссия стала существовать только на пожертвования своих прихожан. Пришлось закрыть

семинарию, женскую школу, сократить проповедническую деятельность. Епископ Сергей предпринимал поездки в Приморье (до поражения Белой армии) и по местам расселения русской эмиграции на Дальнем Востоке для сбора средств на поддержание Миссии.

1 мая 1921 года, ко дню Святой Пасхи, владыка Сергей был возведен Московской Патриархией в сан архиепископа. В сентябре 1922 года он принимал участие в архиерейском совещании, прошедшем в Никольске-Уссурийском, на котором было решено провести во Владивостоке 22 октября 1922 года Дальневосточный Поместный Церковный Собор, а на нем – создать Временное Высшее Церковное Управление Дальнего Востока. Однако под ударами большевиков войска Приамурского Земского Правительства были разгромлены, и Дальневосточный Собор не состоялся. Владыка Сергей помог многим русским беженцам, включая духовенство, обеспечив им на время приют в Японии. Так, епископ Владивостокский и Приморский Михаил (Богданов) жил при Токийском Воскресенском соборе с 1922 по 1923 год; епископ Камчатский и Петропавловский Нестор (Анисимов), близкий друг владыки Сергия, нередко посещавший Японию, жил в городе Цуруга в 1920–1922 годах, где основал Никольскую церковь; 21 ноября 1922 года Павел (Введенский) был хиротонисан во епископа Никольско-Уссурийского в Токийском Воскресенском соборе. В ведение владыки Сергия также перешла Русская духовная миссия в Корее.

1 сентября 1923 года в районе Канто, центром которого является город Токио, произошло сильнейшее землетрясение. Землетрясения следовали одно за другим, а страшнейший пожар, начавшийся через короткое время после первых толчков, довершил ужасное дело. Не пощадило землетрясение и кафедральный собор Воскресения Христова («Николай-до»). Сорокаметровая колокольня переломилась и упала шпилем на купол собора, пробив его. Раздался колокольный звон, и надломленная колокольня, треснув в сводах окон, громадными столбами, с колоколами языками вверх развалилась, разрушив ризницу, завалив кирпичами западный вход в собор.

На второй день землетрясения (колебания почвы происходили в течение нескольких дней по много раз в день) Миссия представляла собой догорающее пепелище: сгорели дотла оба дома Миссии, семинария, женское училище, три деревянных дома служащих Миссии, третий этаж библиотеки, которая насчитывала 11 тысяч томов, погиб архив Миссии. Сгорел и собор. Архиепископ Сергей свидетельствовал: «Я вошел в него северными дверями; западные двери и паперть были завалены развалинами колокольни. Уже ни дыму, ни чада. Вот догорает над южной дверью рама иконы. Во всем соборе не осталось ни вершка несгоревшего дерева. А было его много: восьмивершковые балки, везде вершковые полы, дощатые обшивки сводов потолка и купола, деревянные полы и лестницы на колокольню, деревянный трехъярусный иконостас. Деревянный шпиль. В таком величественном соборе и столько горючего материала! Как будто нарочито были собраны подтопки! Железные каркасы купола от жары размякли и обвалились внутрь собора. Колокола расплавились полностью. Металлическая и серебряная утварь вся или расплавилась, или сильно повреждена. Облачения, митры – все сгорело. Велик ли убыток? Колоссальный! Но “колоссальность” потери нужно измерять не стоимостью вещей, а тем, что все это в течение 30 лет, с 1892 года, выпрашивалось, собиралось, тщательно хранилось; что все сгоревшее – “жертвы сердца” добрых благодетелей. И вдруг в один вечер – не осталось ничего... Все я потерял: иконы, книги, труды, одежду, дома, библиотеку, школу, собор... Но не потерял одного – веры в Бога... Я повторял без ропота, но с благодарным сердцем: наказуя наказа мя Господь, смерти же не предаде мя (Пс. 117, 18)».

Архиепископ Сергей решил в этот скорбный час: «Вперед – свои силы и труды, пока хранит меня Бог, только для Бога, для ближних; только для проповеди, для возрождения... и материального, и прежде всего духовного». В своих воспоминаниях он пишет и о том, что многие японцы очень достойно вели себя в обстановке смертельной опасности.

20 октября 1923 года состоялся экстренный Собор Японской Православной Церкви, постановивший возродить Воскресенский собор. Речь шла не просто о восстановлении здания собора. Архиепископ Сергей обратился к собравшимся священнослужителям и представителям верующих с вопросом: так ли уж необходимо поднимать из руин собор, на что потребуются колоссальные расходы? В то время только в одном Токио был десяток церквей, и христиане, кроме больших праздников, редко посещали кафедральный собор. В ответ на эти слова Владыки православные японцы решили, что возрожденный собор станет центром церковной жизни, что возрождение собора станет не просто реставрацией разрушенного здания, а возрождением самой Церкви как Тела Христова.

Это решение возродить собор Воскресения Христова, принятое японцами в труднейших условиях, когда было уничтожено три четверти столицы Японии, погибли сотни тысяч людей, а многие оставшиеся в живых потеряли все, красноречиво свидетельствует о глубоком укоренении православия в Японии. В Токио осталась несгоревшей деревянная Богоявленская церковь, там продолжались службы.

В 1924–1927 годах архиепископ Сергей предпринял подомовый объезд всех православных Японии. Вот что сам он писал об этом: «Принимали меня, как Ангела Божия, я обильно учил. Утешал. Благодать Божия возродила сердца православных, убедившихся, что и сердце Церкви – Миссия... не парализовано, а живет». Между 1925 и 1928 годами архиепископ издавал православный журнал «Акэбоно» («Заря») на свои собственные средства.

С 1926 года начали сбор пожертвований на ремонт собора, который вели с сентября 1927 года. Его восстановление послужило оживлению церковной жизни во всех, даже отдаленных, приходах Японской Православной Церкви, дало всем почувствовать силу единения ее чад, стало делом личной веры и чести каждого православного японца.

15 декабря 1929 года состоялось торжество освящения восстановленного собора. Со всей Японии съехались православные и, по словам архиепископа, вместо поздравления плакали слезами радости. Все радовались, и язычники радовались: «Опять раздался звон Николая». И когда по окончании службы архиепископ, обращаясь к молящимся (по-японски) приветствовал их: «Христос Воскресе!» все ответили: «Воистину Воскресе». А на второй его привет: «Братья, сестры! Силою Христовою и наш собор воскресе!», уже прогремело могучее «Воистину собор воскресе». В собор, украшенный прекрасными копиями произведений Васнецова и Нестерова, была вложена частица русской души, и для русских людей, заброшенных судьбой в Японию в лихолетье, восстановление его явилось вторым Светлым Воскресением.

К вечеру дня храмоосвящения из Москвы пришла поздравительная телеграмма за подписью митрополита Сергея с Синодом (в то время митрополит Сергей (Страгородский), проработавший шесть лет в Японии помощником архиепископа Николая, был заместителем местоблюстителя патриаршего престола). Церковь-Мать, Русская Православная Церковь радовалась и молилась за Церковь Японскую. Рожденная Русской Церковью юная Церковь Японская, существующая в стране, где государство и религия разделены, восприняла от Апостола Японии архиепископа Николая православное христианство только как «чистое, правое учение Христа», без всякого политического привкуса и, как писал архиепископ Сергей, «без всяких прилагательных: греческое, русское, монархическое и т. п. Церковь Японская верила и верит: “источник ее чистого православия, и только его, есть теперь Московская Патриархия и иерархи, ее возглавляющие”».

После революции 1917 года отношения Японской Церкви с Церковью-Матерью были прерваны, но с 1927 года, с возобновлением официальных почтовых связей с Московской Патриархией, обе Церкви, хотя и редко (за три года всего семь раз), но обменивались письмами и телеграммами.

Владыка Сергей был одним из немногих русских иерархов за рубежом, подписавших Декларацию заместителя патриаршего местоблюстителя митрополита Сергея (Страгород-

ского) от 1927 года. В то время как остальные русские архипастыри на Дальнем Востоке вошли в юрисдикцию Русской Православной Церкви Заграницей, владыка Сергей Японский на протяжении всей своей жизни оставался приверженцем Московской Патриархии.

В докладе о положении Церкви в Японии, сделанном архиепископом Сергием в 1928 году в связи с указом Московской Патриархии о награждении его бриллиантовым крестом для ношения на клобуке, подчеркивалось, что «Японская Православная Церковь является не одной из епархий Православной Церкви Русской, но совершенно самостоятельной Церковью, чисто японской религиозной организацией, подчиняющейся юрисдикции японского министерства народного просвещения по департаменту религиозных дел и в нем зарегистрированной». 2 апреля 1931 года, ко дню Святой Пасхи, он был возведен Московской Патриархией в сан митрополита.

Предстоятель Японской Православной Церкви видел основную задачу в укреплении духовных устоев Японии при абсолютном воздержании от политики. Он сказал: «Ложечка соли дает вкус пище. Фунт соли предотвращает пищу от гниения. 40 000 православных, 300 000 всех христиан в Японии – не ложечка ли это соли? Да, только ложечка на 70 000 000 населения». Поэтому архиепископ призывал своих пасомых умножить усилия, идя путем Христовым. В 20-е годы XX столетия в Японской Православной Церкви оседло живущих, посещающих церковь, говеющих, несущих все церковные расходы было только около 16 тысяч человек, каждый год Церковь прирастала на 250–300 человек.

Всего же, по статистике, православных японцев было около 39 000.

Период спокойного церковного строительства был недолгим. Уже с начала 1930-х годов милитаристские, шовинистические настроения стали овладевать все большим числом японских политиков. Православная Церковь также стала подвергаться различным ограничениям со стороны государства. Христианство все чаще осуждалось как религия врагов японского народа. Стали попадаться расклеенные на видных местах листовки с призывом убивать верующих во Христа. Исподволь стали выявляться нестроения и в самой Церкви, зазвучали предложения об установлении независимости Японской Церкви, об избрании ее предстоятеля из японцев.

4 сентября 1940 года в связи с новым государственным законом о том, что только японцы могут возглавлять религиозные организации в стране, митрополит Японский Сергей был смещен с поста начальника Русской Духовной Миссии. Временное управление делами Церкви было поручено мирянину Арсению Ивасава, пользовавшемуся доверием военных кругов Японии. В 1941 году во главе Японской Церкви стал епископ Николай (Оно). Официально ушедший на покой митрополит Сергей (Тихомиров) продолжал оказывать помощь епископу Николаю в управлении Миссией.

Митрополит был выселен из резиденции при Токийском соборе и поселился в маленькой квартире в пригороде Токио, где продолжал совершать службы для горстки русских и японских верующих. В годы Второй мировой войны митрополит Сергей очень бедствовал, временами даже голодал, выжил только благодаря пожертвованиям оставшихся ему верными японских христиан и русских верующих. Но даже в таких условиях он не дрогнул, остался твердым и будучи лишен возможности реально руководить Миссией, хранил ее своей горячей постоянной молитвой и продолжал окормлять оставшихся ему верными пасомых. По-видимому, к 1944 году он решил вернуться на Родину, так как в октябре 1944 года получил документы о советском гражданстве. Но здоровье его ухудшилось, и он лег в больницу, а возвращение домой был вынужден отложить.

В 1945 году японские власти арестовали митрополита Сергия по ложному обвинению в шпионаже в пользу СССР. Сорок дней он подвергался жестоким пыткам в японских застенках. Но за отсутствием доказательств вины был выпущен на свободу. 10 августа 1945 года при невыясненных обстоятельствах митрополит Сергей скончался. По некоторым сведениям, он был отравлен. Ему было семьдесят четыре года, из них половину – тридцать семь лет – он

посвятил служению Японской Православной Церкви. Отпевание состоялось в разбомбленном Токио, в Воскресенском соборе, который к тому времени оставался единственным сохранившимся зданием во всем квартале. Владыка покойся на кладбище Янака в Тжио, рядом с могилой равноапостольного Николая Японского, своего великого предшественника и наставника.

Многие японские православные верующие чтут сегодня память митрополита Сергия, считают, что его неустанное миссионерское служение в течение 37 лет в Японии являет собой пример живой ревности о проповеди православия.

Память митрополита Сергия Тихомирова 8 октября.

Архиепископ Пражский Сергей (Королев)

Аркадий Дмитриевич Королев, будущий владыка Сергей, родился 18 января 1881 года в Москве на Большой Пресне в купеческой семье. Ему едва исполнилось три месяца, когда умер его отец, и все заботы о воспитании восьми детей легли на плечи матери, Марии Алексеевны. Детство Аркадия прошло в Москве, а затем семейство Королевых поселилось в усадьбе близ села Обольяново. В Обольянове Аркадий посещал школу и церковь, где, по его словам, служил «прекрасный священник» и совершалось благолепное богослужение. Тогда он мечтал прислуживать при алтаре, как прислуживали в Обольянове и по всей России дети священнослужителей. По окончании обольяновской школы Аркадий поступил в Дмитровское духовное училище, а в 1896 году поступил в Вифанскую семинарию близ Троице-Сергиевой лавры. Учеба в духовных школах усилила религиозное настроение Аркадия Королева. Его любимой книгой сделался труд святителя Феофана Затворника «Путь ко спасению».

Завершив семинарское учение в 1902 году, Аркадий поступил в Московскую духовную академию в Троице-Сергиевой лавре, где вместе с другими воспитанниками каждый день приходил за благословением к мощам преподобного Сергия Радонежского. В Академии состоялась знаменательная для него встреча с епископом Сергием (Страгородским), приблизившая его к выбору монашеского пути. Будущий Патриарх Московский, а тогда ректор Духовной академии в Санкт-Петербурге, служивший прежде в Японской миссии, производил сильное впечатление на всех студентов. Для них он был образцом ученого монаха и деятельного труженика на ниве Христовой.

Через четыре года, выдержав испытания на ученую степень, Аркадий Королев отправился погостить к своему старшему товарищу отцу Серафиму (Остроумову) – наместнику Яблочинского монастыря Святого Онуфрия в Холмской епархии. Монастырь на границе православной Руси и латинской Польши, в крае, едва вернувшемся из многовековой унии к вере предков, по всем обстоятельствам должен был нести миссионерское служение. С этой целью епископ Холмский Евлогий (Георгиевский) собирал туда и в другие монастыри своей области высокообразованных монахов и монахинь. При обителях открывались школы, приюты и хозяйства. Знакомство Аркадия с епископом решило его дальнейшую судьбу, и он без особых колебаний остался в Яблочинском монастыре.

Первым послушанием Аркадия стало преподавание Закона Божия в монастырской школе. 20 июня 1907 года он принял монашеский постриг и был наречен именем преподобного Сергия. Спустя год он был рукоположен во иеромонахи, назначен наместником монастыря и заведующим школой псаломщиков. В 1914 году состоялось его назначение настоятелем Яблочинской обители и благочинным монастырей Холмщины с возведением в сан архимандрита.

На западной окраине произошло духовное становление архимандрита Сергия. «Жизнь в монастыре с его многообразной деятельностью для дела святого православия под мудрым и благостным водительством владыки Евлогия была счастливейшим временем моей жизни», – писал он позднее. Деятельность обители не ограничивалась пределами России. Монастырь поддерживал постоянные связи с православными Галиции и Подкарпатской Руси, гонимыми униатами и австрийскими властями. Архимандрит Сергей был строг к своей братии, но столько же он был снисходителен к приходящим мирянам, покрывая людские грехи молитвой и любовью. Все видели его доброту и заботу о каждом, поэтому отец Сергей скоро заслужил уважение и образованных горожан, и холмских крестьян. «Настоящий монах по своей природе» – так отзывались о нем знавшие его, своей общительностью и искренностью разрушал обыденные рассуждения о монахе как о суровом и нелюдимом человеке.

Не прошло и десяти лет монашеского служения архимандрита Сергия, как настала Первая мировая война. Немецкие войска двинулись на восток, и в августе 1916-го настоятель с

горечью и сожалением покинул свою обитель. После войны он вернулся, но теперь это была другая страна – Холмщина, как и вся Западная Россия, вошла в состав Польского государства.

Православные, укрывшиеся от красного погрома под сенью возрожденной Речи Посполитой, и здесь оказались гонимы. Тоже закрывались и разрушались храмы, тоже устраивались публичные глумления, тоже «вызывались» и арестовывались несогласные священнослужители. Ситуация осложнялась внутрицерковной смутой из-за вопроса об автокефалии польской Церкви. Часть духовенства, при поддержке государства, добивалась создания Польской Православной Церкви, независимой от Московской Патриархии. Другая часть стремилась сохранять и поддерживать каноническую связь с Русской Церковью и видела в православных подданных Польши часть единого русского народа. Среди последних был и чуждый всякой политики архимандрит Яблочинского монастыря.

Указом Патриарха Тихона от 20 октября 1920 года отец Сергей был назначен епископом Бельским (Бяло-Подляшским) с возложением на него временного управления Холмской епархией. 17 апреля 1921 года в соборе Вилленского Свято-Духовского монастыря состоялась его архиерейская хиротония. Однако он не смог исполнить возложенное на него послушание. Польские власти не признали хиротонию епископа Сергея действительной, и он был вынужден оставаться в своем монастыре. Тем временем обстановка накалялась, и государство пошло на открытое вмешательство в церковные дела. Несогласные иерархи, не имевшие польского гражданства, были подвергнуты высылке. Епископ Сергей был вызван в Люблин, где его арестовали и оттуда в апреле 1922 года вывезли в Чехословакию.

Приехав в Прагу без денег и знакомых, он добрался до храма Святителя Николая, где совершались русские богослужения, и поручил себя заботе Чудотворца. Случайный прохожий обратил внимание на одиноко стоящего священника и отвел его к русскому эмигрантскому представителю. Тот подыскал ему квартиру. Вскоре бывший епископ Холмский, западноевропейский митрополит Евлогий назначил владыку Сергея епископом Пражским и своим викарием в Чехословакии, Австрии и Венгрии.

В жизни русского зарубежья 20—30-х годов XX века Прага занимала особое положение. Оказавшись в изгнании, многие деятели русской культуры откликнулись на провозглашенную чешским правительством «русскую акцию» и поселились в городе на Влтаве, чтобы там продолжить труды на благо утерянного Отечества. Совместными усилиями чешских властей и русской общественности открывались русские школы, гимназии и высшие учебные заведения. Выходили издания, широко известные всей эмиграции. Из разных концов Европы сюда съезжалось русское студенчество с надеждой, что полученное образование будет востребовано в будущей свободной России.

Все это происходило в мире, едва оправившемся от потрясений войны и революционного насилия. Сохранение русской культуры Промысл Божий доверил людям, лишившимся привычного жизненного уклада, чьи судьбы были переломаны Октябрьским переворотом и Гражданской войной. Выдворенный из Польши, епископ Сергей должен был ободрить труждающихся и примирить озлобленных, сделав духовную жизнь во Христе основой интеллектуального совершенствования и бытового благополучия своей паствы. Из тридцати одного года своего архиерейского служения двадцать четыре (1922–1946) он провел в Праге. Духовный облик владыки Сергея, вобравший в себя лучшие черты православного святительства и старчества, привлек к нему множество людей.

«Мы призваны к общей жизни, и общение с людьми есть поэтому христианский долг, – говорил владыка Сергей в беседе «О подвиге общения». – Человек, общаясь с другими и творчески преодолевая разделение, раскрывает свои ценности, обогащается сам и тем самым обогащает других». Современники отмечали, что вся «политика» епископа Сергея заключалась в том, что он постоянно участвовал в жизни своих прихожан, часто исполняя обязанности приходского священника. В Праге не было русской семьи, где он не крестил бы детей, не венчал

молодых и не напутствовал умирающих. Он знал всех русских пражан по имени, помнил об их семейных праздниках и не упускал возможности спеть «многая лета» и преподнести подарки виновникам торжеств.

Велика была его помощь нуждающимся и забота о больных. Как правило, у него не залеживались пожертвованные ему деньги, перчатки, теплые вещи и т. п. Бедность среди эмигрантов была делом обычным, а он не мог оставить ближних без утешения. Преосвященный навещал больных дома и приходил к ним в больницы. Собираясь в больницу, он всегда брал с собой икону и, водрузив ее у постели недужного, служил краткий молебен о его исцелении. Потом говорил незамысловатые слова: «Да, да, вот так, больны, ну, ничего. Господь посылает нам испытания. Да, вот. За все благодарите Господа. И всегда будьте радостны. Ну, вот. Все хорошо будет».

Даже среди шума и суеты владыка Сергей умел оставаться с человеком «один на один», чтобы понять, успокоить и незаметно указать ему выход из любой затруднительной ситуации. Друзья и прихожане с умилением вспоминали его большой черный мешок, откуда попадавшие навстречу Владыке дети непременно получали яблоки и сладости. За доброту и необычный для европейского города внешний вид (а он всегда ходил в рясе) пражская ребятня прозвала епископа Сергия «святым Микулашем», то есть святым Николаем.

«Надо уметь освящать наши взаимоотношения светом Христовой истины, чтобы они приносили нам благо. Отыскивая в каждом человеке образ Божий, мы становимся соработниками Божиими на земле», – говорил отец Сергей. *Идеже бо еста два или трие собрани во имя Мое, ту есмь посреде них* (Мф. 18, 20), – проповедовал он и стремился приучить к общению во славу Божию всех окружающих. В специально нанятом помещении он устроил Николаевское подворье, куда после богослужений собирались все желающие, за чашкой чая общались между собой и беседовали со своим архипастырем. Из воспоминаний митрополита Евлогия:

«Приходская жизнь под водительством владыки Сергия забила ключом. Скромный, простой, смиренный, преосвященный Сергей обладал редким даром сплачивать вокруг себя людей самых противоположных: знатные и незнатные, ученые и неученые, богатые и бедные, правые и левые... – все объединились вокруг него в дружную семью.

Владыка Сергей живет убого, в одной комнатке, на 4-м этаже, у старушки-чешки. Эта скромная квартира привлекает многих. По четвергам владыка Сергей устраивает «чай» – на столе появляется самовар. Кто-кто на этих «четвергах» только не перебивал! Молодежь – студенты – забегают к нему иногда и без приглашения подкрепиться или переночевать. Гостеприимный владыка – отличный хозяин; на кухне у старушки-чешки он сам и грибы солит, и варенье варит, и рыбу маринует. Можно встретить его и на базаре с огромным черным мешком в руках. Кто из его друзей не знает этого примечательного мешка, столь хитрого устройства и столь необычной емкости, что в нем помещается кипящий самовар? Приятный сюрприз иногда для хозяев, когда владыка Сергей приходит в гости...

Помню, приехали мы с архиепископом Владимиром как-то раз в Прагу и остановились у преосвященного Сергия. В комнате тесно: мы, кроме нас студенты (ночевать пришли), посреди комнаты стол с самоваром, с посудой... – как на ночлег устроиться? Ничего, устроились. Мне предоставили кровать, высокопреосвященному Владимиру – диван, владыка Сергей лег под столом, а студенты – на полу в передней. Неудивительно, что Пражский приход ожил, когда во главе его стал пастырь, который живет только для других, совсем не думая о себе».

Особым вниманием Пражского епископа пользовалась русская молодежь. Он был частым гостем на собраниях и съездах Русского студенческого христианского движения. Уважение, с которым он приходил к молодым сердцам, и его непосредственность сделали владыку Сергия своим среди его младшей паствы. Теперь каждый субботний вечер молодые люди и девушки стремились не на танцы и увеселения, а на Всенощное бдение к своему духовному отцу.

Православное богослужение совершалось в столице Чехии со второй половины XIX века. Тогда многие славянофильски настроенные чехи обратились в православие. В 1874 году, при активном участии русской дипломатии, австрийские власти передали православным старинный собор святителя Николая на Староместской площади. В 1924–1925 годах, при поддержке премьер-министра Чехословакии К. Карамаржа и его русской супруги Надежды Николаевны, на русском кладбище в Олышанах был построен храм в честь Успения Пресвятой Богородицы.

Епископ Сергей использовал уставное богослужение как сильнейшее миссионерское средство. Кроме воскресных и праздничных дней, он служил каждую среду и пятницу. Не имея вокруг себя многочисленного духовенства, он с помощью одних юных прислужников создавал торжественные архиерейские службы. Нередко преосвященный становился на клирос и четко вычитывал положенные стихословия. В будние дни, когда прислужники сидели в гимназических классах и аудиториях, он сам, как смиренный пономарь, ходил со свечой на Малый и Великий вход. Он обладал самой непритязательной внешностью: полный, сутуловатый, маленького роста, с огромной, как казалось, головой и обычной суетливостью и услужливостью. Сидя среди гостей у кипящего самовара, он сам над собой подтрунивал: «самоварчик толстенький, и Владыка толстенький». Не был он и хорошим оратором, предоставляя произнесение торжественных речей своему лучшему другу и многолетнему сподвижнику архимандриту Исаакию (Виноградову; 1895–1981). Но совершенно иного Владыку видели на богослужениях: он весь преображался, появлялась правильная осанка, степенность в движениях. «Перед нами был князь церкви, воодушевленный, устремленный, даже величественный. Его манера произносить молитвы, ясность чтения текстов, общая возвышенность стиля его служения неизменно покоряли и увлекали молящихся», – вспоминали об этих службах прихожане. Многие из них плакали, и все уходило радостными. Самыми светлыми и торжественными службами владыки Сергея были службы Святой Пасхи, которую празднуют постившиеся и не постившиеся, праведные и грешные, ибо Спаситель, победивший грех, дает радость всему миру.

Многих людей нецерковных, живших доселе идеями и утопиями Запада, Владыка привел в церковь, действуя исключительно силой своей доброты. При нем не принято было говорить о политике, да и сам он сторонился всякой «принципиальной борьбы». Владыка был искренним патриотом и свято верил в то, что «если каждый признает свою вину в разрушении России и покается в ней, то Господь дарует спасение нашей Родине».

В марте 1939-го немецкие войска вошли в Прагу. Многие прихожане владыки Сергея оказались в концентрационных лагерях, а сам он снова лицом к лицу оказался с беспощадной государственной машиной. С началом немецкой оккупации для него началось время скорби и исповедничества, которое продлилось до самой смерти святителя. Он защищал гонимых и укрывал у себя бежавших из немецких концлагерей, это могло стоить ему жизни, благо рядом был пример главы православных чехов епископа Горазда, принявшего мученическую смерть за то, что в его храме скрывались бойцы чешского Сопротивления.

В России разворачивались события, приковывавшие его внимание куда больше, чем все опасности. Сталинское правительство стало активно эксплуатировать патриотические ценности и было вынуждено пойти на уступки Церкви. Оскверненные храмы возвращались верующим, возобновлялось духовное образование, было восстановлено патриаршество, и Патриархом Московским и всея Руси стал митрополит Сергей (Страгородский), с молодости почитаемый епископом Сергием. Гитлеровцы настаивали на признании этого акта незаконным. 21 октября 1943 года в Вене состоялось совещание зарубежных иерархов во главе с предстоятелем Зарубежной Церкви митрополитом Анастасием. Был там и владыка Сергей. Итогом совещания стало подписание декларации, провозгласившей избрание Московского Патриарха не соответствующим церковным канонам. Владыка громогласно объявил свой протест и отказался подписать документ. Однако власти не решились трогать уважаемого епископа и опубликовали декларацию вместе с его поддельной подписью.

На просторах России закончилось победоносное шествие немецкой армии. Советские дивизии рвались в Европу. По разным обстоятельствам многие жители оккупированных областей уходили вслед за отступающими частями Вермахта, боясь преследований со стороны коммунистов. Прагу наводнила волна русских беженцев, и всех их утешал постаревший от переживаний епископ Сергей. Сам епископ Сергей несколько раз подвергался арестам и обыскам, но остался на свободе. Он со смирением принимал все скорби и с любовью смотрел на творивших беззакония заблудших русских людей. В последний день войны на Николаевское подворье с обыском пришли три красноармейца. Стоило владыке Сергию только взглянуть на них своими благостными очами, как тягостная процедура прекратилась, и вскоре красноармейцы вместе со всеми верующими сидели за столом и угощались пасхальной трапезой.

После окончания войны общины, входившие в юрисдикцию митрополита Евлогия, воссоединились с Русской Православной Церковью. В 1946 году, ко дню двадцатипятилетия епископской хиротонии, владыка Сергей указом Патриарха Алексия (Симанского) был возведен в сан архиепископа. Вскоре он возглавил Среднеевропейский экзархат. В Вене Владыка продолжил свой пражский путь. Он так же утешал страждущих, помогал разоренным войной, на его богослужения собирались не только православные, но и старокатолики и протестанты, и всех он учил христианскому общению на скромных застольях у себя на квартире. Сам он находился под постоянным наблюдением спецслужб, но когда ему предложили бежать в американскую зону оккупации, он ответил: «Нет. Меня вернут в Россию, и там я умру. Я останусь на месте, которое определил мне Бог».

В 1948 году его перевели в Берлин на Германскую кафедру. Там он снова подвергся обыскам и допросам. 26 сентября 1950 года осуществилось его заветное желание – владыка Сергей был назначен в Россию архиепископом Казанским и Чистопольским. Покидая Берлинскую кафедру, он был свободен от каких-либо иллюзий. Семь лет, прожитых в оккупированной немцами Праге, и еще пять лет под надзором спецслужб в разных городах просоветской Европы прибавили к его пастырскому подвигу подвиг исповедничества. В застенках НКВД пропадали его духовные чада, на его глазах рушилась жизнь ближних. Впереди его ждали новые испытания, но радость близкой Родины была сильнее всех естественных страхов. Он прибыл в Казань 26 сентября 1950 года и отслужил первое богослужение в кафедральном Никольском соборе на улице Баумана. И в Казани он продолжал делать то, что делал и во время польского гонения, и при нацистах. Снова на богослужение стекалось множество людей, снова церковные стены оглашались его тихим голосом, снова он с любовью и добротой смотрел на каждого приходящего к нему. Владыка Сергей внес в богослужебную жизнь города свойственный ему творческий дух.

Несмотря на преклонный возраст и слабое здоровье, он исправно выстаивал все службы и давал прихожанам духовные наставления. Люди, служившие с ним, вспоминают, как при нем само собой прекращалось праздное хождение по алтарю, и просто совестно было вести лишние разговоры. При этом все его замечания священнослужителям носили исключительно доброжелательный характер и были сопряжены с молитвой о них. Он ввел ежедневное служение молебнов Богородице после литургии и обязательное пение акафиста в честь Ее Казанской иконы на воскресной вечерне. Кроме того, владыка Сергей украсил древний список с Казанской иконы Божией Матери, находящийся в кладбищенской церкви, девятью лампадами и опубликовал в Журнале Московской Патриархии статью, посвященную истории Казанского образа. В том же храме на Арском кладбище под престолом бокового придела при владыке Сергии был сокрыт ларец с частью мощей святителя Германа Казанского († 1567). Ларец пролежал там до Великого поста 2000 года, когда был случайно найден, и летом того же года с торжеством перенесен в Успенский монастырь на острове Свияжске. Может, только благодаря этому святыня не разделила участи мощей другого казанского святителя Варсонофия († 1576). Мощи святителя в годы застоя выбросили на свалку.

Владыка жил в двухэтажном деревянном домике. Свою комнату все время украшал цветами и молодыми ветками. Любил по вечерам гулять по казанским улицам. Он не изменил пражскому обыкновению всегда ходить в рясе или подряснике и добираться до храма пешком. Во время прогулок архиепископ Сергей подмечал, где люди живут бедно, у кого требует ремонта дом, а потом старался помочь им. Люди, знавшие его, отмечают, что он никого не баловал подачками, но помогал именно тем, кому это было нужно, а на такую помощь порой уходил весь его архиерейский доход. Каждому человеку он уделял время в храме, а особенно близких людей приглашал домой, поил чаем из старого самовара и кормил вареньем собственного приготовления.

В годы казанского служения владыка Сергей не оставил и свою зарубежную паству. Он молился за всех своих многочисленных знакомых и духовных чад, вспоминал Яблочинский монастырь, Прагу, Вену, Берлин, покойного митрополита Евлогия, портрет которого висел в одной из комнат архиерейского дома. Некоторым близким людям он рассказывал о своей жизни и жизни русского православного зарубежья. Однажды ему удалось обменяться письмами со своими берлинскими чадами, которые ничего точно не знали о его судьбе и беспокоились о нем. Но поскольку такие письма непременно прочитывались чекистами, он не мог написать о себе многого.

Его архипастырство не ограничивалось Казанью. Он много ездил по своей епархии и бывал в соседней Чебоксарской. Как-то во время торжественной встречи в Кафедральном соборе Чебоксар, когда епископ Иов (будущий архиепископ Казанский) говорил слово в честь прибывшего гостя, владыка Сергей поклонился ему до земли, а потом успокаивал смущенного собрата словами: «Я кланяюсь твоему дару красноречия, я такового не имею».

Известный православным казанцам церковный старожил Виктор Андреевич Лошадкин не раз путешествовал по Татарии в качестве архиерейского иподиакона. По его словам, никто другой не удостоивался такого радушного приема, с каким народ встречал архиепископа Сергея. Осенью 1951 года владыка Сергей отправился на юг Республики, в Нурлатский район, где должен был освятить переданный верующим Тихвинско-Богородский храм села Тюрясева. В числе сопровождавших его лиц был и 26-летний иподиакон Витя, который спустя полвека с мельчайшими подробностями вспоминал те дни:

«Мы добрались до Нурлат на поезде через Ульяновск. На станции не было перрона, и Владыка, уже старенький, не мог сам сойти с подножек, так что мне пришлось брать его на руки. За нами пришла полуторка, и мы поехали в Тюрясево... Открытие Тюрясевской церкви было заслугой Владыки, она тогда была вся разломана, не было и иконостаса, но люди ждали службы. Когда Владыка шел к храму, народ выстроился в живой коридор длиной в 150–200 метров. Владыка был в мантии и клобуке с посохом, мы шли за ним. Женщины постилали перед ним пуховые платки на землю. Большинство впервые видели архиерея, а те, что видели других архиереев, встречали его как настоящего святителя! Многие сперва кланялись в землю, а уже затем подходили под благословение. Мы отслужили Всенощную в честь Покрова Божией Матери, а на следующий день Литургию, и пообедав, отправились в соседнее село Биляр Озеро... В Биляр Озере нас встречали еще приветливее. Услышав, что приехал Владыка, народ собрался из окрестных деревень. Лицо у Владыки было светлое, улыбающееся. И вот снова люди выстроились в две шеренги, и женщины снова расстилали на пути Владыки платки. Мужчин было меньше, и они стояли в стороне. Правда, некоторые подходили под благословение (наверное, на фронте страху натерпелись). В стороне же выстроились школьники вместе с учительницей, человек шестьдесят. Они смотрели на происходящее со вниманием и удивлением и, пожалуй, не видели такого ни в жизни, ни в кино. Во время службы в храме не было свободного места. Отслужив Всенощную и Литургию, мы поехали обратно в Казань».

Владыка Сергей умер 18 декабря 1952 года в день памяти святителя Гурия Казанского († 1563). До самого последнего дня рядом с Владыкой была его преданная духовная дочь

монахиня Сергия († 1969), знавшая его еще архимандритом Яблочинского монастыря. После мытарств по сибирским ссылкам она поселилась в Казани, в доме, который архиепископ Сергей помог купить ей и еще нескольким монахиням.

Кладбищенская церковь Ярославских чудотворцев не раз провожала тех, кто был дорог православным казанцам. В годы гонений под ее сводами укрылись мощи первого казанского архиепископа святителя Гурия. С 18 по 21 декабря 1952 года в ее врата нескончаемым потоком шли те, кто хотел почтить нового святителя Казанской Церкви. Минувя телеграфные агентства, весть о его смерти пришла в Зарубежье. Молитвы о новопреставленном возносились в Старом и Новом Свете, слезы и радость соединили рассеянных и угнетенных русских людей. Заупокойное Евангелие по владыке Сергии читал уважаемый им казанский протоиерей Борис Филипповский. На четвертый день состоялось отпевание, которое служил архиепископ Макарий Можайский вместе с многочисленным собором духовенства Казанской и Чебоксарской епархий. Могилку за алтарем тут же выложили хвоей и искусственными цветами из его комнаты. Вошли в историю Русской Церкви слова, которыми архиепископ Макарий почтил своего усопшего собрата: «Словами твоих достоинств нельзя выразить, слава твоя – это весь народ, собравшийся проводить тебя».

День памяти архиепископа Пражского Сергия (Королева) 18 декабря.

Игумения Сергия (Мансурова)

С именем монахини Сергии Мансуровой (1861–1926) неразрывно связано создание Рижского Троице-Сергиева женского монастыря, она же была первой его игуменьей. При первой настоятельнице складывались как внутренний строй жизни, так и облик монастыря.

Екатерина Мансурова (будущая монахиня Сергия) была духовной дочерью аносинской игумении Евгении (Озеровой) и переняла заветы Аносиной пустыни. «Женской Оптиной» называли Борисо-Глебский Аносин женский монастырь в среде отечественных боголюбцев. Обитель была основана игуменьей Евгенией (Мещерской), которая приходилась тетей известному русскому поэту Ф.И. Тютчеву, и стяжала такую славу среди людей высокой духовной жизни всего за 105 лет своего существования. В предреволюционные годы, благословляя избрать монашеский путь, преподобный Варсонофий Оптинский назначал для его прохождения именно Аносину пустынь и еще два других женских монастыря, настоятельницами которых были аносинские сестры.

Основание в Риге Троице-Сергиевой обители было положено в 1881 году фрейлинами императорского двора – Марией Николаевной Мансуровой (урожденной княжной Долгоруковой) и ее дочерьми Екатериной и Наталией. Девочки родились в благочестивой семье: мать была глубоко верующей женщиной, щедрой благотворительницей; отец, Мансуров Борис Павлович, государственный деятель, один из основателей (1860) и управляющий делами Палестинского комитета, задачей которого было устройство богоугодных и странноприимных заведений в Святой Земле. Продолжительное время вместе с родителями сестры проживали в Святой земле, где укреплялось их желание послужить Богу. Мария Николаевна с дочерьми Екатериной и Наталией, будучи членами церковно-приходского попечительства московской Свято-Пименовской церкви, знали всех бедняков своего прихода, посещали их, вникая во все нужды.

В 1886 году тяжело заболела младшая дочь Мансуровых Наталия, и семья переехала в Ригу. Прошел год мучительных волнений, и девочка начала поправляться. По некоторым предположениям, именно в это время Наталия высказала мысль о том, что было бы хорошо в благодарение Богу за ее выздоровление основать в Риге обитель. Вероятно, в этот период у сестер сложилась тайная мысль о пострижении в монашество.

А пока старшая, Екатерина Мансурова, трудилась над открытием в Риге общедоступной воскресной школы с обучением на русском языке. 22 января 1889 года состоялось освящение и открытие этого учебного заведения. Газеты того времени восторженно писали: «Нельзя не радоваться тому, что стараниями юных энтузиасток русского общества в Риге имеет место столь благое дело, направленное на просвещение женщин и девочек из неимущих семей». Постоянно соприкасясь с жизнью воскресной школы, наблюдая за судьбами детей, Мансуровы поняли необходимость создания приюта для девочек-сирот. Приют был открыт 18 апреля 1891 года. Одновременно с приютом Мансуровы учредили богадельню. В работу приюта включились благочестивые женщины, имевшие опыт не только в воспитании детей, но и в молитвенной жизни. Скоро удалось организовать непрестанное чтение Псалтири – днем и ночью, с поминовением живых и усопших благотворителей. Раз в неделю в приюте совершались молебны с чтением акафистов. Сюда стали приходить рижане со своими духовными нуждами. Примечательным событием стало посещение приюта и богадельни епископом Рижским и Митавским Арсением (Брянцевым). Владыка Арсений познакомился с жизнью детей и взрослых, а затем благословил всех присутствовавших иконой Живоначальной Троицы. Он преподнес в дар вновь образованной общине, закрепив за нею наименование Свято-Троицкой. Для духовного чтения владыка Арсений передал полный круг Четиих Миней. Так в богадельне при частном приюте Мансуровых были заложены основы монастырской жизни будущей общины.

8 июня 1892 года Екатерина Борисовна Мансурова подала официальное прошение об открытии и устройении общины. Указом Святейшего Синода от 5 октября 1892 года благотворительное учреждение Мансуровых было преобразовано в Рижскую Свято-Троицкую женскую общину. Правила, определяющие порядок жизни сестер общины, в свое время были составлены митрополитом Московским Филаретом для Спасо-Бородинского монастыря. Среди благотворителей, духовно и материально поддерживавших общину, был и святой праведный Иоанн Кронштадтский, посетивший общину в 1894 году и утешивший сестер неоднократно повторенными словами: *«Умножится, разрастется...»*

Благодаря многочисленным пожертвованиям в 1893 году было завершено возведение храма во имя преподобного Сергия Радонежского.

В 1894 году наместник Троице-Сергиевой лавры архимандрит Павел (Глебов), духовно окормлявший сестер Мансуровых, с благословения архиепископа Арсения совершил в Риге иноческий постриг Екатерины и Наталии с новыми именами: старшая – в честь покровителя Рижской обители преподобного Сергия Радонежского, а младшая – с именем преподобного Иоанна Лествичника.

Через несколько лет был образован скит Рижской Свято-Троицкой общины, названный Спасо-Преображенской пустыней. В середине лета 1899 года в пустыни был освящен храм. Кроме церкви, были построены часовня, корпус для сестер и священнослужителей, а также странноприимный дом, на втором этаже которого была открыта приходская школа.

Определением Святейшего Синода от 31 декабря 1901 года Рижская община была переименована в Троице-Сергиев женский монастырь. Настоятельницей обители была назначена учредительница общины Сергия. А 15 сентября 1902 года настоятельница обители Екатерина Борисовна Мансурова, в монашестве Сергия, была возведена в сан игумении. К 1902 году количество сестер Свято-Троицкой общины достигло ста четырнадцати человек. Там уже имелись свечной завод, детский приют на сорок девочек, двухклассная с четырьмя отделениями школа на сорок учениц, иконописная и швейная мастерские. При общине действовала бесплатная столовая для бедных, в которой ежедневно получали питание до ста пятидесяти человек.

В первое время о строительстве собора нечего было думать. Но инокиня Екатерина (Мансурова), проявляя незаурядное терпение, вела переговоры с деловыми людьми, благотворителями, решала вопросы, связанные с будущим подрядом на строительные работы. Одновременно она думала над архитектурным решением самого здания, делая заказы на составление эскизов внутреннего обустройства храма.

Когда строительство самого здания собора было завершено, предстояло начать обустройство внутреннее, но средств не было. Тогда по благословию Святейшего Синода 1 октября 1906 года по всему государству был произведен Всероссийский (единоразовый) церковный тарелочный сбор средств на продолжение строительства собора. Это позволило игумении Сергии (Мансуровой) заказать иконы для иконостаса в иконописной мастерской Троице-Сергиевой лавры и продолжить переговоры о приобретении необходимой утвари и облачений. К этому времени из Рижской Консистории был получен указ, разрешающий создание в строящемся храме склепа-усыпальницы для основательниц.

18 ноября 1907 года состоялось освящение соборного храма во имя Святой Троицы. Монастырский Свято-Троицкий собор сразу получил признание православных рижан, и это во многом способствовало весьма успешному формированию еще одного православного духовного центра Риги. Собор, рассчитанный на 1500 человек, был построен по проекту рижского архитектора К.Х. Пекшена. Изначально здесь располагался дубовый резной иконостас, иконы были написаны в мастерских Троице-Сергиевой лавры, с которой издавна у монастыря существовала тесная связь. Сегодня в соборе – великолепный золоченый иконостас, ранее принадлежавший храму Рождества Христова. С 1961 года собор во имя Пресвятой Троицы состоит в ведении епархии и выполняет функции городского кафедрального собора.

К 1908 году была обустроена домовая церковь в честь Преображения Господня в Спасо-Преображенской пустыни. Вскоре был освящен в пустыни деревянный храм во имя преподобного Иоанна Лествичника. Жизнь пустыни налаживалась. Странноприимный дом принимал паломников. Работала церковноприходская школа. Были и воскресные занятия с детьми. В богадельне ухаживали за больными и одинокими пожилыми женщинами. Основательницы монастыря игуменья Сергия и монахиня Иоанна были духовными наставницами для сестер, подвизавшихся в пустыни.

21 июня 1910 года почил Борис Петрович Мансуров, отец основательниц монастыря. Его погребение состоялось в нижнем помещении Свято-Троицкого монастырского храма. Местоположение собора с церковью в крипте было обозначено еще в 1891 году архитектурно-строительным планом, разработанным по заданию Екатерины Мансуровой петербургским архитектором Величко. Обширное сумрачное полуподвальное помещение превратилось в благолепный, величаво-строгий храм в честь Успения Божией Матери. Иконостас по эскизам художника А.П. Бабушкина был сделан в Абрамцевской мастерской. Там же изготовили дубовое паникадило и дубовый запрестольный семисвечник. По рисункам художника А.П. Барышникова, преподавателя Строгановского училища, была выполнена и установлена вдоль левой стены храма «Гефсимания», гробница с плащаницей Божией Матери под резной дубовой сенью с неугасимыми лампадами. Был изготовлен специальный комплект облачения из синего бархата и под цвет ему архиерейское одеяние из парчи. Над могилой Б.П. Мансурова была установлена резная доска с надписью, а само место упокоения отделено массивной решеткой.

29 января 1914 года из жизни ушла Мария Николаевна Мансурова и была погребена рядом с супругом. В некрологе отмечались ее заслуги в создании в Риге общедоступной народной библиотеки, детского дома трудолюбия, воскресной школы и монастыря. Говорилось также о ее деятельности в качестве почетной председательницы и попечительницы различных обществ, в том числе частной рижской женской гимназии.

В годы Первой мировой войны на территории монастыря был открыт лазарет на семьдесят коек. В Рижской обители и пустыни шили белье и одежду для воинов, в трапезной кормили солдатские семьи, помещения монастыря одно за другим отводились для помощи нуждавшимся. В 1915 году война приблизилась к Спасо-Преображенской пустыни. Насельницы были эвакуированы. Осенью немецкие войска заняли всю Курляндию. Но жизнь в Рижском монастыре продолжалась. Оставшиеся сестры кормили голодных. Каждый день в храме преподобного Сергия совершалась Божественная литургия.

После Октябрьского переворота над монастырем постоянно довлела угроза закрытия. Началось самоуправство местных властей: отбирались земли, лесные угодья, а также вся собственность Мансуровых, которая была завещана монастырю. Смена правительства в 1920 году не изменила негативного отношения к Рижской женской обители. По распоряжению министра внутренних дел независимой Латвии 28 мая 1921 года в монастыре была произведена опись всего движимого и недвижимого имущества и всех находящихся в обители частных лиц. Угроза национализации и закрытия стала реальностью.

Во время Первой мировой войны (в 1914 или 1915 г.) монахинь Сергию и Иоанну переместили в Новгород, в Мало-Кириллов монастырь, где они находились примерно до 1926 года, а затем переехали в город Пушкино, где старшая из сестер в 1926 году окончила свой жизненный путь. По благословию митрополита Рижского и Латвийского Леонида (Полякова) ее останки были перевезены и перезахоронены в основанной ею Спасо-Преображенской пустыни в 1985 году.

Монахиня Иоанна (Мансурова) была арестована в 1931 или 1932 году и сослана, предположительно, в Среднюю Азию. По дороге в ссылку ее почитателям и друзьям удалось скрыть матушку. Вероятно, ей помогла скрыться матушка Серафима (Чичагова), которая в 1912 году была послушницей в Рижском монастыре. С весны 1932 по весну 1935 года матушка Иоанна

жила, скрываясь, в городе Геническе на берегу Азовского моря, где умерла и была похоронена. Место ее захоронения неизвестно.

Сегодня Свято-Троице-Сергиев монастырь представляет собой благоустроенную обитель.

Строй жизни, в основе которого по-прежнему лежит сочетание молитвы и труда, подчиняется правилам общежительного монастыря. В монастыре проживают 140 сестер, и он мало похож на ту тихую лесную обитель, где возносили молитвы первые насельницы. Но по-прежнему стоят храмы – свидетели тех молитв. Кресты на монастырском кладбище напоминают о старцах, служивших в пустыни, и о сестрах, подвизавшихся здесь. Как и более ста лет назад, и сегодня монастырь радушно встречает каждого гостя.

С середины 1990-х годов по благословению митрополита Рижского и всея Латвии Александра возобновлена традиция крестного хода с чтимым образом Пресвятой Богородицы, именуемым «Достойно есть», из рижского Троице-Задвинского храма в Спасо-Преображенскую пустынь к празднику Преображения Господня. Это духовное торжество собирает огромное количество верующих со всех уголков Латвии. Так, с молитвой и в трудах, по заветам своих первых основательниц – благочестивых сестер Мансуровых протекает жизнь Рижского Троице-Сергиева женского монастыря и Спас-Преображенской пустыни.

Великий князь Сергей Александрович

Великий князь Сергей Александрович, сын царя Александра Николаевича и царицы Марии Александровны, родился 29 апреля 1857 года. Назвали ребенка в честь преподобного Сергия. С ранних лет его, как и других мальчиков царской семьи, готовили к государственной службе. В день своего рождения он был зачислен в лейб-гвардии Преображенский полк.

Возможно, единственное, чем отличался пятый сын царя от других представителей великокняжеских семей, была его особенная набожность. Ею он обязан в первую очередь своей матушке, императрице Марии Александровне. Прусская принцесса, принявшая православие со вступлением в брак с наследником русского престола будущим императором Александром II, Мария Александровна всей душой восприняла «русскую веру» и сумела внушить глубокое благоговение перед русскими святынями своим восьмерым детям. Царица часто совершала паломничества в русские монастыри, никогда не утомлялась длительными молитвенными бдениями. Мария Александровна, особенно в последние годы своей жизни, по отзывам современников, более походила на русскую монахиню, чем на государыню императрицу. Этим она как бы продолжала традиционный для русских цариц прежних веков уклад жизни. От матери Сергей Александрович воспринял привычку ежедневного чтения Евангелия, неукоснительного совершения молитвенного правила и уставного посещения храма. Когда в 1881 году архимандрит Антонин (Капустин), подвизавшийся в Иерусалиме и хорошо знавший тайные благочестивые дела императрицы, ее пожертвования на Святой Земле, увидел великих князей Сергея и Павла Александровичей в Иерусалиме и убедился в глубине и чистоте их христианской веры, он записал в своем дневнике: «Чистые, благие и святые души царевичей пленили меня. Это, несомненно, она, высокая боголюбивца и смиренная христианка, возрастила и сохранила их такими в уладу и похваление всем, ревнующим о духе, небе, Боге. Мир духу ее».

Воспитание младенца было поручено фрейлине двора Анне Федоровне Тютчевой, старшей дочери поэта Федора Тютчева. Приобщенная с детства к высоким традициям нашей отечественной культуры, она стремилась передать это и своему воспитаннику. Будучи женой Ивана Сергеевича Аксакова, она разделяла его православно-патриотические взгляды. Ее благотворное влияние на великого князя в самый ранний и очень ответственный период формирования личности несомненно. Она рано научила его любить свою Родину, Русскую землю, Православную веру и Церковь. Она не скрывала от царских детей, что они не свободны от терний жизни, от скорбей и горя, неизбежных спутников человеческой судьбы и должны готовиться к мужественной их встрече, закаляя их характер и воспитывая их сердце в любви к родной истории. Великий князь впоследствии не раз посещал свою воспитательницу и благодарил за добрые спасительные семена, которые она посеяла в его душе в юные детские годы.

Когда ему исполнилось семь лет, государь назначил воспитателем сына капитан-лейтенанта Дмитрия Сергеевича Арсеньева. Новый воспитатель искренне полюбил послушного, нравственно чуткого и весьма одаренного мальчика. «Первые дни жизни при Сергии Александровиче были мне очень отрадны, — вспоминал позже Д.С. Арсеньев, — он молился при мне еще в это время вслух и молился всегда очень усердно и внимательно». Многолетнее общение со своим воспитанником еще больше расположило к нему наставника: «Я убедился, что Сергей Александрович был доброе, чрезвычайно сердечное и симпатичное дитя, нежно привязанное к родителям и особенно к матери, которую он всегда обожал, к своей сестре и младшему брату».

Закон Божий великому князю преподавал протоиерей Иоанн Васильевич Рождественский. Это был священник, отличавшийся высокими духовными качествами, которые еще более укрепились в посланных ему Божиим Промыслом испытаниях: перед принятием священства он потерял жену и всех детей. Конечно, не случайно именно такой священник, которому столь понятен был духовный путь Иова, должен был воспитать будущего мученика и супруга муче-

ницы. Отец Иоанн собственноручно составил для князя Сергея специальную книгу для изучения Закона Божия. Эту книгу великий князь хранил до своей кончины. В жизни великого князя многократно проявлялась его искренняя любовь к Богу и Церкви, к обрядовой стороне православия. Любимыми его святыми с детства стали преподобный Сергей Радонежский и его ученик – преподобный Савва. Преподобный Сергей был тезоименитым святым великого князя. Не потому ли, родившись в Петербурге, князь постоянно тяготел к Москве, к ее святыням, Москве отдал свои силы – и в ней же окончил свои дни? Еще в 1865 году, когда ему было всего восемь лет, Анна Федоровна Тютчева привезла его в древнюю русскую столицу. Здесь он посещал монастыри: Чудов, Николо-Угрешский, Савво-Сторожевский и другие. Здесь постигал он красоту и святость русских древних монастырей. В этих монастырях настраивалось на русский лад его сердце. Здесь услышал он много исторических преданий о Святой Руси.

Жил он вначале в Нескучном дворце, а затем в Кремле. На детскую душу произвели неизгладимые впечатления живые примеры русской старины, скорее всего именно тогда в нем зародились особое благоговение к православным святыням и неизменная любовь к русским древностям. Недаром граф Алексей Уваров впоследствии называл его «великим князем от археологии». Тогда же у мальчика родился живой интерес к отечественной религии, к Святому православию. В Москве его первыми учителями на этом поприще был митрополит Московский Филарет (Дроздов) и его ближайший помощник, викарный епископ Леонид.

Святитель Филарет (Дроздов) писал государю: «Да будет мне полезно обратить слово к Вашему родительскому сердцу. Не раз приятно беседовал я с великим князем Сергием Александровичем и радостно усмотрел, что пребывание в московском воздухе благоприятно для его здоровья». Отрок Сергей пожелал присутствовать на архиерейском богослужении. Святитель Филарет поручил своему викарному епископу Леониду (Краснопевкову) отслужить Божественную литургию в Чудовом монастыре. Эта встреча с Чудовым монастырем великого князя была знаменательной, именно здесь впоследствии упокоятся его мощи.

После службы великий князь Сергей Александрович в сопровождении своего воспитателя посетил преосвященного Леонида. С этого времени началась дружба, которая продолжалась до смерти Владыки. Владыка Леонид регулярно беседовал на серьезные духовные темы с мальчиком, отвечая на сокровенные вопросы юной души, обычно ускользающие от внимания учителей Закона Божьего. Такие беседы имели свое продолжение и позже, в Санкт-Петербурге, во время нечастых командировок владыки Леонида в Священный Синод. Сам преосвященный Леонид, скончавшийся архиепископом Ярославским, с радостным чувством рассказывает о встречах с благочестивым отроком: «Обедали четверо: оба великих князя и я с воспитателем... Во время обеда продолжался разговор, предметом коего было монашество... Поэтому много говорилось об Угреше, где еще в детстве с А.Ф. Тютчевой был великий князь Сергей... Воспитатель сказал: “Сергей Александрович, покажите преосвященному Вашу моленную”. Великие князья привели меня в просторную высокую комнату с двумя-тремя окнами... Тут я увидел и образ св. Саввы, 6 или 8 вершков, о котором великий князь сказал, что он всегда с ним, равно как и складень, также мною данный, с изображением Божией Матери с Богомладенцем, Сергея и Саввы. Уже давно, сказал мне Сергей Александрович, он ежедневно молится прп. Савве».

Владыке Леониду тесное знакомство с великим князем Сергием давало возможность подать духовные наставления своему юному собеседнику. «Мы были оставлены одни... Такие минуты дороги, хочется так много поговорить от души к душе... Я говорил, они слушали внимательно... кажется, о молитве, о правиле молитвенном, о том, что она всегда должна жить в душе..., что есть молитва, которая должна быть открыта, и другая, внутренняя, сокровенная, что пред Богом мы все равны, что с тех больше спросится, кому больше дано, что смирение одно возвышает человека пред очами Божиими и что в их высоком положении христианскими добродетелями особенно много можно послужить ближним и уготовить себе высокое место в будущей жизни».

К обучению великого князя Сергея были привлечены лучшие научно-педагогические силы, и он получил прекрасное разностороннее образование. Русскую историю преподавал профессор К. Н. Бестужев-Рюмин, оказавший большое влияние на формирование общественно-исторического мировоззрения великого князя. По его совету была организована поездка великого князя Сергея по северу России для наглядного знакомства с историческими памятниками и святынями. В течение зимы 1876 года уроки истории давал приглашенный из Москвы профессор С.М. Соловьев. Высокий уровень образования был и по другим дисциплинам: энциклопедия права (К. П. Победоносцев), гражданское право (профессор Н.С. Таганцев), политическая экономия (В.П. Безобразов), тактика и стратегия (генералы Г.А. Леер и М.И. Драгомиров) и др.

Государь заботился также о том, чтобы сын его постигал и жизненную науку. Когда великому князю Сергию было около 18 лет, Александр II поручил А.Ф. Кони, занимавшему тогда должность прокурора, ознакомить великого князя с настоящим состоянием тюрем столицы. Сын императора в течение нескольких дней посещал все тюрьмы инкогнито, как молодой офицер нижнего чина. На впечатлительную, нравственно-чуткую душу Сергея Александровича увиденное произвело гнетущее впечатление. «Через много лет, в 1898 году, в Москве великий князь, которого я просил как московского генерал-губернатора содействовать осуществлению мысли о постановке памятника великому тюремному человеколюбцу Феодору Петровичу Гаазу, – рассказывал впоследствии А.Ф. Кони, – вспомнил наш объезд петербургских мест заключения и сказал мне: “Я много видел тяжелых картин на своем веку, но ничто не произвело на меня такого подавляющего действия как то, что вы мне показали тогда, – этого нельзя забыть!”» Вечером накануне дня своего совершеннолетия великий князь Сергей был произведен в полковники. В сам день рождения он принес присягу на верность служения царю и Отечеству. По закону о царской фамилии ему назначался попечитель. По выбору государя им стал бывший воспитатель великого князя капитан первого ранга Д.С. Арсеньев. В Царскосельском дворце был совершен напутственный молебен, и государь, его наследник (будущий царь Николай II) и великий князь Сергей отправились в действующую армию. Шла Русско-турецкая война 1877–1878 годов.

Царь намеренно подвергал сына трудам и испытаниям. 5 июля 1877 года великий князь получил приказ оставить императорский лагерь и быть в действующей армии, которой командовал наследник Николай Александрович. Последний отправил своего младшего брата в Рушукский отряд. 12 октября 1877 года наследник приказал командиру отряда генералу Власенко произвести рекогносцировку по всему фронту расположения Рушукского отряда. Об этом военном событии рассказывается в походном дневнике Леонида Михайловича Чичагова (впоследствии митрополита священномученика Серафима): «Остается еще сказать о правой колонне. Генерал Власенко, перейдя Кара-Лом у Кошева, вскоре был замечен неприятелем, и турки открыли сильный артиллерийский огонь, причем взорвали в 19-й конной батарее передок, находившийся в 50 метрах от великого князя Сергея Александровича, состоявшего при колонне». После шестимесячного пребывания за Дунаем великий князь Сергей вместе с государем вернулся в Петербург.

В возрасте 24 лет великий князь Сергей совершил паломничество в Святую Землю. В поездке его сопровождали родной брат великий князь Павел Александрович и великий князь Константин Константинович. Глава Русской духовной миссии в Иерусалиме архимандрит Антонин (Капустин) писал В.Н. Хитрово, будущему секретарю Императорского Православного Палестинского Общества: «От Высоких гостей майских тут все в восторге... Меня они очаровали своею чистотою, искренностью, приветливостью и глубоким благочестием в духе Православной Церкви. Пробыли здесь 10 дней, от 21 по 31 мая, и половину ночей этого периода провели у Гроба Господня в молитве. От щедрот их и мне на мои постройки выпала нескудная лепта».

Великий князь Сергей Александрович смог увидеть безотрадное состояние православия в Палестине, убедился в тяжелом и беспомощном положении русских богомольцев, особенно простого народа. По возвращении на родину он основал Православное Палестинское Общество и стал первым его председателем. За 23 года его руководства и в последующие годы Общество это сыграло исключительную роль в деле утверждения православия на Святой Земле. Общество ставило перед собою три главные цели: защита и утверждение православия в Святой Земле; облегчение православным паломникам путешествия в Палестину и попечение о них в самой Палестине, изучение и ознакомление русских людей с прошлым и настоящим Святой Земли.

Палестинское общество прекрасно справилось с этими задачами. Быстро стали создаваться отделения Общества. В 1897 году они действовали уже в 28 губерниях. Собирались пожертвования. В результате полученных средств «прежде всего Палестинское общество озабочивалось об улучшении и удешевлении путешествия русских богомольцев в Святую Землю... Оно с этой целью вошло в сношение с железнодорожными и пароходными обществами и достигло того, что наши богомольцы за крайне дешевую плату, с возможными для них удобствами, отправляются в Святую Землю: там их встречают с радушием, дают удобное помещение, крайне дешевый и хороший стол». В Иерусалиме для русских паломников было сооружено подворье, устроена гостиница, больница.

Палестинское Общество стало строить, восстанавливать и поддерживать православные храмы. Оно открывало поликлиники, амбулатории и больницы, странноприимные дома. Амбулатории в Иерусалиме, Назарете и Вифлееме принимали ежегодно до 60 тысяч больных, снабжали бесплатными лекарствами.

Большую роль в просвещении населения в духе православия играли открываемые Обществом школы и пансионы. Мужской пансион в Назарете и женский в Вифлееме готовили воспитанников в православии учителей и учительниц для местных школ.

По инициативе и на средства великого князя в Иерусалиме были произведены раскопки, давшие много ценных результатов.

Под вековыми наслоениями был обретен порог так называемых Судных врат, чрез которые шел с Крестом на Голгофу Иисус Христос. На этом священном месте был сооружен храм во имя святого благоверного князя Александра Невского, в память царя-освободителя. Он также способствовал строительству храма святой равноапостольной Марии Магдалины в Гефсимании в память о своей матери благочестивой императрице Марии Александровне.

В 1882 году великий князь Сергей вступил в ряды лейб-гвардии Преображенского полка командиром 1-го батальона. По воспоминаниям сослуживцев, этому началу своей действительной службы он отдавался со всем жаром своей пылкой натуры, причем всегда первым был на службе и служил для всех образцом исполнения служебных обязанностей.

В 1884 году произошло одно из самых значительных событий в жизни великого князя Сергея Александровича – женитьба на принцессе Гессен-Дармштадтской Елизавете. После приезда к ней в Дармштадт невеста его принцесса Елизавета писала своей бабушке по матери королеве Виктории: «Я так рада, что Вы увидите Сергея, когда приедете в следующем месяце, и надеюсь, что он произведет на Вас приятное впечатление. Все, кто его знает, любят его и говорят, что у него правдивый и благородный характер».

В день Пресвятой Троицы, 27 мая 1884 года, невеста в сопровождении всей своей семьи прибыла в российскую столицу. Друг ее жениха, великий князь Константин Константинович (К.Р.), записал в дневнике: «Скоро подошел поезд невесты. Она показалась рядом с императрицей, и всех нас словно солнцем ослепило. Давно я не видывал подобной красоты. Она шла скромно, застенчиво, как сон, как мечта...» Таинство Венчания было совершено в воскресенье 3 июня 1884 года в церкви Большого дворца. Замечателен день бракосочетания – праздник Всех Святых. В дневнике великого князя Константина читаем: «Сегодня была свадьба Сергея.

Ради нашей тесной дружбы я с утра переживал чувства и волнения, которые испытывал в день своего венчания. Я был у него, когда он одевался на свадьбу и благословил его образом с надписью: *Без Мене не можете творити ничесоже* (Ин. 15, 5)».

Молодые супруги не поехали за границу проводить свой медовый месяц, а направились в имение Ильинское, которое незадолго до смерти императрица Мария Александровна завещала своему сыну Сергию. Навестивший их великий князь Константин Константинович нашел молодых в состоянии семейной радости и трогательной любви. Это был необыкновенно счастливый союз. В Ильинском молодые супруги пробыли до начала осени. Они там вели простую деревенскую жизнь и старались строгие правила двора свести до минимума. Катались на лодке по реке, гуляли по полям и лесу, собирали цветы и ягоды. Одним из занятий великокняжеской четы было чтение. Сергей Александрович читал вслух, а Елизавета Феодоровна в это время или вышивала, или делала зарисовки для пейзажей.

Вскоре великий князь Сергей Александрович был произведен в генерал-майоры и назначен командиром Преображенского полка. Строго исполняя свои обязанности, великий князь Сергей Александрович с отеческим вниманием и заботой относился к своим подчиненным. Так, например, во время маневров под Нарвой, чтобы испытать тяжесть солдатского снаряжения, он надел его на себя и с ружьем прошел маршем десять верст. Сослуживцы по полку – как офицеры, так и солдаты – относились к нему с любовью. Оставляя в 1891 году полк, великий князь Сергей Александрович оставил из личных средств 10 тысяч рублей, большую по тем временам сумму, для оказания помощи нуждающимся в полку.

В октябре 1888 года великий князь Сергей и великая княгиня Елизавета посетили Святую Землю. Супруги начали свое паломничество с Назарета, где прошли детские и отроческие годы нашего Спасителя. Они поднимались на гору Преображения – Фавор. Греческий храм на горе Фавор получил после этого восхождения красивую икону в позолоченной раме, изображающую Преображение Господне. Внизу на иконе была выгравирована надпись, что это дар от великого князя Сергея Александровича. В настоящее время эта икона хранится в Иерусалиме, в греческой Патриархии.

Богомольцы посетили Иерусалим, Гефсиманию с храмом святой равноапостольной Марии Магдалины, где 23 года спустя были погребены святые останки великой княгини Елизаветы. Божественный Промысел избрал великого князя Сергея в деле, значение которого переоценить невозможно: обратить в православие и дать нашей Церкви великую угодницу Божию преподобномученицу великую княгиню Елизавету.

Обладая от природы глубоким и сильным религиозным чувством, она была воспитана как убежденная лютеранка. Искренне принимая религию своих родителей и предков, она и мысли не могла допустить о перемене веры не по убеждениям, а по мотивам практического характера. Такой она приехала в Россию. Когда она стала женой великого князя Сергея Александровича, ни у него, ни у его близких не было никаких разговоров о переходе великой княгини Елизаветы в православие. Это представлялось невозможным. И если это совершилось, то главная заслуга в этом принадлежит ее мужу, великому князю Сергию. Его личное благочестие, высокая духовность, строгое соблюдение церковных канонов и правил явились свидетельством истины православия. Через веру великого князя Сергея она убедилась в духовной красоте и силе православия. В письме к отцу из Петербурга она писала: «Земное счастье я всегда имела – когда была ребенком в моей старой стране, а как жена – в моей новой стране. Но когда я видела, каким глубоко религиозным был Сергей, я чувствовала себя отставшей от него, и чем больше я узнавала его церковь, тем больше я чувствовала, что она приближает меня к Богу. Это чувство трудно описать».

Другие письма святой преподобномученицы Елизаветы дополняют наши знания о том, как произошла эта великая перемена. В этих свидетельствах открываются также черты замечательной личности великого князя Сергея, его подлинно христианские добродетели. В письме

родному брату Эрнесту она объясняет: «Не думай, что только земная любовь привела меня к этому решению, хотя я и чувствовала, как Сергей желал этого момента, и я знала, что он страдал от этого. Он был настоящим ангелом доброты. Как часто он мог бы, коснувшись моего сердца, привести меня к перемене религии, чтобы сделать его счастливым; и никогда, никогда он не жаловался; и только теперь я узнала через жену Павла, что у него были моменты, когда он приходил в отчаяние. Как ужасно и мучительно сознавать, что я заставила многих страдать: прежде всего – моего родного, моего любимого мужа».

Решение жены обратиться в православие глубоко тронуло любящую душу великого князя. Великая княгиня по собственному внутреннему побуждению решила присоединиться к православной Церкви. Когда она сообщила о своем намерении своему супругу, у него, по словам одного из бывших придворных, «слезы невольно брызнули из глаз».

Великий князь Сергей Александрович был для великой княгини Елизаветы и ее первым наставником: «Я прочитала здесь с Сергеем много книг о религии – я просила его об этом, мне хотелось объяснений», – писала она брату за три месяца до своего первого причастия Святых Таин в Лазареву субботу. Имея правильное духовное устроение, великий князь и жене своей, делавшей первые шаги в православии, смог дать правильное направление на всю ее жизнь. Об этом она вспоминает в письме к государю Николаю II: «Ты пишешь о духе прелести, в который, увы, можно впасть и о котором мы часто говорили с Сергеем. Когда я была протестанткой, Сергей, с его большим сердцем и тактом, никогда не навязывал мне своей религии; то, что я не разделяла его веры, было для него большим горем, но он находил силы стойко переносить его – благодаря отцу Иоанну, который говорил: «Оставьте ее в покое, не говорите о нашей вере, она придет к ней сама». Слава Богу, все произошло именно так. Сергей, который знал свою веру и жил по ней настолько истинно, насколько может настоящий православный христианин, и меня так возматил и, благодарение Богу, предостерег от этого «духа прелести», о которой ты говоришь».

В феврале 1891 года великий князь Сергей Александрович был поставлен на высокую и ответственную должность московского генерал-губернатора. Великая княгиня Елизавета Федоровна писала будущему государю, тогда великому князю Николаю Александровичу: «У нас столько всего произошло – Сергея назначили генерал-губернатором Москвы. Мы были очень тронуты доверием, которое твой отец оказал моему дорогому мужу, дав ему такую важную должность, и добротой, и любовью, которую он проявил, сделав Сергея своим генерал-адъютантом». Великий князь Константин Константинович (К.Р.) записал в дневнике: «Назначение Сергея всеми встречается с радостью».

За годы генерал-губернаторства Сергей Александрович сумел поднять и внешнее значение и внутреннюю жизнь Москвы до столичного уровня. Многовековая история московской земли является неиссякаемым источником ее величия. Для претворения этой мысли в жизнь Сергей Александрович своим высоким покровительством и личным участием всесторонне поощрял собственно московские историко-археологические исследования, являясь бесменным почетным членом Императорского московского археологического общества и попечителем Исторического музея первопрестольной. Великому князю обязана Москва и многими своими бесценными художественными раритетами. Сергей Александрович возглавлял Комитет по устройству Музея изящных искусств, ныне знаменитого Музея имени Пушкина.

Только с его помощью мысль основателя и первого директора музея И.В. Цветаева о создании в Москве постоянно действующего художественного собрания, подобного Санкт-Петербургскому Эрмитажу, удалось претворить в жизнь.

Его участие в самых различных сферах деятельности впервые открылось многим лишь после его убийства. Оказалось, что с его уходом лишились реального покровителя и щедрого спонсора археологические институты в Петербурге и Константинополе, Общество поощрения художников, Исторический музей в Москве, Московская промышленная и коммерческая ака-

демия. Великий князь был почетным членом Академии наук, Московского и Петербургского университетов, Одесского общества истории и древностей.

Это было время, когда Россия, по словам архиепископа Анастасия (Грибановского), «под крепким скиптром Александра III достигла расцвета своего могущества и силы, и притом в чисто национальном духе». На тех же принципах, что и царь-миротворец, строил свою деятельность как генерал-губернатор великий князь Сергей Александрович.

Он «старался поднять древнепрестольную столицу в различных отношениях, особенно в смысле хранения в ней, как в исконно русском центре, ее национально-исторических преданий. И поникшее было в прежнее время, под воздействием чуждых нам влияний, значение ее святынь, исторических достопримечательностей, самого уклада жизни московской при нем поднялось, возвысилось и стало виднее во всех концах России».

Зная, какие пагубные последствия имеет дух общественной непокорности, вызывающий социальные нестроения и взаимную вражду между людьми, генерал-губернатор Сергей Александрович решительно боролся против разрушительных сил. Человек истинно христианской нравственности, он, несмотря на свою сугубую занятость, деятельно, а не номинально участвовал во многих просветительских и благотворительных организациях, оказывая им помощь, как почетный председатель или попечитель: Московского общества призрения, воспитания и обучения слепых детей; Комитета для оказания пособий вдовам и сиротам, пострадавшим на войне; Московского общества покровительства беспризорных и освобожденных из мест заключения несовершеннолетних; Московского Совета детских приютов, Иверской общины сестер милосердия.

Общеобразовательные чтения для рабочих возникли в Москве также по мысли московского генерал-губернатора, который горячо принимал к сердцу умственные и нравственные интересы рабочих. Он щедро обеспечивал всевозможными средствами чтения для них. В своем имении Ильинское великий князь Сергей построил родильный дом для женщин окружающих деревень. В этой больнице часто совершались и крещения новорожденных детей. Восприемниками бесчисленных крестьянских младенцев были Сергей Александрович и Елизавета Феодоровна.

Любовь великого князя Сергея к простому народу особенно ярко проявлялась в дни празднования преподобного Сергея Радонежского, пророка Илии и святой праведной Елисаветы, когда в Ильинское стекалось множество людей из ближних и дальних деревень. После церковной службы в Ильин день открывалась ярмарка, которая длилась три дня. На ярмарке можно было найти все необходимое для домашнего хозяйства: куски льняного полотна и яркого ситца, изделия из дерева – деревянные шкапулки, миски, ложки и кружки. Современник, посещавший ярмарку, рассказывает: «Чем только не обязаны им здесь крестьяне: и школами..., и больницами, и щедрой помощью в случаях пожара, падежа скота и всякой другой беды и нужды... Нужно было видеть августейших помещиков в селе Ильинском в день престольного праздника, в Ильин день, среди крестьян после обедни на ярмарке. Почти все привозимое скупается ими и здесь же раздается крестьянам и крестьянкам от мала до велика».

Большим событием в жизни великого князя Сергея и великой княгини Елизаветы было присутствие на торжествах во дни прославления преподобного Серафима Саровского в июле 1903 года. Накануне гроб со святыми мощами великого угодника Божия был перенесен туда крестным ходом из церкви святых Зосимы и Савватия. Гроб несли государь Николай Александрович, великий князь Сергей и другие. О впечатлении от этой поездки преподобномученица Елизавета вспоминала в письме от 23 мая 1909 года к государю перед своей поездкой в Кашин, где были торжества восстановления святого почитания благоверной княгини Анны Кашинской: «Празднование церковное, и я, конечно, была бы счастлива вновь пережить божественное впечатление, как тогда в Сарове, – это редкостное благословение и поддержка в жизни».

После поездки в Саров великий князь Сергей вернулся к своим обязанностям, исполнять которые становилось все труднее. Россия как бы раздвоилась. Одни дорожили вековыми отечественными традициями православной Руси, другие были одержимы мятежным духом, жаждой разрушения. Решение об убийстве великого князя Сергея Александровича было принято партией социалистов-революционеров.

Великий князь Сергей уже не занимал пост генерал-губернатора Москвы. Государь удовлетворил его прошение об отставке. За ним сохранился лишь пост командующего Московским военным округом. Поэтому мотивы убийства можно оценить скорее как идейные, а не политические. Великий князь Сергей был убит за свои православно-патриотические убеждения. Он получал угрожающие письма; анонимные обращения приходили и к его жене. Великий князь был в любой день готов принять смерть.

4 февраля 1905 года он выехал из Николаевского дворца в губернаторский дом. На Сенатской площади Кремля в карете, в которой ехал великий князь, разорвалась со страшной разрушительной силой бомба, брошенная террористом И.П. Каляевым. Тело убитого было растерзано, и прибывшая на место трагедии великая княгиня Елизавета с великим самообладанием собирала его по частям. Уцелели нательный крест и образки. Останки были уложены на носилки, покрыты шинелью стоявшего здесь солдата, отнесены в Чудов монастырь и поставлены близ раки святителя Алексия.

Православные люди единодушно называли эту смерть мученической: «Да, он был воистину наш, потому что всегда он был жив духом древней Москвы... Пусть же он останется нашим и по кончине своей: пусть останки его пребудут навсегда в стенах священного Кремля, где Бог судил ему кончить жизнь мученически», – писал в «Московских ведомостях» священник Иосиф Фудель. Мысль о том, что смерть ее дорогого супруга была мученической, укрепляла великую княгиню Елизавету. В ответ на адрес Московской городской Думы она писала: «Великим утешением в моем тяжелом горе служит сознание, что почивший великий князь находится в обители святителя Алексия, память которого он глубоко чтит, и в стенах Москвы, которую он глубоко любил, и в стенах Кремля которой он мученически погиб». Будущий преподобноисповедник Сергей (до монашества – протоиерей Митрофан Сребрянский) записал: «7 февраля. Сейчас служили мы панихиду по новомученику царствующего дома великом князе Сергие Александровиче. Царство Небесное мученику за правду!»

Первая панихида по убиенному великому князю Сергию была совершена сразу же по перенесении останков в храм святителя Алексия в Чудовом монастыре наместником Чудова монастыря архимандритом (впоследствии епископом) Арсением (Жадановским) с иеромонахами Анастасием и Ферапонтом при пении монастырского хора. На следующий день панихиду совершил старший vikарий Московской митрополии епископ Трифон (Туркестанов) с архимандритом Арсением, ректором Псковской духовной семинарии архимандритом Борисом и другими священниками. На панихиде присутствовала великая княгиня Елизавета. В течение нескольких дней до отпевания непрерывно у гроба служились панихиды.

На третий день по смерти великого князя произошло событие, которое открывает нам ту духовную высоту, на которой стояли и охваченная горем вдова, и убиенный ее супруг. Через два дня, во время молитвы о дорогом муже, она вдруг ясно почувствовала, что великий князь от нее что-то просит. Она поняла, что ей нужно снести Каляеву прощение великого князя, которое он не успел дать. Свидание было устроено 7 февраля в канцелярии арестного дома Пятницкой части. Слова, сказанные великой княгиней Елизаветой Феодоровной Каляеву, косвенно подтверждают, что христианское прощение, данное убийце, исходило от убиенного: «Я хотела бы только, чтобы вы знали, что великий князь простит вам, что я буду молиться за вас...»

10 февраля митрополит священномученик Владимир (Богоявленский) со всеми викарными епископами и духовенством столицы совершил отпевание великого князя Сергея. Пра-

вославные люди, воспринявшие его смерть как мученичество за свои православно-патриотические убеждения, не только совершали заупокойное поминовение, но также верили в его молитвенное предстательство. Спустя два года священномученик Иоанн Восторгов в речи, посвященной его памяти, сказал: «Сегодня “именины преподобного отца нашего Сергея” – память святых мучеников Сергея и Вакха; в честь одного из них и назван великий Радонежский подвижник и всея России чудотворец. Не вспоминается ли нам невольно умерший смертью мученика, соименный преподобному Сергию и имевший его небесным покровителем, царственный витязь и подвижник за землю русскую благоверный великий князь Сергей Александрович... В этот час заупокойного о нем моления, продолжая в любимой им Москве любимое им дело, мы призываем его светлый дух и, приобщая его к радости подвига во имя Церкви и России, мы уповаем на невидимое его нам вспоможение духом его любви, его загробного дерзновения в молитве к Богу».

Великий князь Сергей принадлежал к тем искренним и нравственно-благородным личностям, для которых готовность принести себя в жертву не требовала подвига, а была естественным проявлением жизненного настроения и исполнением долга перед Церковью и Отечеством. Трудно найти в нашей истории другого человека, чей светлый лик так старательно пытались бы очернить клеветой. «Он был, – пишет современный православный исследователь, – оклеветан не только революционерами, врагами великой национальной России, но и многими представителями “высшего” общества. Его неутомимо чернили за рубежом, чем особенно прославился германский император Вильгельм II. Но он, помня слова Спасителя, *в мире скорбни будете* (Ин. 16, 33), высоко неся имя православного христианина, не воздавал им злом за их беззакония. Мать-Церковь обильно подавала ему свои утешения, и он наслаждался ее святостью. Однако безбожный мир продолжал жестоко преследовать его, и, наконец, он был зверски убит».

Среди клеветников великого князя Сергея самыми нечистыми были те, кто касался его супружеской жизни – этой возвышенносветлой страницы его недолгой, но высокой жизни. От писем его святой супруги, в которых она говорит о своем муже, веет радостью при жизни и чувством благодарности за пережитое счастье после его смерти. Она писала государю Николаю 7 апреля 1910 накануне посвящения в крестовые сестры: «Дорогой мой, я прошу твоего благословения, молитв и прощения перед приближающимся торжественным днем... Сергей с радостью умер за тебя и за свою Родину. За два дня до смерти он говорил, с какой готовностью пролил бы свою кровь. Если бы мог этим помочь. Надеюсь, Господь даст мне силы, чтоб никто не смог сказать, что я оказалась недостойной водительства такого истинно благородного мужа и настоящего христианина». Духовная связь двух горячо любивших друг друга супругов никогда не прерывалась. Знаменательно, что сама великая княгиня Елизавета приняла мученическую смерть в день тезоименитства своего супруга, 5 июля 1918 года, в день памяти преподобного Сергея Радонежского.

На месте мученической кончины Сергея Александровича 5-й гренадерский полк поставил белый крест. К подножию креста люди начали класть деньги, и великая княгиня Елизавета Феодоровна, назначенная шефом полка по кончине великого князя, выразила желание, чтобы на эти средства был сооружен новый крест-памятник. Крест был выполнен по проекту В.М. Васнецова. У подножия креста было начертано: «Отче, отпусти им, не велят бо, что творят», а по всему кресту шла надпись «Аще бо живем, Господеви живем, аще же умираем, Господеви умираем: аще бо живем, аще умираем Господеви есмь. Вечная память Великому Князю Сергею Александровичу, убиенному 4 февраля 1905 года. Помяни нас, Господи, егда приидеши во Царствии Твоем». Внизу на лицевой стороне постамента была сделана надпись: «Поставлен на доброхотные пожертвования, собранные 5-м гренадерским Киевским полком в память своего бывшего шефа Сергея Александровича, на сем месте убиенного, и на жертвования всех, почтивших память Великого Князя». Перед памятником была поставлена неугаси-

мая лампада. Великая княгиня Елизавета Феодоровна, всегда отдававшаяся делам милосердия и благотворительности, после кончины великого князя всю жизнь свою посвятила служению Богу и ближним. За Божественной литургией 10 апреля 1910 года в храме Марфо-Мариинской обители сестер милосердия, учрежденной Елизаветой Феодоровной, состоялось возложение на великую княгиню креста настоятельницы. Богослужение совершил митрополит Владимир в сослужении духовника обители протоиерея Митрофана Сребрянского и протоиерея К. П. Зверева, настоятеля храма преподобного Сергия – усыпальницы великого князя Сергия Александровича.

Великий князь Сергей Александрович был погребен в особом склепе в Чудовом монастыре в Кремле. В 1918 году крест-памятник был уничтожен, а в 1929 году был разрушен и Чудов монастырь. В начале 30-х годов с уничтожением монастыря была разрушена и усыпальница над склепом. В 1990-х годах во время ремонтных работ был обнаружен склеп, в котором был погребен убиенный великий князь. 17 сентября 1995 года после трехлетних усилий православного общества «Радонеж» его останки были перенесены в Новоспасский монастырь и захоронены в усыпальнице бояр Романовых в подклете Собора. В 1998 году был воссоздан и установлен в Новоспасском монастыре крест-памятник, точная копия уничтоженного. Теперь каждый приходящий в обитель может поклониться этому кресту и сотворить молитву о великом князе Сергии Александровиче – выдающемся государственном деятеле, человеке глубокой веры, твердого духа и праведной жизни, которую он всецело посвятил служению на благо Отечества.

Литература

Голубцов С., протодиак. Московское духовенство в преддверии и начале гонений 1917–1922 гг. – М., 1999. С. 184.

Мартиролог расстрелянных и захороненных на полигоне НКВД «Объект Бутово» 08.08.1937-19.10.1938 / Храм Свв. Новомучеников и исповедников Российских в Бутово. Группа увековечения памяти жертв полит. репрессий. – М.: Изд-во «Зачатьевский монастырь», 1997.

Синодик пострадавших за веру и Церковь Христову в Бутово. – М.: ПСТБИ, Братство во Имя Всемилостивого Спаса, Община храма Свв. Новомучеников и Исповедников Российских в Бутово, 1995. 19 с.

Заседание Священного Синода// Церк. 2002. Окт. № 19 (248).

Иеромонах Дамаскин (Орловский). Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX стол. – Тверь: Булат.

Дегтярева М. Последний лаврский монах (pravmir.ru).

«Детки мои любимые...» Схиигумения Фамарь (княжна Марджанова). – М.: Паломник, 2008.

Диакон Дмитрий Пономаренко. Такое мягкое, любящее сердце. Жизнеописание епископа Можайского Стефана (Никитина) // Вестник ПСТГУ (серия «История РПЦ»), 2007, № 1 (22).

Епископ Сергей (Соколов). Правдой будет сказать... – Новосибирск, 1999.

Рижский Троице-Сергиев женский монастырь // Журнал Московской Патриархии, 2006, № 7.

Самарины. Мансуровы. Воспоминания родных. – М.: ПСТБ, 2001.

Свящ. Сергей Мансуров. Очерки из истории Церкви. – Клин, 2002.

Соколова Н. Н. Под кровом Всевышнего. – Издательство Православного братства святого апостола Иоанна Богослова, 2005.

Шишкин М. Проповедник радости. Жизнь и подвиг архиепископа Сергия Королева (1881–1952 гг.) (sobranie.org).

В книге использованы материалы с сайтов:

pravoslavie.ru

patriarchia.ru

porta-slovo.ru

saints.ru

pravmir.ru

pstbi.ru

foma.ru

mpda.ru

fond.ru

fond.centro.ru

sobranie.org

ippo.ru

stsl.ru

kocio.kostrom-eparhia.ru

makar-monastery.ru

mari.eparhia.ru